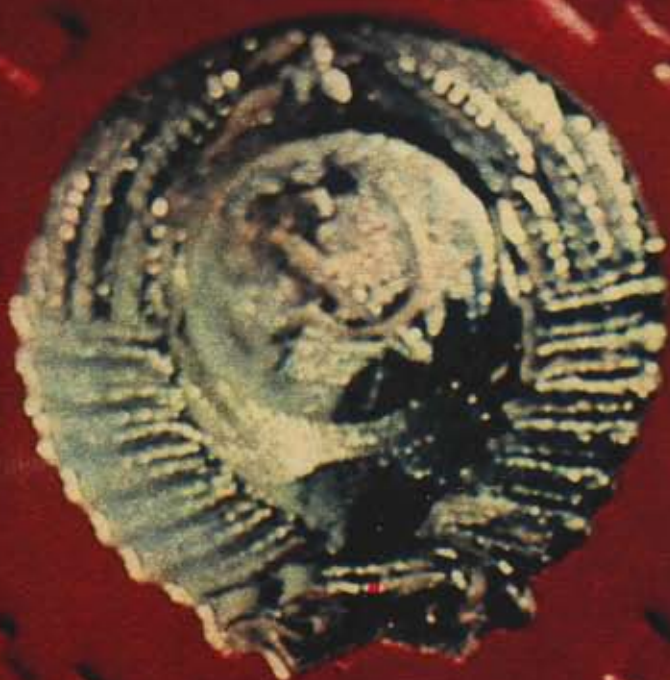

СМЕНА

№ 22 НОЯБРЬ 1977

КОНСТИТУЦИЯ
** основной закон **
СОЮЗА СОВЕТСКИХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ
РЕСПУБЛИК

**МЫ С УВЕРЕННОСТЬЮ И ГОРДОСТЬЮ МОЖЕМ СКАЗАТЬ:
ИМЕННО ВЕСЬ СОВЕТСКИЙ НАРОД СТАЛ ПОДЛИННЫМ ТВОРЦОМ
ОСНОВНОГО ЗАКОНА СВОЕГО ГОСУДАРСТВА.**

Л. И. БРЕЖНЕВ

ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, СОВЕРШЕННАЯ РАБОЧИМИ И КРЕСТЬЯНАМИ РОССИИ ПОД РУКОВОДСТВОМ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ВО ГЛАВЕ С В. И. ЛЕНИНЫМ, СВЕРГЛА ВЛАСТЬ КАПИТАЛИСТОВ И ПОМЕЩИКОВ, РАЗБИЛА ОКОВЫ УГНЕТЕНИЯ, УСТАНОВИЛА ДИКТАТУРУ ПРОЛЕТАРИАТА И СОЗДАЛА СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО—ГОСУДАРСТВО НОВОГО ТИПА, ОСНОВНОЕ ОРУДИЕ ЗАЩИТЫ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ЗАВОЕВАНИЙ, СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛИЗМА И КОММУНИЗМА.

ИЗ КОНСТИТУЦИИ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ВЕЛИКИЙ
60
ОКТЯБРЬ

ЛЕНИН. ОКТЯБРЬ. МОЛОДЕЖЬ.

Владимир
ДЕСЯТЕРИК

ХРОНИКА.
Часть восьмая

Год 1921-й

18 апреля Ленин подписывает декрет Совнаркома об обеспечении рабочих факультетов общежитиями.

20 апреля Владимир Ильич подписывает постановление Совета Труда и Оборона об условиях проезда увольняемых в отпуск на каникулы студентов рабочих факультетов и высших учебных заведений.

13 мая Владимир Ильич подписывает декрет Совнаркома об обеспечении культурно-просветительных и воспитательных учреждений помещениями. Лишь в исключительных случаях признавалось отныне допустимым в обстановке военных действий принудительное выселение из помещений, занятых детскими учреждениями. Губернские исполкомы обязывались предоставлять для детей «лучшие помещения в городах, населенных центрах и в бывших помещичьих имениях». Чем была вызвана необходимость принятия такого документа? Ответ находим в воспоминаниях наркома здравоохранения Н. А. Семашко: «Тотчас после революции мы стали занимать под детские учреждения особ-

няки, лучшие дачи, дворцы; по фабрикам и заводам для детей использовались квартиры и дома директоров, инженеров. Но в обстановке военных действий и тогдашних событий детские учреждения кое-где начали теснить, выселять. Мы обратились за защитой к Владимиру Ильичу в Совнарком».

13 мая Владимир Ильич подписывает постановление о порядке содержания студентов-практикантов во время их практических работ.

21 мая Владимир Ильич в проекте наказа Совета Труда и Оборона советским учреждениям намечает меры по восстановлению производительных сил страны. Наряду с использованием воинских частей для трудовых целей он предлагает также привлекать к этой работе местные учреждения всеобщего и профессионального образования через его учреждения молодежи.

31 мая Владимир Ильич участвует в заседании Политбюро ЦК РКП(б), где обсуждался вопрос о плане издания учебников.

8 июня Владимир Ильич подписывает постановление Совета Труда и Оборона о студентах-иностранцах высших технических учебных заведений, которое обязывает студентов, не зарегистрированных в качестве иностранцев и получающих стипендию от государства, по

окончании вуза поступать в распоряжение хозяйственных органов РСФСР и отрабатывать по специальности определенный срок.

10 июня Владимир Ильич подписывает декрет Совнаркома о временной приостановке действия декрета от 13 августа 1920 года «О приеме в студенты высших технических учебных заведений» и ст. 2 и 3 декрета от 14 января 1921 года «О срочном выпуске специалистов» в связи с продовольственными затруднениями и острым недостатком помещений.

14 июня Владимиру Ильичу направляет письмо нарком просвещения А. В. Луначарский, к которому прилагает докладную записку и проект декрета о создании Всероссийского комитета охраны детства. Речь шла о том, чтобы увеличить приток всякого рода пожертвований детям республики как из пределов РСФСР, так и из-за границы. «...Сейчас, при определенном изменении в смысле продовольственной монополии и расширении наших связей за границей,— писал Анатолий Васильевич,— нам приходится чрезвычайно сильно опираться на дарственные продукты, которые еще в начале 1920 г. играли крупную роль, а сейчас могут сыграть еще большую. Я вполне согласен с докладной запиской, но не решаюсь вносить декрета без Вашего личного одобрения». 28 июня 1921 года управ-

ляющий делами Совнаркома предлагал А. В. Луначарскому внести этот вопрос на заседание ВЦИК, 22 июня он рассматривался Малым Совнаркомом.

Между 22 июня—12 июля во время работы III конгресса Коминтерна Владимир Ильич встречается с финским революционером Г. С. Ровио и выражает соболезнование в связи со смертью его жены. Озабоченный судьбой оставшегося без матери его маленького сына, В. И. Ленин записывает для памяти на одном из планов своих выступлений на конгрессе: «Н. В. Ровио. (Питер). Достать игрушки (7 лет)». И вскоре в Петроград пришла посылка.

Ранее 23 июня Владимир Ильич беседует с секретарем Исполкома КИМа Вилли Мюнценбергом, который информирует его о положении в международном юношеском движении.

24 июня В. И. Ленин подписывает декрет Совнаркома о практиканстве членов Российского Коммунистического Союза Молодежи во всех государственных учреждениях. «В первую очередь практиканство членов Российского Коммунистического Союза Молодежи вводится в тех учреждениях,— говорится в постановлении,— которые обслуживают труд, быт и воспитание трудящегося юношества (отделы Народного комиссариата труда, школьные отделы, Главный политико-просветительный комитет, Управление всеобщего военного обучения и формирования красных резервных частей и др.), в экономических и административно-промышленных органах и в Рабоче-Крестьянской инспекции». Практика членов РКСМ в государственных учреждениях устанавливалась сроком на шесть месяцев. Для них организовывались циклы лекций, собраний и докладов. Рассматривая практиканство как ответственное государственное дело, Совет Народных Комиссаров определял, что к практиканству допускаются члены РКСМ, имеющие некоторую политическую подготовку.

25 июня Владимиру Ильичу посылает телефонограмму следующего содержания А. В. Луначарский:

«Завтра 26/VI-21 г. кончается съезд рабфаков. Съехались 500¹ превосходных студентов-рабочих. Будут смертельно огорчены, если не увидят Вас хотя на 10 минут. Заседание от 12-ти до 4-х и от 6-ти часов. Пожалуйста, протелеграфируйте, будете ли!».

27 июня Владимиру Ильичу направляет письмо из Колумбии доктор Хозе Гомец. Он сообщал В. И. Ленину: «Мы живем в стране, которая особенно цепко держится за старые системы». И при этом добавлял, что «здесь есть наша молодежь, здоровая, вдумчивая, независимая, способная к изучению всего, что даст ей возможность победить обыденность и рутину и вознестись до идеала...».

30 июня Владимир Ильич в ответ на письмо Е. А. Литкенса, сообщавшего, что работа по изданию учебников приостановлена, обращается с запиской к Н. М. Горбунову с просьбой оказать типографии возможную помощь.

1 июля Владимир Ильич председа-

Продолжение. Начало в №№ 1, 7, 8, 10, 12, 15, 17.

¹ В документе неточность. На съезде присутствовало 215 делегатов.

В. И. ЛЕНИН ВЫСТУПАЕТ С ДОКЛАДОМ О МЕЖДУНАРОДНОМ ПОЛОЖЕНИИ НА ЗАСЕДАНИИ II КОНГРЕССА КОМИНТЕРНА.

тельствует на заседании Совета Труда и Обороны, где обсуждался вопрос о сокращении численности рабочих-подростков в промышленности и на транспорте и о мерах борьбы с этим явлением. На заседание были приглашены представители ЦК РКСМ. Владимир Ильич внимательно выслушал все их предложения, дал комсомольцам ряд ценных советов. Он подписал постановление Совета Труда и Обороны «О рабочих подростках в связи с сокращением штатов в промышленности и транспорте». Подростки, работающие на предприятиях и проходящие школу фабрично-завуча, и подростки, работающие подручными, подлежали отныне увольнению и сокращению лишь в крайнем случае.

«По отношению к подросткам, уже подвергнутым снятию с работы, следует широко развернуть местную инициативу, организовать для них в спешном порядке трудовые работы (уборочные отряды в деревне, коммунальные работы и т. п.). Поручить данную работу

Наркомтруду, привлекая органы Всеобщей и РКСМ», — говорилось в постановлении, которое в комсомольской среде получило название «охранная грамота Ленина».

1 июля Владимир Ильич подписывает постановление Совнаркома о разрешении Наркомпросу закупки молока для детей на вольном рынке.

Между 9 и 23 июля во время работы II конгресса КИМа перед одним из заседаний секретарь Исполкома КИМа Вилли Мюнценберг сделал заявление, свидетельствующее о том, что у него состоялась перед этим беседа с Владимиром Ильичем. «Товарищ Ленин, которого президиум пригласил на сегодня, — говорил В. Мюнценберг, — лишен возможности принять это предложение по болезни. Он уполномочил нас передать конгрессу свое сожаление по поводу того, что он лишен возможности быть в нашей среде. Он выражает надежду, что молодежь будет продолжать нача-

тую во время войны работу согласно директивам III Интернационала».

11 июля Владимир Ильич пишет письмо полпреду РСФСР в Иране Ф. А. Ротштейну, рекомендуя сына и дочь И. Ф. Арманд — Александра и Варвару, которые ехали туда на работу. «Я этих молодых людей знаю и сугубо о них забочусь, — подчеркивает В. И. Ленин. — Чрезвычайно был бы Вам обязан, если бы Вы на них обратили внимание и помогли им всячески. Если будет какая особая надобность, очень прошу мне телеграфировать (шифром Чичерина для Ленина), также в случае болезни и т. п.»

Спустя месяц, 13 августа, Владимир Ильич в записке к Ф. А. Ротштейну вновь проявляет заботу об Александре и Варваре Арманд. «Бельгов, надеюсь, уже у Вас, — сообщает В. И. Ленин. — Я с ним писал Вам об Александре Александровиче и Варваре Александровне Арманд, которые с ним поехали и о кото-

рых я очень забочусь. Надеюсь, они в Персии будут полезны для дела, и Вы им уделите минутку внимания».

И, наконец, среди писем В. И. Ленина, до настоящего времени не разысканных, значится и письмо к А. А. Арманд. В Центральном партийном архиве хранится конверт за № 1836 с надписью В. И. Ленина: «Александр Александровичу Арманд (от Ленина)» — и распиской А. А. Арманд в получении письма.

Между 19 июля и 7 августа состоялась беседа между Владимиром Ильичем и председателем Федерации социалистической молодежи Италии Луиджи Полано. В. И. Ленин подробно расспрашивал о движении революционной итальянской молодежи, ее участии в пропаганде коммунистических идей. Узнав, что федерация насчитывает около шестидесяти тысяч членов, Владимир Ильич, как вспоминает Л. Полано, заметил: «Хорошо. Работайте, чтобы превратить вашу Федерацию в массовую социалистическую организацию рабочих, крестьянской и студенческой молодежи». Владимир Ильич порекомендовал также молодым борцам Италии больше внимания уделять непосредственным проблемам жизни и борьбы юношеских масс.

22 июля Владимир Ильич подписывает решение Малого Совнаркома об утверждении декрета об улучшении питания детей. Наркомпроду поручалось снабжать «в размере 100% установленных норм из продовольственного фонда государства за счет последнего (бесплатно)» всех без исключения детей до пятнадцати лет в детских домах, колониях и других детских учреждениях; детей рабочих и служащих государственных учреждений и предприятий — в первую очередь крупных городов и промышленных центров «с распространением на другие районы в зависимости от состояния продовольственных ресурсов»; детей железнодорожников и водников; детей в местностях, пострадавших от стихийных бедствий, а также малолетних рабочих (подростков) до пятнадцати лет, если их увольняют с работы.

Спустя несколько дней после 23 июля Владимир Ильич еще раз встречается с членом Исполкома КИМа Вилли Мюнценбергом и предлагает ему заняться организацией и руководством международной кампании помощи голодающему населению России. В. Мюнценберг принимает это предложение.

12 августа Владимир Ильич подписывает декрет Совнаркома, запрещающий заселять и уплотнять общежития студентов во время каникул, принятый в дополнение к постановлению Совнаркома от 17 февраля 1921 года об улучшении положения слушателей рабочих факультетов.

13 августа Владимир Ильич, стремясь использовать любые возможности для спасения детей республики, страдающих от голода, и в связи с переговорами с Американской администрацией помощи (АРА) вносит такое предложение: «Ввиду того, что подлые американские торгаши хотят создать видимость того, будто мы способны кого-то надуть, предлагаю формально предложить им тотчас по телеграфу от имени правительства...

следующее:
мы депонируем золотом в нью-йоркском банке сумму, составляющую 120% того, что они в течение месяца дадут на миллион голодных детей и больных...»

16 августа Владимир Ильич подписывает декрет Совнаркома о порядке издания учебников, которым исключительное право на выпуск и переиздание учебников, руководств и пособий предоставлялось Государственному издательству. Как вспоминала Н. К.

Обложка работы
художника
Григория
СТЕПАНОВА.

- 1** К 60-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ.
Владимир ДЕСЯТЕРИК.
«ЛЕНИН. ОКТЯБРЬ. МОЛОДЕЖЬ». Хроника.
- 3** Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ. «МЫ!».
- 4** Савва МОРОЗОВ. «СВОИ ЛЮДИ НА ПОЛЮСЕ».
- 8** Гарий НЕМЧЕНКО. «КУЗНЕЦКАЯ ЛЕГЕНДА».
- 12** Леонид ПЛЕШАКОВ.
«ВЕЧЕРОМ, В ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ЛЕТА».
- 16** ФЕСТИВАЛЬ ПОЭМЫ.
Иса ИСМАИЛЗАДЕ. «УВЕЛИЧЕННЫЕ ФОТОГРАФИИ».
- 18** Рассказ Андреса ЯАКСОО «БЫТЬ ИЛИ...».
- 20** НОЯБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ.
Обзор зарубежной печати.
- 22** ЭКСКЛЮЗИВ «СМЕНИ».
- 23** ЭТЮДЫ О ХУДОЖНИКАХ.
Надежда ШАНИНА.
«УЗОР ДИКОВИННЫЙ И ГАРМОНИЧНЫЙ».
- 26** Юлиан СЕМЕНОВ. «ОСОБО ОПАСНЫЙ ПРЕСТУПНИК».
Повесть в эпизодах.
письмах и документах (1902—1905 гг.).
- 28** МОДА ЗИМЫ.
- 29** Стихи Сергея ПОЛИКАРПОВА.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. АБАШИН, Б. Л. ДАНОШЕВСКИЙ,
А. П. КУЛЕСОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора),
Г. Л. НЕМЧЕНКО, В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь),
Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ,
Г. В. СЕМЕНОВ, А. П. СЕРЕДА, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный
художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник С. П. Тюнин. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

Издательство «Правда» «Смена» 1977 г.

Крупская, в условиях перехода к новой экономической политике (нэп) В. И. Ленин с пристальным вниманием следит за содержанием школьной работы. Он заботится о выработке программ, подготовке учебников. «Помнится мне,— рассказывала Надежда Константиновна,— как однажды он разговаривал с мальчиком-школьником. Он расспрашивал его, что они делают в школе. «Какой у вас был первый урок?» — «Арифметика, умножение десятичных дробей нам объясняли». — «А потом?» — «Потом урок истории— учитель об Египте рассказывал». — «А потом?» и т. д. На основании ответов мальчика он составил себе картину того, что есть. Он посмотрел на меня, рассмеялся и говорит: «Как было, так и есть!» После этого он не один раз повторил: «Первое, что нужно сделать,— это позаботиться о программах».

2 сентября Владимир Ильич подписывает декрет Совнаркома о высших учебных заведениях РСФСР (Положение).

6 сентября Владимир Ильич подписывает декрет Совнаркома об обеспечении детских учреждений Народного комиссариата просвещения и Народного комиссариата здравоохранения помещениями.

8 сентября Владимир Ильич в одном из писем поддерживает предлагаемые Наркомпросом меры по улучшению снабжения школ, и особенно обложение налогом местного населения и крестьян для содержания школ.

15 сентября Владимир Ильич подписывает декрет Совнаркома— Положение об охране здоровья подростков и детей РСФСР. Чтобы приступить к практическому внедрению физической культуры в повседневный быт учреждений, охватывающих детей дошкольного и школьного возраста, было решено при Главном управлении социального воспитания и политического образования детей республики организовать подотдел физического воспитания.

А для разрешения вопросов смешанной компетенции между народными комиссариатами просвещения и здравоохранения учреждался Совет охраны здоровья детей и подростков. Документом определялось, что все постановления вновь образуемого совета по утверждению их заинтересованными ведомствами получают обязательный характер.

15 сентября Владимир Ильич подписывает декрет Совнаркома о мерах по улучшению снабжения школ и других просветительных учреждений.

15 сентября Владимир Ильич обращается с запиской к заместителю наркома иностранных дел М. М. Литвинову, поддерживает просьбу В. В. Воровского о назначении стипендии, позволяющей обучаться в Италии двадцатичетырехлетнему М. А. Пешкову. «Черкните, можно ли сие устроить,— пишет В. И. Ленин.— Я бы очень хотел помочь ему учиться там».

Поводом для этой просьбы послужило следующее обращение В. В. Воровского к В. И. Ленину, отправленное из Рима 7 сентября 1921 года: «Дорогой Владимир Ильич! Ну, как Вы хотели, Максим Пешков, сын Горького, здесь. Теперь вопрос, что с ним делать. Для пользы сего юноши надо бы посадить его учиться, но тогда надо просто ассигновать ему некую стипендию на прожитие. Сам я своей властью этого сделать не могу...»

О том, что Владимир Ильич ходатайствовал о поездке Максима Пешкова в Италию, известно также из записки Н. Н. Крестинского В. В. Воровскому от 11 июля 1921 года: «Присоединяю свое ходатайство к Ильичевскому, чтобы тов. Пешкова М. А. не высылать стремительно из Италии...»

В день получения ленинской записки М. М. Литвинов предложил назначить стипендию М. А. Пешкову через Нарком-

прос. На следующий день Владимир Ильич в записке уже к другому адресату вновь повторяет свою просьбу поддержать сына великого пролетарского писателя: «Максим Пешков— коммунист. В октябре 1917 года два раза белые ставили его к стенке. Надо ему помочь».

23 сентября Владимир Ильич подписывает декрет Совнаркома о детской социальной инспекции. Этим положением определялись задачи Наркомпроса и отделов народного образования в борьбе с детской беспризорностью, нищенством, спекуляцией, правонарушениями, а также в защите прав детей, занятых в ремесленных, кустарных, фабричных и иных предприятиях и учреждениях, а также в семье. «Братьям и сестрам социальной помощи» в соответствии с декретом вменялось в обязанность дежурить в публичных местах (на улицах, площадях, рынках, в столовых, вокзалах и т. д.), посещать мастерские и другие учреждения, а если станет известно о злоупотреблениях родительской, опекунской и иной властью, то посещать эти семьи и учреждения. К этой работе привлекались кадры, имеющие педагогическое образование.

6 октября группа активистов Мексиканской федерации коммунистической молодежи направляет из Гвадалахары большое письмо Владимиру Ильичу. Подробно рассказывая о характере деятельности своей организации, молодые коммунисты Мексики сообщают также, что они намерены «разъехаться по разным провинциям, где у нас есть связи в селах, имениях и фермах, для того, чтобы вести там агитацию, устраивать в то же время рационалистические школы, оставаясь среди крестьян каждой местности достаточное время для того, чтобы вывести работников из пассивного состояния и вовлечь их в активную организацию». В конце своего письма они заверяют вождя мирового пролетариата: «Наша конечная цель, за которую мы боремся,— достижение Советской системы».

12 октября в связи с четырехлетней годовщиной образования Российской Коммунистической Союз Молодежи Московский комитет РКСМ обращается к Владимиру Ильичу с письмом, в котором сообщает о своем намерении издать специальный сборник, посвященный этой годовщине, и просит «дать хотя бы небольшую статейку для указанного сборника».

22 октября Владимир Ильич вместе с Н. К. Крупской, М. И. Ульяновой и М. И. Калинин присутствовал на испытании электропуга на Бутырском хуторе, служившем базой Московского зоотехнического института. «На поле собрались,— вспоминает участник этой встречи В. К. Туликов,— все рабочие и большое количество студентов... Студентам Владимир Ильич пожелал хорошо учиться».

После завершения испытаний В. И. Ленин осматривает учебно-опытное хозяйство. «Ленина чрезвычайно обрадовало, что молоко благодаря образцовой чистоте при дойке, разливке, гигиеническому содержанию и правильному кормлению скота превосходит по своим качествам лучшее для детей молоко Дании и что вся продукция хозяйства целиком идет детям в ясли, детские больницы, родильные дома и по рядам распределяется отдельным лицам, имеющим грудных и больных детей».

24 октября Владимир Ильич пишет записку наркому здравоохранения Н. А. Семашко, выражая неудовольствие тем, как выполняется решение Малого Совнаркома о наведении в Москве образцовой чистоты. В. И. Ленина интересует, насколько установлена персональная ответственность за проведение в жизнь этого решения, как привлекаются к этой работе комсомольцы. «Что сдела-

МЫ!

но,—спрашивает он,—чтобы добиться персональной ответственности?

Проверка через кого?

Через инспекторов? Сколько их? кто они?

Через отряды молодежи (КСМ)? Есть ли таковые?

Сколько? Где и как себя показали?..»

Н. А. Семашко вспоминает, что после получения записки он беседовал с Владимиром Ильичем, который дал ценнейший совет — привлечь к надзору за чистотой комсомол. «Это — многочисленная организация,—говорил он,—вам столько инспекторов не создать. Это горячая, энергичная молодежь, она будет бороться с грязью с таким напором, с каким ваши врачи постесняются бороться. Молодежь — это незаменимая сила...» Надо прямо сказать, что если тогда удалось успешно бороться с грязью и удалось победить эпидемии, то прежде всего потому, что к этому делу была привлечена общественность, молодежь в первую очередь».

7 ноября Владимир Ильич выступает с речью на собрании рабочих, работников красноармейцев и молодежи Хамовнического района столицы, посвященном празднованию четвертой годовщины Октябрьской революции.

18 ноября Владимир Ильич участвует в заседании Политбюро ЦК партии, на котором обсуждается вопрос о пайках для детей Москвы и Петрограда.

18 ноября к Владимиру Ильичу обращается секретарь ЦК РКСМ А. Шохин. Он просит подготовить для специального номера «Правды», посвященного проведению во всероссийском масштабе «Недели сближения РКП и РКСМ», статью о задачах партии по отношению к рабочей молодежи РКСМ. Смысл этой просьбы становится яснее после знакомства с документом, хранящимся в Центральном архиве ВЛКСМ. Это выписка из заседания бюро ЦК РКСМ от 5 ноября 1921 года.

«Слушали: Доклад т. Сталина о политическом положении. Постановили: Доклад принять к сведению, просить т. Ленина написать брошюру по вопросам новой экономической политики».

Из-за болезни Владимир Ильич не смог выполнить эти просьбы руководителей комсомола.

30 ноября Владимиру Ильичу направил телеграмму слушатель рабфака из Иркутска Котов: «Отец мой, Котов, семнадцатого ноября заключен в иркутскую тюрьму за посылку на Ваше имя письма двадцать третьего сего августа. Семья без средств, обидно. Прошу Вашего распоряжения». 5 декабря В. И. Ленин обращается в Иркутский губисполком: «Немедленно выясните причины заключения в иркутскую тюрьму рабочего Котова из Черемховского хозяйства». Спустя некоторое время из Иркутска сообщали Владимиру Ильичу о том, что Котов служил у Колчака старшим милиционером, обвинялся в арестах красноармейцев, «что и сам подтверждает». В данный момент его сочли возможным освободить.

2 декабря Владимир Ильич пишет резолюцию на письме студента факультета общественных наук Казанского университета В. Власова: «Товарищ Горбунов. Постарайтесь устроить просимое и позвоните мне». О чем шла речь в письме? «В Казани голод, какого не было еще в прошлом этого края,—сообщал В. Власов В. И. Ленину.—Положение студентов факультета общественных наук, не получающих ни пайка, ни фунта хлеба,—невозможное. Я решил беспечно Вас, т. Ленин, просьбой о помощи, я твердо уверен, что Вы не откажетесь помочь. Студенты-казанцы просят Вас, бывшего студента-казанца, спасти их от бедствий голода...» Далее содержалась просьба о выделении ста пайков для двухсот голодающих студентов этого факультета.

Сначала я хочу процитировать отрывки из писем, которые были опубликованы в журнале «Смена» во время обсуждения проекта Конституции СССР.

Автор первого письма — лауреат премии Ленинского комсомола Вячеслав Теплов, строгальщик Московского завода автоматических линий имени 50-летия СССР.

Вот что он писал: «Если подытожить, чего удалось достичь, окажется, что всем я обязан заводу. Завод дал мне хорошую специальность. Завод обеспечил жильем. Завод помогал учиться. Товарищи приняли меня в партию. Завод представил меня на соискание премии Ленинского комсомола за успехи в социалистическом соревновании. Прошедшей весной в один и тот же день получил я два самых дорогих мне документа, первый итог работы и учебы: диплом лауреата и диплом с отличием об окончании техникума. Я храню эти дипломы с еще одним памятным документом: фотографией, сделанной в Кремле, когда собрались там, в Георгиевском зале, победители первого этапа соревнования в честь 60-летия Октября».

Автор второго письма Александр Коржев, лесоруб из поселка Красный Бор, Вологодской области, написал так: «Бригада, в которой я работаю,—из шести человек. Я многому научился... И уж если ты добрый работник, то окружен надежным товариществом. Конечно, прокладывать лежневку — не строить БАМ. Там, в тайге, труднее. Но для меня эта дорога — мой маленький БАМ».

Два молодых человека, два современника живут и работают далеко друг от друга. Наверняка они никогда не встречались, никогда друг с другом не разговаривали.

И все-таки я думаю, что они похожи. Похожи не внешне — отнюдь нет! — они похожи своей внутренней убежденностью, похожи своей постоянной причастностью к огромному делу нашей Родины.

Ведь общая ежедневная работа страны состоит из ежедневной работы многих и многих миллионов советских людей.

Эти люди живут на своей земле и работают во имя Отчизны, во имя мира.

Даже в этом ощущается связь между первыми ленинскими декретами и недавно принятой Конституцией СССР.

Эта связь несомненна, точно так же, как несомненна связь между теми, кто совершал революцию в октябре семнадцатого года, и теми, кто сегодня, спустя шестьдесят лет, строит КамАЗ и БАМ, Нижневартовск и Нурек, теми, кто сегодня варит сталь и летает в космос, пишет повести и добывает уголь, выращивает хлопок и ловит рыбу в Атлантике.

Правнуки удивительно похожи на прадедов!

И опять-таки речь не идет о внешнем сходстве.

Правнуки похожи на прадедов размахом души и яростной убежденностью сердец. А еще мечтой и одержимостью.

И не зря, объединяя все народы и все поколения советских людей, звучит над землей гордое слово — МЫ!

Это МЫ делали революцию. МЫ защищали ее в огне гражданской войны. МЫ сражались с разрухой, строили Магнитку и Турксиб, Днепрогэс и Комсомольск-на-Амуре...

Это МЫ отстаивали Родину нашу в Великой Отечественной войне. МЫ голодали и мерзли, стояли насмерть под Сталинградом, шли в атаку, падали на черный снег и все преодолели, все преодолели.

Это МЫ поднимали разрушенные города, строили заводы, школы и дороги.

МЫ улыбнулись однажды планете солнечной улыбкой Юрия Гагарина.

Это МЫ выступаем против расизма и колониализма.

Это МЫ выдвинули Программу мира и не устанем бороться за нее.

Это все — и многое другое — МЫ!

В этом слове, в этом понятии — МЫ — нет ни капли сытого самодовольства или ленивого любования достигнутым.

Ибо на собственном опыте советские люди знают, что любое самое огромное наше свершение — это всегда начало!

Начало новой мечты, начало новых планов, нового беспокойства и новых свершений.

Кстати, именно об этом и говорит массовое движение комсомольцев за право подписать Рапорт Ленинского комсомола Центральному Комитету КПСС к 60-летию Великого Октября, потому что даже в торжественный момент сдачи — даже самого почетного — рапорта наш труд не кончается.

Так мы привыкли жить. Так мы и живем.

Живем, окруженные высоким уважением друзей и ненавистью врагов. Тех самых врагов, которые так велеречиво и оскорбленно разглагольствуют ныне о «защите прав человека».

На нашу Родину, на социалистические страны, на коммунистов планеты обрушивается сейчас кампания клеветы.

В общем-то ничего необычного для нас в этой кампании нет. Такое уже бывало и раньше. Бывало не раз и не два.

Все дело в том, что теоретики и практики империализма не могут простить нам того знаменитого события, которое произошло шестьдесят лет назад.

Тогда, в 1917 году, наш народ очень круто и неслишком вежливо «нарушил права» одного известного человека.

Человек этот именовался «его императорским величеством» и «работал» у нас в державе царем.

А потом восставший, вооруженный народ, руководимый партией Ленина, партией коммунистов, так же круто и бесповоротно нарушил казавшиеся такими незыблемыми права целого класса — класса помещиков и капиталистов.

Мы навсегда отняли у них право владеть землями, заводами, шахтами и фабриками.

Мы навсегда нарушили «извечное» право эксплуататоров угнетать массы, грабить людей, право присваивать себе чужой труд, право богатеть за чужой счет!..

На освобожденной земле мы — впервые в истории планеты — создали свободное и могучее государство трудящихся, государство интернационалистов — Союз Советских Социалистических Республик!

Имя Ленина начертано на нашем знамени.

Имя Ленина живет и в сердцах наших...

На страницах этого номера «Смены» мы хотим рассказать вам о самых разных людях Отчизны. О людях, так непохожих друг на друга внешне и все-таки так похожих друг на друга по своей внутренней сути.

Вы прочтете свидетельства о том, как эти люди живут, где они работают, узнаете, в каких непростых ситуациях мужает их характер.

Я только прошу помнить: жизнь человеческая всегда ярче, всегда полнее любого рассказа о ней. Даже самого талантливого.

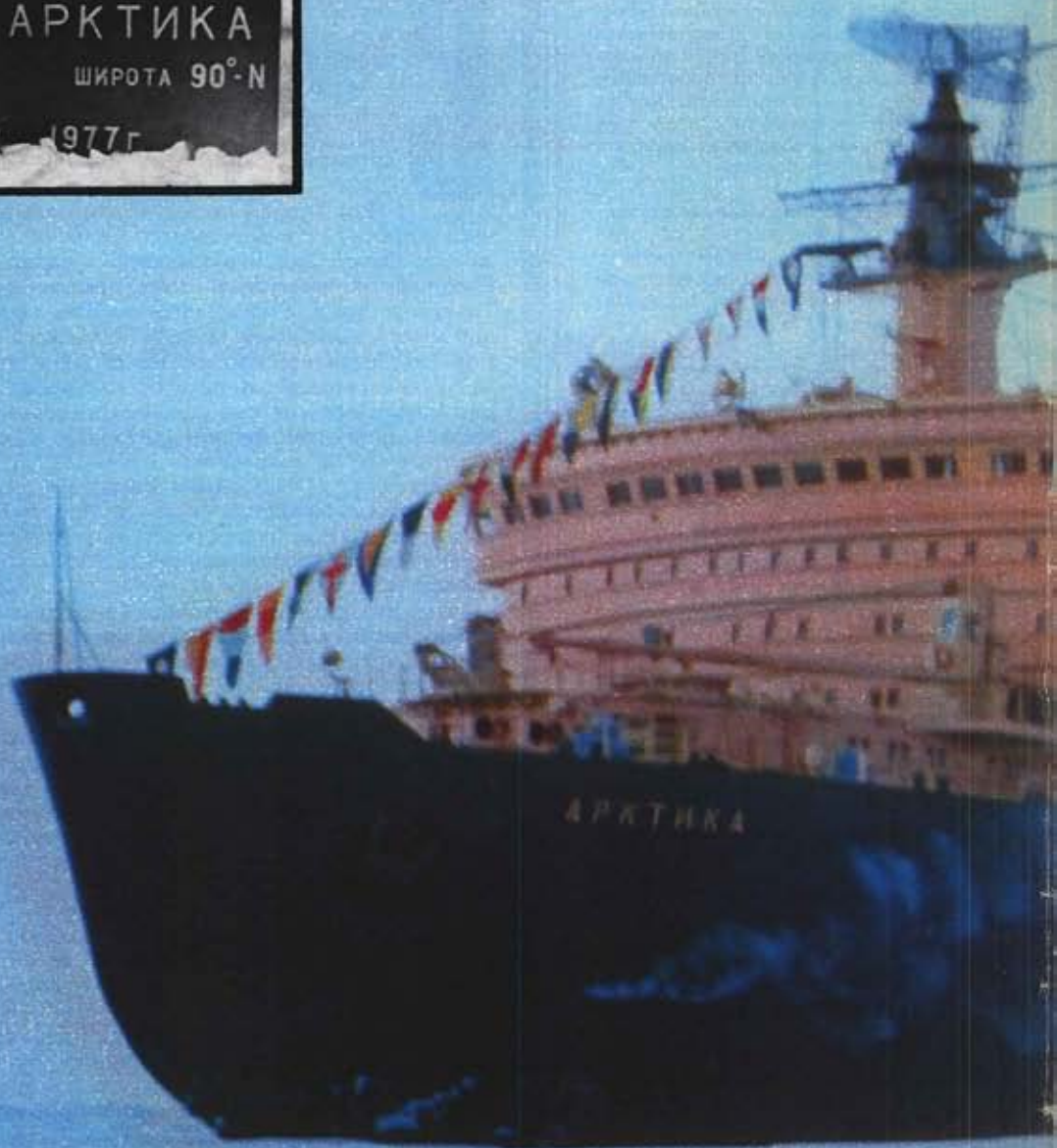
Тем более, если речь идет о нашей с вами жизни.

СВОИ Л

В СООТВЕТСТВИИ
С ПОТРЕБНОСТЯМИ
ОБЩЕСТВА
ГОСУДАРСТВО
ОБЕСПЕЧИВАЕТ
ПЛАНОМЕРНОЕ
РАЗВИТИЕ НАУКИ
И ПОДГОТОВКУ
НАУЧНЫХ КАДРОВ,
ОРГАНИЗУЕТ
ВНЕДРЕНИЕ
РЕЗУЛЬТАТОВ
НАУЧНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ
В НАРОДНОЕ
ХОЗЯЙСТВО
И ДРУГИЕ СФЕРЫ
ЖИЗНИ.

ИЗ КОНСТИТУЦИИ
СОЮЗА
СОВЕТСКИХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ
РЕСПУБЛИК

ЮДИ НА ПОЛЮСЕ

Савва МОРОЗОВ,
действительный член
Географического общества СССР.
Фото Михаила КУРНОСОВА.

Так-то, ребята, нынче мы на полюсе — свои люди... Будто домой к себе прилетели, а? — Михаил Васильевич Водопьянов усмехнулся и после паузы заключил: — Недолго, думаю, полюсу ждать и морских кораблей.

Слова эти, произнесенные 23 апреля 1948 года, хорошо запомнились мне. В тот день один из отрядов воздушной экспедиции «Север-2» второй раз в истории поднял флаг СССР над вершиной земного шара. Всем нам было приятно, что древко знамени воткнул в лед наш «дядя Миша», тот самый Водопьянов, который за одиннадцать лет до этого вместе со Шмидтом высаживал на полюсе папанинцев...

Тогда, в 1937 году, «Смена» писала: «...Воздушная эскадра большевиков, взяв старт в Москве, покрыла 3 тысячи километров и опустилась на аэродроме о. Рудольфа. Летчик Головин совершил разведочный полет над полюсом. 21 мая поднялся в воздух первый самолет — «СССР Н-170». Вел его флагман летного звена экспедиции Герой Советского Союза Михаил Водопьянов... И 21 мая 1937 года в Реалистическом театре шла премьера его пьесы «Мечта». Когда зрители аплодировали летчику Бесфамильному, осуществившему свою мечту, автор пьесы был уже на Северном полюсе. Быстро осуществляются самые вдохновенные мечтания советских людей — пилотов, ученых, исследователей».

Да, годы первых наших пятилеток были годами побед и дерзаний. То, что еще вчера казалось невероятным, сегодня становилось реальностью. Пожалуй, самым популярным словом в газетах и журналах того времени стало слово «впервые».

Впервые пустынные просторы Средней Азии огласил гудок паровоза — 1 мая 1930 года открылось движение по полуторатысячекилометровому Турксибу. Впервые в непроходимой дальневосточной тайге началась невиданная

смена

СЛАВА ГЕРОЯМ, ВОДРУЖИВШИМ ФЛАГ СОВЕТОВ НА СЕВЕРНОМ ПОЛЮСЕ!

НА ВОСТОК, КОМСОМОЛЬЦЫ!

смена

ПЕРВЫЙ КОСМОНАВТ— НАШ, СОВЕТСКИЙ!

Герой Советского Союза,
первый космонавт СССР
Юрий Алексеевич Гагарин

ПЕРВОПРОХОДЦЫ. СОЗИДАТЕЛИ. ПАТРИОТЫ.

стройка — в 1932 году был основан Комсомольск-на-Амуре. Впервые за Полярным кругом советский человек начал использовать богатства недр — в октябре 1932 года дала уголь первая шахта в Воркуте. Впервые стало возможным совершить подземное путешествие по столице — 15 мая 1935 года открылась первая очередь Московского метрополитена.

«Мы покоряем пространство и время», — пели комсомольцы тех лет. И это было действительно так.

Листая сегодня пожелтевшие страницы «Смены» 30-х годов, нельзя не обратить внимания на брошю лозунги: «Комсомолец на самолет!», «Помни, что ты шеф Воздухофлота!», «За руль самолета, автомобиля, танка берись, комсомолец!», «Крепостью науки овладеют большевики!».

И молодежь с большевистской настойчивостью овладевала крепостью науки. Свидетельством этого, свидетельством крепнущей мощи Советской страны, свидетельством энтузиазма, самоотверженности, героизма ее граждан стали небывалые до тех пор свершения на земле, в воздухе, на воде.

Год 1933-й. Двадцать три советских автомобиля за 86 дней преодолели девять с лишним тысяч километров, прошив линию своего маршрута непроходимые пески Каракумов.

Год 1934-й. «Передайте пламенный привет великому XVII съезду ВКП(б)» — эту радиограмму Павел Федосенко, Илья Усышкин, Андрей Васенко передали с высоты 20600 метров, подвигаясь туда на советском стратостате «СОАХ-1».

В начале сентября того же 1934 года был предпринят штурм высочайшей вершины Памира — пика Коммунизма. На высоте 7495 метров над уровнем моря, там, где еще никогда не ступала нога человека, Евгений Абалаков сложил каменный тур и оставил в нем банку с запиской о покорении советским человеком «полюса высоты» нашей страны.

В том же 1934 году было учреждено звание Героя Советского Союза. Первыми Героями стали семь летчиков — А. Ляпидевский, С. Леваневский, В. Молоков, Н. Каманин, М. Слепнев, М. Водопьянов, И. Доронин, спасшие челюскинцев. Беспрецедентная челюскинская эпопея взволновала всю страну.

Вообще покорение Арктики стало особой страницей в летописи подвигов советских людей. В разные времена снаряжались различные экспедиции в этот район земного шара, многие талантливые герои-одиночки пытались покорить ледовый край. Но, — цитирую «Смену» за 1937 год: «...только сейчас в передовой стране мира — Союзе Советских Социалистических Республик — наступление на Арктику стало государственным делом, систематически проводимым и поддерживаемым всей мощью нашей страны. Советские экспедиции к полюсу рождены не стремлением к совершению личных подвигов, не героизмом одиноких исследовате-

лей, — хотя героизмом советские полярники не уступают, а превосходят своих предшественников, — они вызваны нуждами науки и социалистического строительства».

Мы еще вспомним в этих заметках об основных этапах покорения Северного полюса, но сейчас давайте вернемся в тот апрельский день 1948 года, с которого я начал свой рассказ.

Признаться, тогда я, еще молодой журналист, хотя и стоял обеими ногами на той точке планеты, которая испокон веков притягивала к себе помыслы тысяч людей, — на Северном полюсе (это ли не фантастика!), и твердой рукой был готов записать в свой блокнот: «На наших глазах стираются белые пятна на карте Центральной Арктики», — все же тогда я не очень поверил в слова Водопьянова, что недолго осталось ждать полюсу визита морских кораблей. Вокруг нас, насколько хватало глаз, простиралось белое неприветливое поле с налезавшими друг на друга торосами, с ледяными холмами и обрывами. Совсем неприметны в этом хаосе были три наших самолета, кое-как притулившиеся на тесной площадочке ровного молодого льда. Нет, вообразить тут крупный морской корабль было невозможно!

Однако наш гидролог Михаил Михайлович Сомов поддержал Водопьянова: — Насчет ледокола пофантазируем... Адмирала Макарова вспомним, как собирался он плыть к полюсу напролом.

— В самом деле, — вступил в разговор геофизик Михаил Емельянович Острекин, — только макаровский «Ермак» на угле ходил, а мы дизельным, электрическим кораблем обзаведемся...

С той поры минуло 29 лет. Горько сознавать, что нет в живых М. М. Сомова и М. Е. Острекина — ветеранов Арктики и Антарктиды, Героев Советского Союза. Добрым словом помянули их мы с Водопьяновым, встретившись в Москве в те дни, когда весь мир облетела весть об успешном рейсе нашего атомохода к полюсу. Много знаменательных событий произошло за послевоенные десятилетия, принявшие от тридцатых годов эстафету открытий и свершений. Покорены и освоены громадные пространства целинных земель и Сибири. Стали обычными и никого не удивляющими межконтинентальные полеты самолетов. Вслед за первым искусственным спутником Земли, 4 октября 1957 года поразившим человечество своим историческим «бип-бип» из необъятных просторов Вселенной, регулярно стартуют в космос все более совершенные космические корабли. Сегодня, пожалуй, перефразировав слова Водопьянова, можно сказать, что и в космосе мы стали «своими людьми».

В этой цепи ярчайших, поражающих воображение свершений, я думаю, никогда не померкнет, не забудется и день 17 августа 1977 года, когда впервые в истории надводное судно поднялось на вершину земного шара. Потому что очень долго не пускал к себе «гостей»

Северный полюс. Только покоров атом, поставив его себе на службу, человек смог совершить такое путешествие. Впрочем, слово «путешествие» не совсем точно отражает смысл происшедшего. Министр морского флота СССР Т. Б. Гуженко назвал плавание «Арктики» не просто научной экспедицией, но и экспериментальным транспортным рейсом.

Подумать только: Северный полюс перестает быть отвлеченным географическим понятием, становится районом судоходства! Невольно обращаешь памятью к давней многовековой борьбе человечества за познание и освоение Арктики. И думаешь с гордостью: в этой борьбе всегда активно участвовала наша держава, фасадом своим обращенная к Ледовитому океану.

Как не вспомнить великого Ломоносова, его ходатайство о снаряжении экспедиции В. Я. Чичагова, искавшей морскую дорогу в Индию, но встретившей непроходимые льды. Как не подумать с благодарностью о русском гидрографе Ф. П. Врангеле, который первым применил собачьи упряжки для передвижения по льду полярных морей, там, где кораблям закрыт путь.

Хоть и очевидно было, что плавание деревянных парусных судов во льдах большую часть года невозможно, но поиски транспортных путей в Арктике не прекращались. Того требовали и экономические интересы и национальный престиж государств. Уходили в неведомую мглу от родных берегов англичане Д. Франкли, У. Парри, немец А. Петерман, американец И. Хейс и многие, многие другие. Целую плеяду мужественных исследователей Арктики выдвинул девятнадцатый век.

Молодой норвежский исследователь Фритц-Оф Нансен, уже известный героическим переходом на лыжах через Гренландию, высказал такую мысль: «Плыть к полюсу нельзя никаким путем. Повсюду лед — неодолимое препятствие. Но если мы обратим внимание на силы, свойственные самой природе, и попробуем работать заодно с ними, то найдем вернейший и легчайший способ достижения полюса... Через полюс или близко от него проходит течение. Нужно попробовать войти в это течение...»

Так был задуман смелый дрейф вмерзшего в лед судна, специально построенного для этой цели, названного «Фрам» («Вперед»). Начавшись к северу от Новосибирских островов и продолжаясь три года — с 1893 года по 1896-й, — дрейф «Фрама» помог Нансену познать ранее неизвестные закономерности движения льда, морских течений, явлений погоды, силы тяжести, земного магнетизма в высоких широтах.

Правда, Нансену не удалось ни в дрейфе пройти через полюс, ни достигнуть полюса по льду. Вместе с верным спутником Иогансеном он продвинулся лишь за 86-ю параллель, затем повернул на юг и, дойдя до Земли Франца Иосифа, провел там очень тяжелую зимовку.

Труды Нансена стали настольной книгой для полярников, школой мужества,

примером самоотверженного служения науке.

«Нансен велик как путешественник, более велик как ученый и еще более велик как человек», — сказал о нем спутник по «Фраму» капитан Отто Свердоуп. С такой характеристикой согласны и советские люди, особо почитающие Нансена за его общественную деятельность. Ведь за активную помощь голодающим Поволжья в 1922 году великий норвежец был избран депутатом Московского Совета!

Борьба со стихиями Арктики нередко способствовала формированию характеров стойких, благородных. Но вместе с тем были среди полярных исследователей люди, обуянные тщеславием, порою толкающие их на самые отвратительные поступки.

Кто откажет американцу Роберту Пири в мужестве, настойчивости, мастерстве? Двадцать три года своей жизни потратил он на подготовку и проведение экспедиций к полюсу. Тысячи километров отшагал по дрейфующим льдам, голодал, холодал. Но в апреле 1909 года, когда оставался самый последний переход к заветной цели, он взял с собою из всех ранее сопровождавших его спутников только негра и эскимосов. Они — люди «низших рас», с ними, «цветными», ему, белому джентльмену Пири, не надо делить вождя славу первооткрывателя Северного полюса!

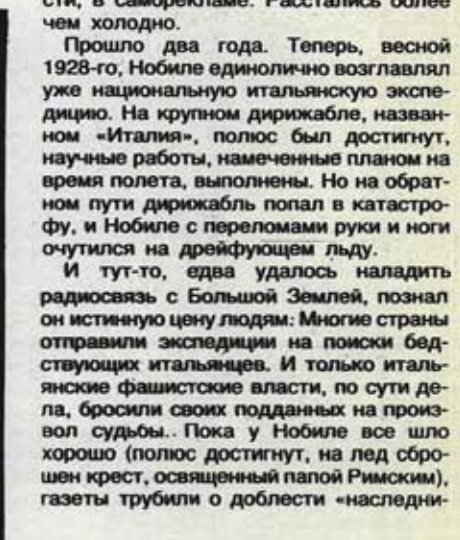
Печально известна также полемика Роберта Пири с его соперником Фредериком Куком, который пытался присвоить себе честь достижения полюса якобы за несколько месяцев до Пири. Какие только унижительные приемы не применяли оба конкурента, ведя полемику в печати, какими позорными эпитетами не награждали друг друга, совсем забыв, что оба они сограждане, коллеги, слуги науки. «Полюсное тщеславие», «международные скачки по арктическим льдам» — такие иронические термины были в ходу среди журналистов Запада и позднее, в двадцатых годах. — Американец Ричард Берд на самолете опередил норвежца Руала Амундсена, летевшего к полюсу на дирижабле», «Раздоры между Амундсеном и Нобиле» — подобными сенсационными заголовками пестрела мировая пресса в мае 1926 года.

Тут надо рассказать некоторые подробности. Руал Амундсен, уже знаменитый открытием Южного полюса, задумал пролететь и над Северным. С помощью богатого американца Л. Эльсворта он приобрел в Италии дирижабль, который назвал «Норге» («Норвегия»). На должность командира пригласил его конструктора итальянского инженера Умберто Нобиле.

Перелет со Шпицбергена на Аляску шел точно по плану. В «точке земной оси» на лед океана были сброшены три флага: норвежский, итальянский и американский. Но по прибытии к цели начальник экспедиции Амундсен и командир корабля Нобиле явно не поделили обрушившуюся на них всемирную славу. Каждый обвинял другого в нескромности, в саморекламе. Расстались более чем холодно.

Прошло два года. Теперь, весной 1928-го, Нобиле единолично возглавлял уже национальную итальянскую экспедицию. На крупном дирижабле, названном «Италия», полюс был достигнут, научные работы, намеченные планом на время полета, выполнены. Но на обратном пути дирижабль попал в катастрофу, и Нобиле с переломами руки и ноги очутился на дрейфующем льду.

И тут-то, едва удалось наладить радиосвязь с Большой Землей, познал он истинную цену людям: Многие страны отправили экспедиции на поиски бедствующих итальянцев. И только итальянские фашистские власти, по сути дела, бросили своих подданных на произвол судьбы. Пока у Нобиле все шло хорошо (полюс достигнут, на лед сброшен крест, освященный папой Римским), газеты трубили о доблести «наследни-

ков Древнего Рима». Но едва произошло несчастье, как министр авиации Бальбо, а вслед за ним и сам Муссолини начали сваливать вину за катастрофу на тяжело раненного, изувеченного Нобиле.

Людьми высочайшего нравственного долга проявили себя в те дни советские полярники, посланные нашим правительством на поиски исчезнувшего дирижабля. Когда летчик Б. Г. Чухновский обнаружил на льду бедствовавших воздухоплатователей, а затем из-за тумана сам совершил вынужденную посадку, он радировал на ледокол «Красин», предлагая морякам первым делом идти на выручку итальянцев. Весь мир облетела эта радиограмма: вот как великодушно эти самые большевики, которых буржуазная пропаганда годами поносила, обиния в варварстве! И сколь отвратительным предстало перед общественным мнением истинное лицо фашизма: итальянские офицеры Дзаппи и Мариано в пешем пути по льду к берегу своего спутника — шведского ученого Мальмгрена.

Сказались все эти события и на личной судьбе Умберто Нобиле, человека, несомненно, выдающегося. Жестоким жизненным уроком стали они для конструктора воздушных кораблей и исследователя Арктики. Разжалованный, ошельмованный в Италии, он встретил дружеский прием только в Советском Союзе. И здесь, в Дирижаблестрое, плодотворно проработал почти пять лет.

Об этом периоде своей жизни Нобиле впоследствии написал так:

«Живя в этом новом мире, я забыл, как несправедливо со мной поступили на родине. Я словно помолодел. В душе снова ожили идеалы юности... Совершенно освобожденный от житейских забот, я мог посвящать свое внимание сверхчеловеческим усилиям, которые прилагали вокруг меня советские люди».

Нелишне добавить к этому, что после войны Умберто Нобиле был избран в парламент по списку Итальянской коммунистической партии.

...Шли годы. Полюс, неоднократно посещенный «воздушными гостями» (Амундсен, Берд, Нобиле), по-прежнему оставался необжитым.

Новую страницу в истории освоения Арктики открыли советские ученые и авиаторы. Примером челюскинской эпопеи 1934 года они доказали, что на морском дрейфующем льду можно жить, вести длительные наблюдения, принимать и отправлять самолеты. Но одно дело — Чукотское море в сотне километров от берегов и совсем другое — океан, полюс, где, по авторитетным свидетельствам Амундсена и Берда, состояние льда исключает возможность посадки самолетов.

Как известно теперь из учебников географии, наши летчики во главе с М. В. Водопьяновым опровергли это мнение в мае 1937 года. И снова я хочу предостеречь возможность читателям взглянуть на это событие глазами его современников. В 1937 году журнал «Смена» писал: «Коллективная воля Советской страны к овладению полюсом преодолела все преграды. Полюс стал советским. Победа одержана без единой жертвы и досталась как будто бы легко».

...Но легкость завоевания Северного полюса лишь кажущаяся. Мысль о станции у полюса зрела много лет. Завоевание его было подготовлено годами работы огромного коллектива полярников и всей страны под руководством партии и правительства. Не одни отважные летчики, полярники и навигаторы завоевали Северный полюс. Его завоевали также конструкторы советских летательных аппаратов, моторов, научных приборов и специальной аппаратуры. Его завоевали инженеры, стахановцы, старые полярники, отдавшие для успеха общего дела весь свой многолетний опыт, ученые, вся Советская страна. Страна воспитала людей для героической зимовки:

жизнерадостного и энергичного Папанина, энтузиаста, давнишнего обитателя полярных стран радиста Кренкеля, опытного полярника Ширшова и скромного талантливого ученого Федорова.

...Как маяк для всего культурного человечества, стоит теперь на дрейфующем льду миниатюрный советский поселок. В центре его — палатка из гагачьего пуха, на ней эмблема великой страны трудящихся: серп с молотом и красная звезда. Как символ победы над вечной полярной ночью, машет крыльями ветровой электродвигатель. Как знак культурного завоевания мира, реют над поселком флаги с эмблемой СССР».

А потом, после Отечественной войны, в высокие широты пошла одна за другой комплексные воздушные экспедиции: «Север-2», «Север-3», «Север-4» и так далее. Нумерация дрейфующих научных станций СП, начатая папанинцами, быстро перевалила за два десятка. Не осталось в Центральном Арктическом бассейне уголка, не посещенного нашими авиаторами и учеными, не нанесено на карту...

И, наконец, в августе 1977 года, сорок лет спустя после первого воздушного десанта, Северный полюс встретил морской надводный корабль. Тоже первый в истории, тоже под флагом СССР. И в этом знамение времени!

Атомоход «Арктика» пришел сюда не в дрейфе, как несло когда-то нансеновский «Фрам», а поистине напролом, о чем мечтал когда-то адмирал С. О. Макаров. Впрочем, что сравнить век минувший с веком нынешним. У топок «Ермака», построенного по замыслу Макарова, несли вахты 60 кочегаров, сжигая ежесуточно до ста тонн угля. И каждые две-три недели бункера ледокола надо было пополнять со специального судна-угольщика.

У реакторов, турбин и прочих механизмов «Арктики» на своих постах 50 инженеров. Запасы ядерного горючего на атомоходе практически неограниченны — нескольких килограммов хватает на весьма долгий срок. Нелишне сопоставить и энергетическую мощность кораблей: на «Ермаке» — 10 тысяч лошадиных сил, на «Арктике» — 75 тысяч. Словом, «дедушка ледокольного флота» по всем статьям не может идти ни в какое сравнение со своей «атомной внучкой».

И еще напомним: «Ермак» — первенец арктического флота — строили хотя и по отечественному проекту, но за рубежом, в Англии, поскольку российские судостроители того времени за такой сложный заказ не брались. «Арктика» же — второй (после флагмана «Ленина») атомоход, сооруженный целиком нашими советскими предприятиями.

Показательно и то, как со времен С. О. Макарова изменилась и сама точка зрения на условия навигации в морях Крайнего Севера. Горячо ратуя за ледоколы, Степан Осипович, однако, считал, что Карское море доступно для кораблей всего два месяца в году: в августе и сентябре. Что сказал бы почтенный адмирал, доживи он до наших дней, если бы увидел, как в разгар полярной ночи — в ноябре, декабре и даже иногда в январе — грузовые суда проводятся ледоколами между низовьями Енисея и Мурманском? Норильская руда доставляется цветной металлургии Кольского полуострова! Такие транспортные операции начали осуществляться еще в девятой пятилетке и повторяются из года в год.

Немало удивился бы Степан Осипович, случись ему побывать в последние два года на Ямале: туда весной и даже раньше, в конце зимы, вслед за ледоколами прибывают караваны с оборудованием для строящихся газовых промыслов. Вот какие важные задачи индустриального развития Севера помогает решать флот! По опыту зимних главаний в низовья Енисея и на Ямал можно рассчитывать, что в недалеком будущем на отдельных участках трассы Северного морского пути навигация будет продолжаться почти круглый год.

Благодаря техническому прогрессу

изменяются традиционные географические понятия. Издавна, с той поры, как начал осваиваться Северный морской путь, судоходной считалась трасса, пролегающая в прибрежных арктических морях: там и глубины и течения изучены и льда меньше, чем в высоких широтах. Но прикинем по карте с циркулем и линейкой: если плыть высокими широтами от Мурманска до Чукотки, будет ближе на добрую тысячу миль. Однако осилить такую высокоширотную трассу могут лишь мощные ледоколы и транспорты с достаточной скоростью хода и усиленным ледовым креплением корпусов. Таких судов во флоте становится все больше и больше, препятствия к освоению новых районов плавания снимаются успехами судостроения.

Наступает пора высокоширотных трасс в арктическом мореплавании. Вот, в сущности, ответ на вопрос, почему небывалая в истории экспедиция на надводном корабле к Северному полюсу была скромно названа «экспериментальным транспортным рейсом».

Нелишне напомним, что экспериментальный транспортный рейс, запланированный на 29 дней, занял менее двух недель. По маршруту Мурманск — полюс и обратно атомоход прошел 3852 мили, из них 1200 миль через сплоченные поля многолетнего льда.

Выписки из вахтенного журнала и дневников позволяют нам представить некоторые моменты этого исторического рейса.

9 августа. В 20.00 атомоход «Арктика» отдает швартовы в Мурманском порту. По выходе из Кольского залива курс прокладывается на северо-восток.

На чистой воде корабль развивает скорость 18 узлов. Пенные буруны от трех гребных винтов ледокола остаются за кормой и на зеленых, как бутылочное стекло, волнах Баренцева моря и на желтоватой равнине моря Карского, обильно разбавленного пресными водами Оби и Енисея. Небольшая зыбь покачивает валкий яйцеобразный корпус корабля — откуда-то из более южных широт доходит эхо бушующего там шторма.

11 августа. Заборной водой заполняются дифференциальные цистерны, чтобы увеличить осадку корабля, смягчить качку, снизить вибрацию.

Первая встреча со льдом. Небольшие обломки полей, шурша, скрежеща, проползают вдоль бортов. Постепенно льда становится больше, теперь это уже не обломки, а крупные поля. Удары их о корпус ощутимы внутри корабля. Трещины, небольшие разводы, облегчающих его путь, становится все меньше и меньше. А вдали, на горизонте, явственно проступают торосистые нагромождения.

Атомоходу крепко помогает авиация. Дальние многочасовые «галсы» над морем совершают с береговых баз большие самолеты. Время от времени уходят в воздух и корабельные вертолеты. С кормовой площадки ледокола взлетают попеременно летчики Е. Миронов и В. Петров. Находясь в воздухе по часу-полтора, они связываются с командным мостиком по радиотелефону. Капитан и вахтенные штурманы охотно следуют советам своих крылатых помощников.

15 августа. Идти вперед становится все труднее. Атомоход иногда заклинивает между торосистыми полями. Чтобы вырваться из тяжелых ледяных объятий, надо изменить положение корпуса. И тотчас заполняется заборной водой кормовая дифференциальная цистерна — 11 кубов в секунду. Как только начала оседать корма, звучит команда: «полный назад», судно ползет назад, ворочается на месте, отталкивая навалившиеся со всех сторон льдины и постепенно образуя вокруг себя небольшую полынью. Потом, выполняя команду «полный вперед», корабль форштевнем вспарывает ледяную грядку. От бортов поднимаются вверх и затем рушатся обломки торосов, взметая ввысь фонтаны морской воды.

16 августа. Следуя по 130-му меридиану, атомоход «Арктика» пересек 85-ю

параллель, побив прежние рекорды свободного плавания во льдах, установившие «стариками-паровиками» «Красным», «Ермаком», «Литке»... Сколь ни тяжки ледовые преграды, но и руководителю рейса Тимофею Борисовичу Гуженко, и капитану Юрию Сергеевичу Кучиеву, и научным работникам, обеспечивающим службу прогнозов, уже ясно: достигнуть цели удастся раньше намеченного срока.

В судовом журнале отмечено: «Ведем пятиминутное счисление». Иначе говоря: уже не каждый час, как обычно, а каждые пять минут вахтенный штурман записывал курс, скорость, чтобы точно знать астрономические координаты, место корабля под небосводом, на котором ни Большой Медведицы, ни Полярной звезды не видать, солнце — и то закрыто облаками.

17 августа. 4.00. Когда вахту держали дублер капитана Василий Голохвастов и третий штурман Павел Нью, с помощью радиолокационных средств определили координаты атомохода: 90 градусов северной широты. А долготы, как известно, на полюсе, в «точке земной оси», нет. Куда ни глянь, всюду юг...

В тот день над полюсом затрепетал алый советский флаг. А каким символическим было возложение к флагштоку древки русского знамени из музея Арктики и Антарктики! Того самого знамени, которое нес к полюсу Георгий Седов, погибший во льдах мученической смертию.

19.05. Проведя на северной вершине планеты менее суток, атомоход «Арктика» пошел в обратный путь, на этот раз проложив курс по 45-му меридиану.

А навстречу с далекой Большой Земли радиоволны несли голос Родины, слова благодарности героям похода. Все на борту «Арктики» были глубоко взволнованы отеческим приветствием Леонида Ильича Брежнева:

«...Ваш рейс в честь 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции осуществлен на самом мощном в мире ледоколе, построенном руками славных ленинградских судостроителей и энергетиков и вобравшем в себя последние научно-технические достижения советских ученых и специалистов.

Коллективный труд ученых и специалистов различных профессий в таком сложном и, прямо скажем, довольно опасном деле, как рейс к суровому Северному полюсу, еще раз подтвердил высокие моральные и политические качества советских моряков и полярников».

Желаю вам, дорогие товарищи, доброго здоровья и дальнейшей плодотворной работы в развитии и совершенствовании судоходства на Северном морском пути — главной национальной транспортной магистрали в Арктике».

Национальная транспортная магистраль... Какой глубокий смысл в этих простых словах! Да, регулярное судоходство в ледовых морях — поистине историческое завоевание советского народа, реализовавшего мечты многих поколений мореплавателей и ученых.

Докладывая о достижении полюса Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР товарищу Л. И. Брежневу, руководителю экспедиции — министру морского флота СССР Т. Гуженко и капитан атомного ледокола «Арктика» Ю. Кучиеву радиовали с борта атомохода 17 августа 1977 года:

«Мы глубоко убеждены, что эти мечты стали былью в результате титанической деятельности ленинской Коммунистической партии Советского Союза в условиях развитого социалистического общества, раскрытого бесконечные творческие возможности людей труда, давшего простор научно-техническому прогрессу в развитии экономики и культуры всех отраслей народного хозяйства, в том числе в развитии материальной базы морского флота и подготовке высококвалифицированных кадров, готовых и впредь выполнять любые задания Родины».

ОПИРАЯСЬ
НА ТВОРЧЕСКУЮ
АКТИВНОСТЬ
ТРУДЯЩИХСЯ,
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ
СОРЕВНОВАНИЕ,
ДОСТИЖЕНИЯ
НАУЧНО-
ТЕХНИЧЕСКОГО
ПРОГРЕССА,
СОВЕРШЕНСТВУЯ
ФОРМЫ И МЕТОДЫ
РУКОВОДСТВА
ЭКОНОМИКОЙ,
ГОСУДАРСТВО
ОБЕСПЕЧИВАЕТ
РОСТ
ПРОИЗВОДИТЕЛЬ-
НОСТИ
ТРУДА, ПОВЫШЕНИЕ
ЭФФЕКТИВНОСТИ
ПРОИЗВОДСТВА
И КАЧЕСТВА
РАБОТЫ,
ДИНАМИЧНОЕ,
ПЛАНОМЕРНОЕ И
ПРОПОРЦИОНАЛЬНОЕ
РАЗВИТИЕ
НАРОДНОГО
ХОЗЯЙСТВА.

ИЗ КОНСТИТУЦИИ
СОЮЗА
СОВЕТСКИХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ
РЕСПУБЛИК

КУЗНЕЦКАЯ

Гарий НЕМЧЕНКО

Мятежный его характер сказался еще в отрочестве... Ему было пятнадцать, когда он стукнул надоевшего хуже горькой редьки гувернера-француза, оставил одежду на берегу пруда и бросился в воду. На той стороне с крестьянскими портами да рубахой в руках ждал его закадычный друг, деревенский хлопец Максименко. Вместе пришли на металлургический завод. Тут дворянин Михаил Курако работал в доменном цехе пробоносом, потом, когда застали его за изучением исписанных по-французски цеховых журналов, ушел в катали. Толкал перед собой вверх по галерее тяжелую тачку с шихтой, задыхался около открытого засыпного люка, уворачивался от жарких языков пламени... Присматривался к громадной «печке», прислушивался и приноховался в прямом смысле—это была единственная его учеба. Через два десятка лет, проработав и горновым и мастером, по собственному замыслу перестроил уже не одну печь, став первым на юге русским начальником доменного цеха, он собрал около себя железную гвардию готовых пойти за ним в огонь и в воду отчаюг и умельцев. Потом встретил еще одного, самого, пожалуй, преданного доменному делу и самого верного.

Молодой инженер Иван Бардин только что вернулся тогда из Америки. Два года тщетно пытался он получить работу по специальности на крупнейшем в мире металлургическом заводе Гери и два года вместе с неграми таскал рельсы. Сорвал сердце и поехал домой. Устроиться смог всего лишь переводчиком при зарубежных спецах на заводе в Юзовке. Тут и окликнул его Курако, обративший внимание на ковбойскую шляпу «американца» Бардина.

В то предгрозовое время русская инженерия вела жестокую борьбу с иностранным засильем. Оба они, мятежный учитель и терпеливый ученик, мечтали о гигантском заводе, который воплотил бы в себе самые последние достижения мировой и отечественной технической мысли. Трепетным своим крылом мечта эта коснулась сперва плеча учителя: в 1917 году он получил предложение акционерного общества «Копикуз» стать главным специалистом на строительстве большого металлургического завода под Кузнецком.

Это были дни, когда Россия менялась стремительно. Из Москвы Курако с учениками выехал в Сибирь уже с наркомовскими мандатами. Совсем еще молодой Советской власти, казалось, было не до того, однако уже ушла на Урал ленинская телеграмма, предлагавшая разработать «единую хозяйственную организацию, охватывающую область горно-металлургической промышленности Урала и Кузнецкого каменно-угольного бассейна».

С трудом прорвавшись сквозь заслоны белочехов, «кураковцы» прибыли в Кузнецк. Мог ли им, горячо мечтавшим о просторе для творчества, о работе на общее благо с полной отдачей, не глянутья этот почти фантастический край!

Конечно, то были не самые удобные для строительства годы. От ватманских листов, от проекта инженеров отвлекали то крики, а то и выстрелы. Первую зарплату в советских деньгах для рабочих Осиновских копей привезли на санях из Томска в двух промерзших, хоть об дорогу бей, пшеничных караваях. Сам Курако главарем одной из банд был приговорен к расстрелу, и привести приговор в исполнение помешало только горячее заступничество гурьевских рабочих. Из разграбленной его квартиры безвозвратно исчезла рукопись почти готовой книги по доменному делу.

В 1920 году знаменитого доменщика подкосил сыпняк. Осиротевшие его питомцы вернулись восстанавливать разрушенные гражданской войной заводы юга—на все у республики не было сил. Мысль о гигантском заводе в Сибири, однако, не умерла. Неокрепшему костяку бурно растущей новой индустрии остро не хватало железа. К двадцать восьмому

ЛЕГЕНДА

ПЕРВОПРОХОДЦЫ. СОЗИДАТЕЛИ. ПАТРИОТЫ.

весь комсомол строит МАГНИТОСТРОЙ

году страна достигла всего лишь предвоенной цифры выпуска чугуна—пяти миллионов тонн. На тридцать третий год—к концу первой пятилетки—сперва наметили десять миллионов. Потом было твердо решено: семнадцать. Соединенные Штаты в свое время прошли такой путь за девятнадцать лет. России предстояло пройти его за три.

Тогда считалось, что запасы угля в Кузбассе в шесть-семь раз больше, нежели в Донбассе, и значительно выше по качеству, но добыча на востоке составляла только семь процентов от общей. Рудные кладовые Урала были в четыре раза полнее кировских, но удельный вес уральской металлургии оставался на уровне двадцати пяти процентов. На повестку дня снова встала задача: соединить уральскую руду с кузнецким коксом. Это должен был сделать Урало-Кузнецкий комбинат.

То было время, когда над страной уже звенели зовущим набатом гордые имена новостроек: Днепротэкс, Комсомольск-на-Амуре, Челябинский тракторный, Горьковский автомобильный, Турксиб... Теперь к ним прибавились еще две: Магнитка и Кузнецкстрой.

Иван Павлович Бардин впоследствии писал, что день, когда к нему на квартиру пришел представитель Тельбесбюро и предложил должность главного инженера Кузнецкстроя, он считает одним из самых счастливых в своей жизни. Тогда же, в двадцать девятом, когда только что прибыл на строительную площадку, он скорее всего так не думал. Стройка была—двести рабочих, шесть лошадей, два легковых автомобиля. И еще электростанция. Мощностью 3,5 (три с половиной!) киловатта. Но уже пропела здесь, на Кузнецкой земле, труба...

Герцен в «Былом и думах» мечтал о «жизненном толчке, который увлек бы Сибирь с американской быстротой вперед. Увидим,—продолжал он,—что будет, когда Америка встретится с Сибирью». Встреча наконец состоялась, и сибиряки это поняли. Бурно растущие на востоке города, поглядывая на плечо крупнейшего в мире промышленного гиганта, невольно приподнимались на цыпочках. Новосибирцы называли свой город «Сибчакаго». Кузнецкие считали, что «Сибчакаго» находится слегка юго-восточнее—недаром же на географическом глобусе этот американский город расположен строго по диаметру от Кузнецка. И ничего, что вместо небоскребов на Горбуновской площадке были пока только «землескребы»—великое множество землянок. Копали их в основном грабари, на собственной лошадейке приезжавшие на стройку всей семьей. Пока отец наспех устраивал жилище, а мать пыталась сварить на костре похлебку, детишки сидели поверх скарба, пугливо оглядывая кишасший вокруг разноплеменный муравейник. Работали потом от мала до велика. У каждой семьи был свой, отдельный «забой». «Сам» копал землю, ребяташки правили лошадьми, женщина разгружала телегу. Иногда, когда днем лопата ударила о что-либо твердое, грабари оставались в ночь—«поработать по холодку». В котлованах мечтали напасть на золото—откопали скелеты двух мамонтов... И еще о чем только не мечтали на Горбуновской площадке: получить сапоги—хотя бы на двоих с братом; выйти в люди; укрыться от Советской власти; помыться в бане; построить гигант; поесть досыта. Здесь были красные партизаны и растратчики, коммунисты из интернациональной «Автономной индустриальной колонии», были комсомольцы и кулаки, крестьяне из ближних сел и выдвигенцы из столицы. Напуганные недородом, из среднеазиатских степей приехали на верблюдах несколько сот казахов с семьями. Издалека присматривались к стройке коренные жители—шорцы. Их звали к новой жизни. Они охотно шли в бригады, брали аванс, но как только наступал охотничий сезон, ни слова не сказав, уходили в тайгу. Им предлагали поискать в горах руду—«черные камни». Известный медвежатник Шере-

гешев—в зиму он добывал до двадцати медведей—сказал однажды, что видел большую скалу из такого камня. Рудник назвали Шерегешским...

Вся эта масса людей притиралась друг к другу и друг у друга училась, критиковала друг друга, делилась последним, убеждала, обличала, поддерживала. В жарком горнеле стройки ковались характеры. Недаром по журнальным страницам тех дней мелькало новое, дотоле неизвестное слово: человекострой.

Суматошная жизнь Горбуновской площадки ежедневно рождала тысячи больших и малых проблем, которые надо было решать немедленно. Люди работали, когда от стужи лопались градусники, но мастеров своего дела было, как говорится, чуть. На многих участках царил неразбериха. Директор строительства Сергей Миронович Франкфурт вспоминал потом, что инженерам приходилось, бывало, скрепя сердце подписывать наряды, в которых значилось:

1. Найти такую-то часть оборудования—следует подробное описание.

2. Расстояние: в радиусе 1—2 км от места монтажа.

Не хватало строительных материалов. Чтобы не зарились да не обижали соседи, прораб Фролов, талантливый инженер, велел создать «заначку» высоко на подмостях, уложенных внутри строящихся кауперов. Всего накопилось столько, что однажды леса не выдержали...

Посреди хаоса и сумятицы рождались трудовые рекорды. Соревнование с Магниткой подстегивало. Вместо положенных шестисот—семисот кирпичей каменщики укладывали по шесть, по семь тысяч. Невиданной до того времени выработки добились землекопы. Одно из звеньев бригады Алексея Филиппова на обратной засыпке выполнило норму на 1126 процентов—по семьдесят пять кубов землицы на брата!

К бригадиру прочно пристало шутовское, но уважительное: «человек-экскаватор».

Трамвай—первый в Сибири—был пущен в Новокузнецке в небывалый срок: за четыре месяца. Успешно строился водопровод, который должен был давать 30 миллионов ведер в сутки—вдвое больше московского. Несколько сотен бондарей из дубовой клепки день и ночь собирали почти четырехкилометровый водовод, диаметр которого—метр двадцать—был пошире, чем у иной бочки. Набирались опыта монтажники, чеканщики, клепальщики, огнеупорщики... Чтобы сократить сроки, принимались решения, которые приводили в ужас привыкших к размеренности иностранных спецов. Америка, уже отравившая солидное брюшко, отказывалась узнавать себя в молодости—специалисты из Штатов заявляли, что в той производственной ситуации, которая сложилась на Горбуновской площадке, они как бы не у дел. Гордые самолюбцы уезжали. Те, кому на все было наплевать, стреляли уток на знаменитом Болоте или, как могли, развлекались. Двадцать шесть монтеров из Германии устроили по главной улице Верхней колонии шествие: покачиваясь, шли без пиджаков, с кричащими патефонами в руках. От этих уже заметно потягивало пивом из Мюнхена... Наиболее честные и дальновидные пытались понять, что происходит. Такие не раз соглашались с Бардиным: что ж, при необходимости можно строить и так. Некоторые выучили его любимые словечки: «паркетный инженер» и «губошлеп». В роли первых у главного инженера часто фигурировали инспекты. Последнее чаще относилось к соотечественникам, в особенности к тем, кто гробил купленные за золото машины. Сам Бардин, до смерти устававший днем от текучки, ночи просиживал над зарубежными техническими журналами—хотелось, чтобы завод был самым современным. В первых проектах предусматривалась производительность в триста тысяч тонн чугуна. Потом, когда в Совнарком было сломано не одно копые, она повысилась до миллиона. Теперь строительством был

разработан и выдвинут встречный план—миллион двести тысяч.

Общий энтузиазм заражал не только равнодушных, но и отпетых скептиков. Сердцем прикипали к Горбуновской площадке даже вчерашние «элементы». Слышнее здесь стал голос комсомольцев—этого они добились трудом поистине самоотверженным. Вот запись из дневника одного из молодых строителей Я. Кузьмина, работавшего на первой домне: «8 августа. Сегодня сверхударный день... Кирпич вырывается огнеупорщиками из рук подсобников. Еще бадьба не стала на пол, как ее уже опустошают. Моторист не выключает мотора: время—теплые. Перерывы недопустимы. Кверху вздымается бадьба за бадьбой. Моторист никогда не знал такой гонки...»

К ноябрю 1931 года в Новокузнецк прибыл первый эшелон с рудой из Магнитки. По только что построенной линии Кузнецк—Мундыбаш—Темир-Тау пришли восемь вагонов с собственной—кузнецкой—рудой. Часть дороги руду, правда, везли на лошадях, но ликование строителей от этого меньше не стало. Все ждали первой плавки. Домна была готова, но подвели другие службы. Время пуска перенесли. В соревновании двух гигантов победила тогда Магнитка: там дали чугун в январе. На Горбуновской площадке дождалась первой плавки 3 апреля 1932 года. Ради справедливости надо сказать, что здесь потом гораздо раньше замкнули металлургический цикл—уже 30 декабря 1932 года кузнецкие рапортовали стране: есть рельсы!

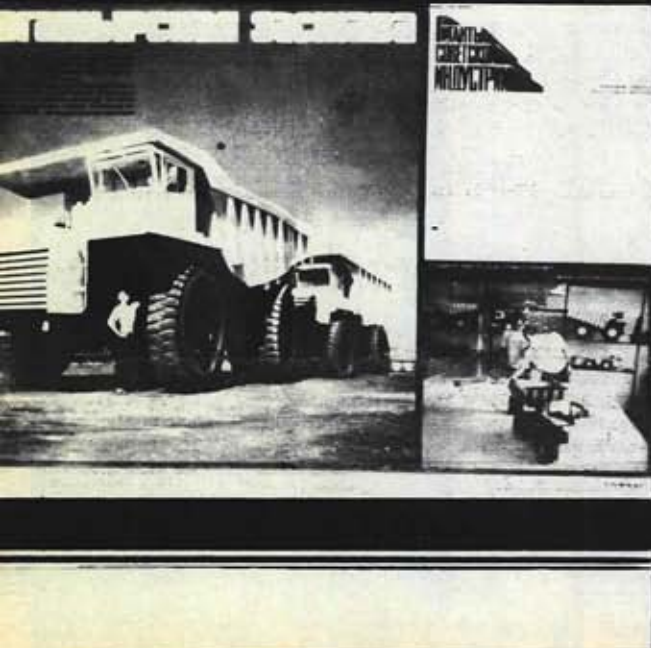
Рельсы, ожидалось, составят больше половины продукции нового завода, который должен был производить все для транспорта. Новокузнецку предстояло соединить стальными нитями города и веси страны. В молодом, сразу шагнувшем далеко за сотню тысяч жителей городе еще достраивали Кузнецкий завод, а уже замыслили создание нового: Западно-Сибирского. Чтобы не было проблем с вывозом продукции, Бардин предложил сделать его «транспортно-металлургическим». Пусть-ка здесь строят паровозы и вагоны. Нагузили эшелон коксом—и такой состав навсегда уйдет из Кузбасса. Очередную порцию кокса для домен Урала вывезет другой, только что рожденный в цехах стальной эшелон.

Место для «младшего брата» выбрали в двух десятках километров от города, на другом берегу Томи. В 1934 году сюда приехал Серго Орджоникидзе. Антоновская площадка нарком понаравилась, и через несколько месяцев здесь, в Голубом логу, выросли первые два барака... Но слишком много в те годы было у Советской страны забот. Строительство задержалось. А потом грянула война.

На второй день войны в Новокузнецк позвонил другой нарком—Тевосян. Кузнецчанам предлагалось срочно наладить производство брони для танков. Дело это было почти невозможное, но первые опыты начались тут же. Недавно я спросил бывшего в военные годы парторгом ЦК на Кузнецком комбинате Николая Еремеевича Чернышева, что ему больше всего из того лихорадочного времени запомнилось. Он ответил коротко: «Бессонница». Не смыкали глаз ни инженеры, ни рабочие. Петр Никитин, Александр Чалков, Иван Ушаков, Ефим Ляхов—вот имена тех сталеваров, кто, забыв себя, бился над секретом металла особой прочности и кто его в конце концов разгадал. В октябре были получены первые листы кузнецкой брони. Заводу, который должен был соединить страну, предстояло ее заслонить—дни и ночи напролет ковали здесь стальной щит Родины. В ту грозную пору, когда фашистами были захвачены заводы Украины и юга России, молодой Новокузнецк дал столько стали, что из нее можно было бы изготовить 100 миллионов снарядов, 45 тысяч самолетов и 50 тысяч тяжелых танков. Не случайно на площадке перед комбинатом стоит нынче на постаменте окрашенная в защитный цвет старая «тридцатьчетверка»—суровый символ того, что со временем потом политая кузнецкая броня оказалась прочнее хваленной крупнокалиберной.

Об Антоновской площадке снова заговорили через двенадцать лет после Победы—первые строители пришли сюда 27 мая 1957 года.

Что ты станешь рассказывать о них после того, как прикоснулся к легенде, как припомнил лишь очень немногое из всего, чему суждено было выпасть на долю отцов? Ведь это ровесники твои и товарищи, и с ними еще не поздно собраться, и похлопать друг друга по плечу, и посмеяться, и попеть песни... Хотя уже уходят потихоньку, уходят те, кому было тогда столько же, сколько нам сейчас,—чуть за сорок, кто пришел на Антоновскую площадку, чтобы молодость повторить, чтобы записать на свой личный счет и эту, вторую большую стройку... Помню, как меня, до костей продрогшего на юру, совсем еще молодого газетчика, отпавив у себя дома крепким чаем с малиной слесарь Харитон Иванович Луккин, бывший ветеран Кузнецкстроя. Слово посмеиваясь и над собой—стариком, белой вороной на комсомольской стройке, и надо мною, все норвившим достать блокнот, негромко говорил: «А как же мне сюда было не прийти?.. Однажды прикинул: двенадцать танков

подо мною сгорело. Это сколько стали задолжал государству? Считай, полтыщи тонн... Надо, брат, отдавать!» А самый первый на стройке механик, все так хорошо по одному взгляду понимавший и так умевший найти простые человеческие слова Михаил Алексеевич Ефименко? А наставник многих, грозный наш управляющий, добрейшей души человек Николай Трифонович Казарцев? А первый руководитель завода мудрый и строгий Виктор Дмитриевич Смирнов, тоже ветеран Кузнецкстроя? А волевой, жесткий до предела, однако так уважающий и справедливый и прямо Иван Михайлович Звездов—управляющий трестом, начальник «Главкузбасстроя», заместитель министра Минтяжстроя? Их всех неумолимое время соединило где-то там, за незримой чертой. Только не забывает их сердце, постоянно к ним возвращается память,—не потому ли, что они навсегда приобщили моих ровесников к чему-то, может быть, самому главному?

...Раньше других приехали на Антоновскую площадку плотники Александр Балашов, Дмитрий Шаралов, Петр Шишкарев. Сколотили тепляк для раскомандировок—«штаб» будущей стройки. Бригадир каменщиков Павел Красавин положил первый кирпич—на фундамент котельной. Поставили двадцатиместные палатки, и единственным жителем городка из брезента долго оставался самый первый комсорг крошечной тогда новостройки Валентин Лифинцев. Остальные уезжали ночевать в Новокузнецк. Потом в палатках поселились комсомольцы из Горького.

На Антоновской решили обойтись без временок—ставили капитальные дома, сначала двухэтажные, но для вчерашних десятиклассников, для парней без строительной специальности и это было «целое дело». Громко заявить о себе стройка тогда еще не успела, снабжали ее из рук вон плохо. Первый в поселке кузнец Иосиф Ясинский брал под уздцы лошадку, волоком подтаскивал к кузнице бракованные железобетонные балки, молотом разбивал их. Только потом из арматуры ковал закладные детали, болты, проушины. По вечерам в палаточном городке устраивали танцы под радиолу. Иосифу было не до танцев.

Осенью на Антоновской площадке сыграли первую свадьбу. Лизе Кузнецовой и Виктору Еременко подали ключи от будущей квартиры, а пока простынями отгородили в палатке угол. Первый дом сдали к Октябрьским праздникам—в нем поселились только девчата.

Грузовик со строителями, «коробочку», которая прорывалась на новостройку из города, называли «краснознаменной». Ежедневно она проезжала в Старокузнецке мимо полуразрушенной церкви, в которой когда-то венчался прапорщик Сибирского линейного батальона Федор Достоевский, и останавливалась перед старинной, еще при Екатерине поставленной казакми на высоком берегу Томи крепостью. Здесь «краснознаменная» ждал бульдозер. Вытягивал ее на гору и уходил вперед—счищать снег. Половину дороги все шли пешком—толкали машину. Уши у первого начальника стройки Абрама Михайловича Нухмана были обморожены, но ни в пути на Антоновскую, ни там, в поселке, он ни разу не опустил клепанов на шапку: это кому, мол, там, братцы, холодно?... Хлеб, который привозила «краснознаменная», замерзал так, что никакой нож не мог его потом взять, и нарезать его стали еще в городе. В брезентовой столовой ребята отогревали куски за пазухой. Весною сильно разлилась Тотьма, и несколько дней продукты на Антоновскую площадку доставлял вертолет.

Летом на новостройку приехала первая партия москвичей. Вместе с сибиряками они бетонировали зимой опоры под ЛЭП. И те и другие показывали характер. День разрешалось активировать, когда мороз переваливал за сорок один, но от своего бригадира Африкана Ивановича Попадьяна парни узнали, что в контракте у кузнецкстроевцев стояла другая цифра—сорок пять. И старый бригадир не приходил теперь на работу без пузырька с гусиным жиром в кармане.

Одним словом, на Антоновской первым тоже пришлось нелегко. Но ведь недаром каждый, кто тут начинал, кроме всех прочих званий, носил еще одно, общее для всех: доброволец. Сколько хороших и светлых лиц увидишь за этим словом, сколько припомнишь упрямых судьбы!

Как-то в начале стройки, когда на промышленной площадке завода, считай, и котлованов-то еще не было, пришел к нам в редакцию многотиражки один наш рабкор, сказал таким тоном, словно он сам это организовал: «Хотите последние известия? На Антоновку сталевары приехали!»

Вечером мы с ним отправились в общежитие. Их было шестеро неразлучных друзей: Витя Алистратов, Володя Карпенков, Борис Кошкин, Эдик Сорокин, Толя Хрипунов, Витя Хромченко. До этого жили в Комсомольске-на-Амуре, окончили там техническое училище, получили дипломы сталеваров. Распределили их на «Амурсталь»—на тот завод, кото-

рый на заре первых пятилеток построили их отцы. И тут родителям впервые пришлось пожалеть, что столько рассказывали сыновьям о своей комсомольской юности: эти шестеро пришли к директору, попросили отпустить их на Запсиб. Директор завода тоже был ветеран Комсомольска, и долго уговаривать его не пришлось.

На Антоновской ребята работали в арматурном цехе. Жили коммунально. Она так и называлась у них: «Добровольная коммуна сталеваров». На одном из субботников посадили они тополиную аллею—Аллею Первых сталеваров. На карте нового Заводского района такого названия нынче, правда, не найдешь. Может быть, зря. Но Виктор Иванович Хромченко, начальник технического отдела треста «Кузнецкметаллургстрой», хорошо знает, где она находится, эта дорожка, среди уже немолодых теперь тополей в старой части поселка...

В декабре пятьдесят девятого по стройке разнесся слух: приехал Бардин! Пока в поселке готовились к митингу, патриарха сибирской металлургии повезли на промышленную площадку завода. Открыв дверцу «газика», долго смотрел он на почерневшие от дождя бараки в Голубом логу. Потом, когда выступал перед притихшими парнями и девушками, сказал: «Ваше счастье, что теперь у вас такая техника... Иначе одним граблером на этой стройке потребовалось бы больше пятнадцати тысяч». Он, конечно, помнил своих только-только начинающих осваивать хитрые машины лапотников—«губошлепов», помнил бедность тех, кузнецкстроевских времен...

В 1961 году, 27 марта, стройка вступала в борьбу за коммунистический труд. В тот день вернулся из Кемерова залепанный грязью «газик» комитета комсомола. В нем привезли взятое из музея выцветшее развешенное над ударными объектами Кузнецкстроя. Вечером в просторном зале клуба «Комсомолец» Иван Иванович Громов передавал это знамя молодежи Антоновской площадки. Принимавший его комсорг стройки Виктор Качанов пытался скрыть невольные набравшие слезы. Громову это не удалось. Голос лихого запевалы на этот раз подвел его. «Передаю вам... славу и силу ваших отцов,—сказал, запнувшись.—Нет чести выше—продолжать их святое дело!»

Сколько крепких, мозолистых рук держали потом выдавшее виды древко!

Ранним летом шестьдесят четвертого года, когда до пуска домны оставалось всего ничего, сильный ливень размыл шлаковый отвал. Восстановить его надо было в считанные дни. Жаркая работа кипела здесь круглые сутки—недаром водители девяти сот самосвалов, ежедневно выходящих тогда на линию, называли шлаковый «Курской дугой». Смену напролет шоферы не вылезали из-за баранки. В эти дни водителям из коммунистической бригады Василия Пилипенко писали по столыку «ходок», что выдавший виды пожилой прораб «Востокгидроспецстроя» в конце концов решил окончательно: такого не может быть. Оставалось одно: от карьера, где брали гравий, до шлакового отвала эти разбитные хлопцы нашли дорогу короче... Чтобы проверить водителей, каждому в кабину посадили однажды по легкотрудице. Когда машины кренило на крутом повороте или подбрасывало на выбоинах, будущие мамашы закусывали губу и хватались за ручку. Мрачнели водители. В тот день бригада сделала чуть больше половины обычного. Выдавший виды прораб—«А я вам что говорил?»—удовлетворенно потер ладони. Черный от пыли, обычно спокойный—хоть выслысь на нем—Пилипенко хватил кепкой о столешницу: «Тебе не рожать—может, сядешь со мной в кабинку сам?!» Кузнецкстроевское знамя оставили у ребят из коммунистической...

Шлаковый отвал восстановили за несколько горячих, утонувших в тяжелой пыли и натужном реве самосвалов бессонных недель—пуск откладывать не пришлось.

Есть события, которые врезаются в память навсегда. Таким событием стала для меня проведенная незадолго до пуска опрессовка доменной печи. Всплывают в памяти опоясавший площадку вокруг домны толстый канат с прицепленными к нему красными флажками и плотно стоящие за ним парни и девчата с внимательными, ждущими лицами... И всплывают другие лица—тех, кто неторопливо ходил тогда среди черных стальных конструкций, кто прислушивался к еле слышному шипению воздуха, кто не только придирчиво осматривал, но и долго ощупывал каждый показавшийся подозрительным сварной шов... Это все были знаменитые доменщики, старая школа, стальная гвардия Новокузнецка—и седые, в украинских, привезенных когда-то «с восстановления» рубахах усачи с бронзовыми от вечного жара клешнястыми руками, и сухонькие, с матовыми зальсынами, в шевитовых пиджаках дожденного покроя с еле заметными дырочками от орденов на бортах аккуратные дедки. В тот день они словно экзаменовали эту бесшабашную братву—комсомольцев-

добровольцев с молодой, беспокойной Антоновки. Дотошности было этим экзаменаторам не занимать, но каждый из них неторопливо сказал: добро!

И сколько их было потом, этих проверок на мужество, на зрелость, на мастерство! Три мощные домны, восемь большегрузных коксовых батарей, два больших конверторных цеха, шесть прокатных станов новейшей конструкции—вот что такое сегодня начинающаяся с неумелых поковок из арматуры Антоновская площадка.

Теперь ей уже хорошо знают цену, и она ее знает тоже. Несколько лет назад, когда в стране возникла острая необходимость увеличить выплавку стали, запсибовцам предложили построить второй кислородно-конверторный цех в небывалый срок—за полтора года. Сибиряки срок выдержали, не снизив при этом качества. Уже через полтора месяца после пуска цех вышел на проектную мощность. Заработал он, что называется, как часы, и покойный Леонид Сергеевич Климасенко, наш «Дед», железный директор Запсиба, великий его труженик, заезжал сюда, бывало, просто так—отдохнуть душой. Не менее быстро и так же добротой построили на Антоновской уникальный стан «450», который по праву считается гордостью отечественной металлургии.

А недавно на Запсибе установили еще один рекорд—мировой.

В те дни в Кемерове только что начался литературный праздник—в гости к сибирякам приехали писатели из Москвы, из братских республик. Открытие показывали по телевизору всей области. Владимир Федорович Попов, старейшина «металлургической» темы, приветствуя кузбассовцев, сказал: мы, мол, знаем, что в Новокузнецке ожидается одно крупное событие—строители готовятся к надвиге домны. Знаем, что дело это очень ответственное—был случай, когда у американцев дома поменьше, попросту говоря, «загрелась»...

Кто-то, решивший, видно, на всякий случай «подстраховать» писателя, бросил реплику: «Наша не упадет!» Бодрая эта реплика тоже пошла в эфир.

На следующий день на Антоновской площадке мы стояли в зоне надвига, и с бьющимся сердцем я оглядывался: та же самая площадка... Те же самые красные флажки ограждения, за которыми снова толпится столько народу... Только теперь зима. И прошло уже больше десятка лет. И на место той, уже отработавшей свой век самой первой нашей печи становится новая, собранная рядом «Домна Запсибовна»—куда помешать... Толстые стальные тросы уже натянута как струна—вот-вот она должна тронуться с места. В который раз я взял за локоть старого своего дружка, одного из бывших комсоров стройки, бывшего бетонщика Колю Тертышникову, ставшего теперь начальником самого крупного на Антоновской площадке монтажного управления: «Когда?»

И вот «Запсибовна» тронулась. Все, примолкнув, искали глазами почти неуловимые приметы ее удивительно плавного движения. Потянулись долгие часы монотрудной работы: сантиметр за сантиметром домна медленно приближалась к бетонному пню.

Ночью в стальных конструкциях порывами гудела метель. Темь обступила со всех сторон ярко, как на кино съемке, освещенную мощными прожекторами площадку. Здесь, в этом сферическом пространстве из синеватого света, царил тишина и спокойствие. До пня уже оставалось десятка полтора метров. Начальник комбината «Сибметаллургстрой», глава новокузнецких строителей Николай Яковлевич Луценко, вернувшись из новенького теплячка—с «командного пункта»,—оглянувшись по сторонам, словно боялся, что нас подслушают, и тихонько совсем сказал: «Мы рассчитывали два дня ее тащить, но вот пошла хорошо, ребята решили—сегодня ночью». Голос у него был такой, будто в нелегкой этой работе и в самом деле было что-то от колдовства.

Через три часа домна стала на пень. До этого печи такого объема передвигались только на тридцать восемь метров, и «путешествие» длилось куда дольше. Эта меньше чем за сутки «прошагала» девяносто девять метров—своего рода «марафон»...

Два новокузнецких гиганта—первенец первой пятилетки КМК и молодой Запсиб—дают нынче вместе около десяти миллионов тонн чугуна в год, почти столько же, сколько дает сестра Магнитка. Третье место в стране занимают сибиряки по производству стали. Их продукцию покупают в сорока семи странах. Кузнецкая марка стоит на многих уникальных сооружениях в нашей стране. Ею помечены стальные перекрытия Кремлевского Дворца съездов. Гордый монумент покорителям космоса в Москве—тоже из сибирской стали. В Новокузнецке это считают символическим...

В этом городе от вокзала ввером расходятся несколько широких, прямых улиц. Одна из них носит имя Михаила Курако. Другая—Ивана Бардина. Между ними расположена главная улица Новокузнецка—проспект Металлургов. А упоминается он в проспекте Строителей. И то и другое с большой буквы пишется здесь не зря...

В СССР ПОСТРОЕНО
РАЗВИТОЕ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО...
ЭТО — ОБЩЕСТВО
ВЫСОКОЙ
ОРГАНИЗОВАННОСТИ,
ИДЕЙНОСТИ
И СОЗНАТЕЛЬНОСТИ
ТРУДЯЩИХСЯ —
ПАТРИОТОВ И
ИНТЕРНАЦИОНА-
ЛИСТОВ.

ЭТО — ОБЩЕСТВО,
ЗАКОНОМ ЖИЗНИ
КОТОРОГО
ЯВЛЯЕТСЯ
ЗАБОТА ВСЕХ
О БЛАГЕ КАЖДОГО
И ЗАБОТА КАЖДОГО
О БЛАГЕ ВСЕХ.

ИЗ КОНСТИТУЦИИ
СОЮЗА СОВЕТСКИХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ
РЕСПУБЛИК

Леонид ПЛЕШАКОВ

ВЕЧЕРОМ В П

В жизни всегда есть место подвигу».

В этой лаконичной горьковской фразе прочитывается сразу и утверждение и вопрос. Место подвигу есть всегда, но всегда ли найдется человек, способный его совершить? Всегда ли найдется тот, кто пойдет на самопожертвование ради общего дела, ради людей, кто готов рискнуть собственной жизнью для спасения жизни другого человека?

Во все времена героизм считался высочайшим из проявлений человеческой личности. Готовность к подвигу во имя общего дела, во имя человека стала моральной нормой жизни советского общества.

Шестьдесят лет первого в мире социалистического государства — это страницы истории, написанные героическими делами. Ни одно из наших завоеваний не было бы возможно, если бы не утвердились в жизни новые гражданские и нравственные ценности, новые нормы морали, если бы не сформировался новый человек. Каждое поколение советских людей рождало своих героев. Рыцари революции, герои гражданской и Великой Отечественной войн, ударники первых пятилеток, наши современники, своими выдающимися свершениями на Земле и в космосе преумножающие славу Отчизны, — их

жизнь, их дела стали тем нравственным примером, на котором воспитываются юные граждане Страны Советов.

Героизм современников — постоянная тема «Смены». В материалах, рассказывающих о героях, как в зеркале отражается внутренняя красота и сила советского характера, прослеживается преемственность поколений советских людей. И нынешний юбилейный год дал немало примеров героизма мирного времени. В публикуемом ниже очерке рассказывается об одном из них.

Кызыл-Кия — городок приземистый. На фоне глинобитных и кирпичных домишек здание в два-три этажа выглядит здесь весьма внушительно. Наверное, поэтому длинные одноэтажные жилые строения тут уважительно называют «корпусами», а трехэтажный микрорайон в Январском поселке и поддавно кажется московскими Черемушками.

Свои улицы городок разметал по холмам, склонам недалеких гор в неширокой пойме Джалсае — не то речушки, не то ручья, который торопится в соседнюю Ферганскую долину.

Кызыл-Кия в переводе означает Красная Тропа. Говорят, что дорога к первому угольному руднику, пущенному тут в конце прошлого века, шла между холмами из красной глины. Это и дало имя городку шахтеров. Есть, однако, и другая версия. В гражданскую войну в

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ЛЕТА

СМЕНА

Самое интересное и важное
из жизни советского народа
в 1924 году.
Выходит раз в неделю.
Учредитель: ЦК ВКП(б).
Редактор: И. Мухоморов.

**ДВА ВОПРОСА
СОЮЗНОЙ ЖИЗНИ**

Вопросы, которые волнуют советского человека, — вопросы жизни и смерти, вопросы счастья и несчастья, вопросы будущего и настоящего. Эти вопросы волнуют не только советского человека, но и человека всех стран. И потому вопросы жизни и смерти, счастья и несчастья, будущего и настоящего волнуют не только советского человека, но и человека всех стран. И потому вопросы жизни и смерти, счастья и несчастья, будущего и настоящего волнуют не только советского человека, но и человека всех стран.

СМЕНА

ИЗУЧАЙТЕ ЛЕНИНА!

1924
16

пятилетку
коммунизма
строит
поколение октяб

НА СОВЕЩАНИИ СМЕРТНОГО ЗАКОНА...
Вопросы жизни и смерти, счастья и несчастья, будущего и настоящего волнуют не только советского человека, но и человека всех стран.

ПЕРВОПРОХОДЦЫ. СОЗИДАТЕЛИ. ПАТРИОТЫ.

рудничном поселке стоял конный красногвардейский отряд, сформированный шахтерами для борьбы с басмачами. В их честь Красной назвали и дорогу, по которой они уходили в горы, преследуя бандитов. Позже так нарекли и сам город.

С именем реки оказалось труднее. Сай — это бурный ручей, поток. Джал... Старый аксакал сказал мне, что «джал» по-киргизски — «грива коня». Но даже он не знал, имеет ли это какую-то смысловую связь с саем, протекающим в их городе. В Кызыл-Кие никто эту речушку по имени и не называет. Просто говорят: сай. А чаще и вовсе: арык. Правда, раз в год саю было положено половедей. После весенних дождей — всегда это случалось на майские праздники — он вдруг вздувался, ревел и, не выходя обычно из берегов, мчался по своему извилистому руслу, собирая на склоны холмов сотни любопытных: не бог весть какое, а все-таки зрелище. Если в городе и случались наводнения, то вода приходила обычно по соседнему распаду, со стороны Рудника. Собираясь по склонам холмов, она мчалась к городу прямо по шоссе, заливая низинные улицы, сады, иногда немного подтапливая дома. К этим весенним каверзам привыкли, и приезжим рассказывали о них, как о некоей городской достопримечательности.

Последнее такое наводнение было в 1974 году. Следующие два года обошлось. Нынешний май вообще выдался сухим. Только в конце месяца небо заволочило, и на землю посыпал мелкий, занудливый дождик. Он шел, не переставая, четыре дня. К вечеру первого июня из долины со стороны Узбекистана на город надвинулась огромная черная туча. Стало необычно для этого времени суток темно. В домах пришлось зажечь свет. Туча опрокинула на Кызыл-Кио сплошной поток воды. Ливень с градом продолжался всего минут двадцать, а потом ушел в сторону гор.

Анатолий Михайлович Малов, первый секретарь горкома КП Киргизии:

— У меня в кабинете как раз заканчивалось совещание, обсуждавшее подготовку к выборам в местные Советы. Когда начался ливень, кто-то сказал: «Не наделал бы дождь беды».

Все приняли это замечание как шутку: какая там беда? Обычная туча, каких было много. О наводнении не думали: время наводнений — начало мая.

Дождь прекратился, стало тихо. Все, кто был на совещании, начали расходиться.

Примерно через час, было уже полседьмого вечера, мне позвонили из поселка Рудник.

— У нас наводнение! — кричал кто-то в трубку. — Вода поднялась на метр.

Сел в машину и помчался туда.

Только миновали лесной склад и повернули к Руднику, навстречу нам прямо по дороге несется водный поток высотой в метр. На «Волге» не проскочить. Мы развернулись. На площади около Дворца культуры увидел милиционера. Нужно, говорю, поворачивать все машины, идущие в сторону Рудника. Понимаете, рабочий день кончился, транспорт переполнен, по такой воде до аварии недалеко.

Потом подумал: что, если вода пойдет по саю? Его русло в одних местах идет по самой низине, ближе к вокзалу взбирается на склон бугра, и получается, что вода течет выше уровня железной дороги, дальше снова спускается. А против вокзала у нас детский сад. Если в арыке вода поднимется, затопит садик и детей перепугает. Надо принимать срочные меры. Тут как раз милиционер остановил маршрутный автобус: пассажиры вышли, и мы послали шофера детей из сада вывозить. Сами поехали следом, чтобы посмотреть, как дела на Первомайской, нашей главной и самой низинной улице, идущей вдоль сая.

Когда вернулись в центр, уже подпрудило лесной склад. А там пять тысяч кубов крепежного леса. И тут стало ясно, что вода действительно идет по саю! У моста ниже склада образовался затоп, и он, как плотина, перегородил поток. Если прорвет, вся масса воды и бревен двинет вниз по железной дороге, по Первомайской и Школьной улицам. А за вокзалом — нефтебаза. Огромные емкости с горючим...

В это время мальчишки с козогора кричат:

— Вода вагоны валит!

Действительно, со стороны лесного склада к нефтебазе мчался огромный вал — вода и бревна. — причем не по руслу сая, а прямо по железнодорожному полотну. Грохот кругом невообразимый. Я на фронте зенитчиком был, так вот тут рея и гул стояли, как при бомбежке...

С Анатолием Михайловичем мы пробовали подсчитать время, которое прошло с момента телефонного звонка до той поры, когда он увидел беду, несущуюся на нефтебазу. Получилось, что этих слившихся в одно мгновение минут совершенно не могло хватить для организации каких-то мер по борьбе со стихией.

Я беседовал с десятками очевидцев бурных событий того вечера, и все как один говорили:

— Вода пришла сразу.

После было подсчитано, что сель, обрушившийся первого июня на Кызыл-Кио, был редким по величине и катастрофичности. Расход воды достиг 505 кубометров в секунду, что превысило обычный в 2000 раз...

Дополнительными препятствиями потоку стали мосты, строения в пойме ручья, лесной склад в центре города. В узких местах образовались затопы, и вода поднималась на 9—10 метров. После прорыва затопов мгновенный расход воды на некоторых участках уже достигал 1000 кубометров в секунду.

Общий сток у кишлака Джал был равен примерно 1 миллиону 820 тысяч кубических метров, но, приближаясь к городу, селевой поток сметал все на своем пути и увеличивал за счет разрушений свою массу. В районе лесного склада его объем достиг максимума — 3,5 миллиона кубических метров.

Цифры для сравнения: средний расход воды в устье Москвы-реки равен 109 кубометрам в секунду. Скромный сай, который в летнюю пору можно без труда перепрыгнуть, в одно мгновение должен был вместить объем четырех-пяти рек, равных Москве-реке.

К тому же поток нес не только воду — жидкую глину, камни, бревна, холодильники, стиральные машины, диван, телевизоры, сараи, бетонные столбы, котлы, сорванные в летних кухнях. Разогнанная до сумасшедшей скорости, вся эта масса превратилась в грозный таран, сокрушавший все на своем пути.

Действие в этой трагедии разворачивалось вопреки всем канонам — без экспозиции, завязки, развития. Оно началось с кульминации. И люди, участники событий, были вовлечены в действие в тот момент, когда они возвращались домой после работы, торопились в кино, отдыхали в общежитии после занятий, копались в саду, шили, читали, смотрели телевизор. И не осталось минут на размышления. Каждый сам и сразу должен был определять, что делать. Не было времени для приказов, его хватало только для принятия собственных решений. Каждый мог приказать только себе и выполнить только свой приказ, приказ, который отдавала ему собственная совесть. Только чувства высокого долга, гражданской ответственности могли заставить людей прийти на помощь другим, спасти попавших в беду и не задумываться при этом о себе. Потому что, повторяю, стихия не оставила времени на раздумья.

Чтобы понятнее стало, сколь неумолимой и грозной была опасность, приведу рассказы тех, кто попал в зону селя.

Наташа Верясова, десять лет:

— Я была дома одна. Старшая сестра ушла к подруге, мама — к соседке. Папа уехал в командировку. Когда прошел дождь, в полисадник натекло немного воды. Я вычерпала ее ведром и пошла домой. Легла на диван и заснула. Проснулась оттого, что барахтаюсь в воде. Я выбралась на подоконник. По улице на уровне окна неслась вода. Было очень страшно...

Женщина лет 30, жительница поселка Джал, попутчица по дороге из Оша в Кызыл-Кио:

— Когда с улицы кто-то крикнул, что идет наводнение, я выскочила во двор, чтобы отвязать собаку. Подбежала к будке, завозилась с цепью. Вдруг откуда-то накатила большая волна, и я оказалась сразу по грудь в воде. Как-то смогла доплыть до дома, вскочила на крыльцо, захлопнула дверь на крючок. Глянула в окно, а вода выше стекол несется. Сижу и, как в подводной лодке, в иллюминатор наблюдаю...

Согласимся, в такой ситуации нетрудно растеряться. Выстоять, не пасть духом, спастись — для этого необходимо было мужество и сила характера. И уж истинный героизм нужен был тем, кто отваживался спасать других.

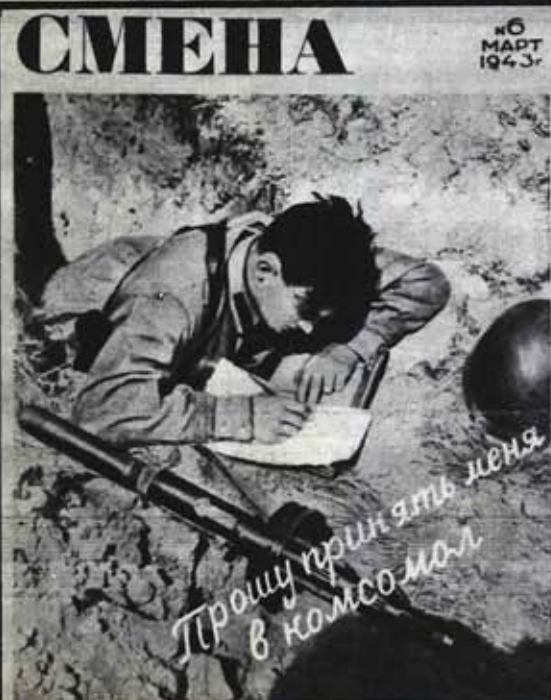
Перед лицом стихии все равны. Равны физически. Много дней спустя я прошел дорогой села. Видел пустыри на месте бывших домов, видел сброшенный с опор железобетонный мост, скрученные в дугу рельсы. Что мог человек противопоставить разгулявшейся силе природы? И все-таки человек принял ее вызов, не поддавшись панике и сражался даже там, где бороться, казалось, было невозможно. Испытание выдержала сила его духа. Люди шли на подвиг, не думая о подвиге. Они совершали его, как до этого делали свое обычное дело.

Для воспитателей детского сада № 1 этот день и без того выдался трудным. С утра с детьми ходили в парк, где был праздник в честь Дня защиты детей. К вечеру в группах осталось только шестеро ребятшек да три воспитательницы: Раиса Васильевна Макеева, Софья Михайловна Афанасида и Роза Сергеевна Ниязалиева. К Макеевой пришла старшая дочь Таня, десятиклассница, а к Ниязалиевой — муж, мастер обувной фабрики.

Софья Михайловна Афанасида:

— Когда с улицы донесся гул, мы с ребятами рисовали. Дверь во двор была открыта. Вдруг сразу вода — и все поплыло. Дети заплакали. Алик, Розин муж, говорит: спокойно. Выбил окно, влез на дерево — у нас персик под окном растет, оттуда на крышу пристройки. Роза и я ему детей подаем, он их на крышу сажает. Когда всех шестерых передал на крышу, Роза выбралась. Я — последней. Сил не хватало и страшно: вода внизу бурлит, бревна, детские манежи плавают. Алик ногу свесил, кричит: держись за ногу и перебирайся!

Схватила я, кое-как влезла на пристройку. Взяли мы детей на руки, перешли по коньку на главный корпус, к Раисе Васильевне. Там сидели, пока Султанов к нам не выбрался. Он помог всем перейти в грузовую машину и на бугор вывез. Но до него приходили какие-то два парня из

ПТУ № 7. Спросили: никого, мол, не надо из комнат спасать?

Мавлян Султанов, начальник грузовой автобазы, и ребята из ПТУ № 7 (чаще всего без имен и фамилий) фигурировали в рассказе многих, кого спасали по Первомайской и Джальской улицам. Это они, как правило, оказывались в самых «горячих», опасных точках стихийного бедствия. Но пойти на подвиг ради спасения людей — подвиг, другого слова в данном случае не нахожу — это уж зависело не от обстоятельств — от человека. Султанову сорок три года. Ребятам из ПТУ от 16 до 18. Люди разных поколений в сложной ситуации поступили одинаково. Да так, что бывшие фронтовики — артиллерист Малов и танкист Комаревский, видевшие войну и смерть и знающие цену героизму, не сговариваясь, скажут мне:

— Такие в бою не подведут.

Вот как рассказывает об этих нескольких часах из своей жизни Мавлян Султанов:

— Когда кончился ливень, я поехал домой. Двор немного затопило. Но дом стоит высоко, и ему вода не угрожала. Выехали с шофером Шевкатом Разматджановым к площади у Дворца культуры, там уже народу собралось много. Смотрю, вода верхом через железную дорогу пошла. Развернули мы «Волгу» и по Школьной вниз понесли. Двери открыли, я вправо, Шевкат влево кричим:

— Идет наводнение, спасайтесь!

Так до водокачки (она в конце города) доехали, развернулись и по Первомайской в обратную сторону. Около ресторана машину подхватило потоком, понесло. Мы выскочили, перебрались на высокое место. Недалеко от вокзала вижу — стоит «ЗИЛ-130» нашей автобазы. В кузове песок под самые борты. Я за руль. Поехали по улицам народ спасать. С деревьев снимали людей, с крыш домов, сараев. Чтoby мотор не залило, я подавал «ЗИЛ» задним ходом.

Потом встретили лесовоз с прицепом. Когда началось наводнение, Владимир Калинин и Михаил Сергеев как раз везли длинномерные бревна на стройку. Это оказалось кстати. По улице едут, увидят людей во дворе или на крышах, сдают прицеп назад, и люди по бревнам, как по мосту, в кузов перебираются. В полдевятого вода начала спадать, и тут загорелась нефтебаза. Мы сразу туда...

Чтобы не нарушать хронологию событий, я прерву рассказ Султанова. Дело в том, что почти рядом с ним и его товарищами на той же Первомайской и в примыкающих к ней переулках в одно время спасали людей учащиеся ПТУ № 7. Занятия уже окончились, и почти все преподаватели разошлись по домам. Только несколько мастеров и воспитателей находились в самом ПТУ и в общежитии, расположенном во дворе училища. Старшекурсники днем вернулись с прополки хлопка и отдыхали. Младшие группы после ужина собирались пойти в кино.

Ольга Рябова, учащаяся ПТУ № 7:

— Из-за дождя мы никуда не пошли. Сидели в комнатах, читали, разговаривали. Вдруг к нам на этаж прибегают мальчишки и кричат: «Хотите посмотреть, как бараны по улице плавают?» Мы и не знали, что в городе наводнение, что поносилось дома, пристройки, сараи, где содержался скот. Выскочили наружу, смотрим, со стороны детской больницы — она на Первомайской — бегут медсестры в халатах, женщины с детьми на руках. Наши ребята опротясь на улицу. «Куда?» — спрашиваю. «Людей спасать».

Сняла я плащ, туфли, отдала воспитательнице, сама, как была в футболке и тренировочных брюках, следом за ребятами. На углу улиц Перво-

майской и Едренкина дом восьмидесятилетнего Гани Закирова, заслуженного шахтера. Кроме него, дома была и жена, двадцатилетняя дочь и сноха и трое внуков. Их двор ниже проезжей части улицы, и его залило метра на полтора-два. Самим выбраться невозможно, и к ним не войдешь: ворота заклинили. Тогда Толя Борзов, Гена Галиев, Валера Бобров и другие наши ребята вот что сделали.

У Закировых во дворе виноградник. Лозы оплели летнюю кухню, через забор на улицу перекинулись, даже накрыли автобусную остановку. Вот ребята по этим лозам, по крыше кухни, по трубам, которые подпирают виноградник, и пробрались во двор. Тем же путем перевели на улицу всю семью. Когда нужно было спускаться с крыши автобусной остановки, парни уперлись руками в столбики, чтобы вроде лестничных ступенек получилось, и по ним Закировы сходили вниз. Потом вброд, по пояс в воде, перешли улицу. Я несла девочку лет четырех. Пришли в общежитие, разместила я всех по комнатам.

Пока Оля Рябова занималась в общежитии Закировыми, Борзов, Галиев, Бобров и другие парни проверяли все дворы и дома по Первомайской улице. Помогали выбираться людям на крыши, а если дом грозил рухнуть, искали более безопасное место. Так они спасли 38 человек.

Я прошел по этим домам и дворам, говорил со спасенными и чаще всего слышал: нам помогли ребята из ПТУ. Их фамилии, имена почти никто не знал. Времени для знакомства не оставалось.

Александр Николаевич Комаревский, пенсионер, инвалид войны. Его дом в самом конце Первомайской, куда вода пришла позже всего:

— Я был в саду, когда вода пошла по железной дороге. Сразу кинулся открыть ворота в проулок, чтобы воде выход на улицу. Только открыл ворота, вдруг от молокозавода прямо по улице несет огромную вал. Меня накрыло, потащило. Вынырнул метраж в пятидесяти, в соседском дворе. Рядом мой «Запорожец» плавает. До дня не достаю. Залез на бревно. Потом на забор перебрался. Через проулок не переплыть — несет...

Сиджу на заборе, а его того гляди смоеет. И тут, вижу, по моему саду два парня идут. Вода по грудь. В руках веревки, лестница. Куда ж, думаю, они лезут? Такое течение, что в саду персик под корень сбрыло, виноградник выкорчевало, заборы по всей улице разнесло, самого вот-вот сбросит. А эти идут, будто не замечают опасность. Когда оказались рядом, Борзов — я после узнал фамилию — говорит: «Давайте через проулок переведем».

Обвязался он веревкой, другой конец напарник его, Галиев, держит. Перебрался ко мне Борзов. Вцепился поперег туловища да так и не выпустил, пока не перетащил через поток. По дороге к дому нас с головой накрыло. Думал — все. А он не отпустил. Не знаю, как бы я сам выбирался. Ведь одну ногу я в ноябре сорок третьего под Киевом потерял.

Вскоре Борзов и Галиев принесли к нам в дом соседку-старуху. Ее дом совсем разнесло, на дереве спасалась. Думали, у нас ребята передохнут. А они говорят: «Надо идти».

Выли из резиновых сапог воду, обулись и ушли дворами дальше.

Я не смог поговорить с ребятами. Бобров, Галиев, Шайдуров, Хайдаров, Сойко и многие другие, кто стал героем того вечера, окончив училище, отправились к месту назначения. Другие были на практике. Но их помнят в училище, помнят в городе. Для всех, с кем встретились они в тот вечер, эти 16—18-летние ребята стали олицетво-

рением мужества и героизма. Придя на выручку совершенно незнакомым им людям, рискуя собой, они держали самый главный в своей начинающейся самостоятельной жизни экзамен. И сдали его на «отлично».

Но вернемся к рассказу Оли Рябовой:

— Уже стало смеркаться, когда загорелась нефтебаза. Тут кто-то крикнул, что в больнице на втором этаже осталось десять новорожденных и несколько десятков, которые не могут всех вынести. Мы перебрались через забор во двор больницы, воды тут было еще много, и пришлось нам сцепиться руками, чтобы не сносило. Так мы дошли до входа в корпус. Тут кто-то стоял и встал всех входящих. В это время электричества уже не было, и нужно было знать, сколько человек войдет в больницу, сколько выйдут. На всякий случай. Я оказалась шестой. А впереди были Борзов, Галиев, Скибин, Бобров и еще один наш парень — фамилию его не знаю.

На первом этаже была вода. Поднялись на второй — темно, по стенам отсветы пожара пляшут. Слышу, ребята зовут меня: «Ты, девочка, должна знать, как с грудными обращаться».

Забрали мы вместе с сестрами детей, спустились во двор. Воды стало меньше, но была она густой от глины и битых кирпичей. Тут из училища еще ребята подбежали, с двух сторон страдают, чтобы мы не упали. Отнесли детишек в общежитие, в комнаты девочек. Перепеленали, уложили на кровати...

А тем временем над городом нависла еще одна беда.

А. М. Малов:

— Когда вода достигла нефтебазы, она сорвала с фундаментов несколько емкостей, и поток, перематнув через дорогу, понесся к стадиону и дальше, в нижнюю часть города. По воде сверху плавало много солярки.

Говорю милиционерам: вы тут смотрите, чтобы никто не курил, не то рванет нефтебазу, тогда...

Сам — в горюх. Как раз звонили из обкома партии, сообщили, что к нам уже послана помощь.

В этот момент нефтебаза и по-прежнему: пламя столбом стояло.

Приехал я, там уже пожарные машины, милиция пытается огонь сбить. А Мавлян Султанов в самое пекло пошел...

Мавлян Султанов:

— Горели три емкости с соляркой. Пожарные пытались водой огонь задавить, но безуспешно.

Надо бы, думаю, бульдозер «С-100». Огородим территорию валом, огонь и локализуется. Но бульдозера нет. А солярка полыхает. Решил я поближе подойти, посмотреть, что и как. Емкости горят сверху — значит, взрыва не будет. Пробрался на территорию нефтебазы, похорезило там все. Грязь, ил чуть не по пояс. Вижу: у одной емкости порвало трехдюймовую трубу, по которой раньше горячее подавали, и солярка, как из форсунки, струей хлещет и горит. А напротив — метрах в восьми всего — емкость с бензином. Вот, думаю, расклевается она да как рванет. Кошмой бы солярку погасить надо. А где кошму взять? Потом увидел выше разрыва вентилятор. Если его перекрыть, огонь погаснет.

Вернулся я к пожарным. Взял у одного куртку, на себя надел, своим лиджаком руки обмотал. Поливайте, говорю, меня. Пожарные машины к этому моменту совсем близко к огню подъехали и засасывали воду прямо из запорочной ямы, которая до краев наполнилась жидким илом и грязью.

Когда я снова пошел к огню, меня поливали этой грязью. Она сошла, и

через корку не так жгло. Пробрался к лопнувшей трубе, накнул свой лиджаком на вентилятор и завернул его как полагается. А пожарные перекинули струи на емкости с бензином. Вскоре огонь совсем задавили.

В горюхе партии к тому времени уже был создан штаб по ликвидации последствий наводнения. Не теряя ни минуты, люди начали разбирать завалы, расчищать дороги, налаживать связь...

В ту ночь учащиеся ПТУ № 7 тоже не поспали спать.

Юрий Васильевич Лагуткин, мастер производственного обучения училища:

— Часов в девять вечера, когда вода стала уже спадать, Геннадий Николаевич Горбов, наш заместитель директора, сказал:

— Нужны добровольцы для оказания помощи милиции. Кто желает?

В это время во дворе, пожалуй, собралось все училище.

И все оказались желающими.

С одной группой мастер Анатолий Николаевич Неудачин поехал разбирать забор в районе второго моста. Остальные направились к горюху милиции. Нам поручили охранять магазин, склады, разрушенные и пострадавшие объекты, где были какие-то ценности. Так мы дежурили до утра...

Мой рассказ не вместил всех событий, происшедших в тот трагический вечер первого июня. Картина человеческого мужества, несомненно, была бы полнее и объемнее, если бы ее дополнить другими фактами.

Нужно было бы рассказать о железнодорожниках Мамете Абдукадырове и Мумике Маматжанове, которые долгое время сдерживали натиск бревен своим тепловозом.

И о студентах горного техникума, которые спасали людей, подхваченных бурным течением.

И о двух друзьях, учащихся ПТУ № 7 Федоре Зубове и Алексее Сулашеве, которые из затопленных домов по Джальской улице спасли многих женщин, детей, старух. Об этих ребятах меня просили рассказать сами спасенные, уж и не чаявшие в тот страшный вечер выбраться живыми из круговерти, царившей во дворе. Я слушал и старался представить, как все происходило. Но представить это оказалось невозможно, ибо мы стояли между домами, а двор был чист, будто в этом месте решили разбить спортивную площадку. Просто один из прорывов селя слизнул и деревья, и сараи, и виноградники, которые были тут раньше.

Федор и Алексей спасали людей не одни, им помогли ребята с соседней улицы и с Рудника.

И в который раз я порадовался за преподавателей ПТУ, за их коллег из средних школ, где учились ребята: они воспитали их так, что в критическую минуту парни и девушки не растерялись, не спасовали перед стихией, нашли единственный путь к спасению людей, хотя и рисковали при этом собственными жизнями. Такими их вырастили школа, семья, все наше общество.

Вера Кулцова, первый секретарь Кызыл-Кийского горкома комсомола, говорила мне, что первым комсомольцем города был Михаил Черкасов. В гражданскую басмачи его схватили и увезли в горы. Его долго пытали, стараясь узнать, где базируется конный отряд шахтеров. Он молчал, и басмачи сожгли Михаила. Красные следопыты семидесятых узнали о подвиге совсем недавно из пожелтевшей многотиражки сорокапятилетней давности. Сейчас они пытаются найти место гибели героя, чтобы установить там памятник. Фамилия Черкасова первой занесена в городскую комсомольскую Книгу почета. Теперь рядом будут стоять и фамилии ребят, отличившихся во время наводнения.

Подвиг молодых продолжается.

УВЕЛИЧЕННЫЕ ФОТОГРАФИИ

Памяти павших в боях старших братьев и отцов

Слово от дома до дома пошло:
— Фотограф в деревне!..
Словно от сна пробудилось село,
словно все ждали не день и не два
эти слова.

Выкриков детских восторженный хор,
на воротах закричали засовы,
и на дорогу через забор
женщины глянули, седоголовые.
Весть
не таилась в тени—
перемахнула через плетни...
Слово от дома до дома пошло:
— Фотограф в деревне!..
Кто-то шутя закричал на село:
то не фотограф стоит под горой,
к Тукезбан сват прикатил городской...

Бабка Сенем не верит ушам,
юбку придерживая рукой,
ловко скользит по камням-голышам:
«Что за приезжий? Кто он такой?»

Там, где у почты развесистый вяз
тенью своей одаряет в жару,
можно сказать, вся деревня сошлась...
Взглядом приструнивали детвору
старцы, на палки свои опершись...
Бабка Сенем и старуха Гюлли
с женщинами, что сюда подошли,
тихо беседовать принялись.
Встали поодаль, в кучке мужчин,
Керим-киши и Топал Ясын.
Дети на вязе уселись, легки,
каждый от любопытства горит:
что у приезжего за сапоги,
что в его кожаной сумке лежит?

Смолкли беседы,
говор и гул.—
сумку фотограф
свою расстегнул,
фото большое повесил на сук...

Пламенные очи, брови дугой,
девушки шепчутся между собой:
«Что за герой? Из деревни какой?
Брат ли фотографа он или друг?»
Не отводили от юноши взор
старые люди, смотрели в упор.

Знак подает им фотограф в тиши,
перед их лицами вертит рукой,
крикнул сердито Керим-киши:
— Разве не видите, гость наш немой!
Кличьте брата Гамбара немого,
чтоб объяснил нам все он толково.

...Брат Гамбара сказал наконец,
с гостем разобравшись вполне:
— Брат фотографа—это боец,
он погиб на войне...
Принесите фото своих
внуков и отцов молодых,
увеличит он ваши снимки,
пожелтевшие, словно в дымке...

Прослезился старый Керим:
ведь когда война началась,
деревенским парням молодым
сбор трубил этот самый вяз.

Сколько в давний день сыновей,
каждый крепок, смугл и румян,

выстроил под сенью ветвей
с сумкой кожаной капитан!

Он по списку их выкликал,
но из списка в иные дни
их стирал орудийный шквал
так, что в память ушли они.

И вздыхает старый Керим,
ожилась жизнь его перед ним,
ожили года и пути,
по которым пришлось идти...
И вздыхает старый Керим:
на коне в первый день войны
ехал он нагорьем пустым,
были думы черным-черны.

По нагорьям Керим скакал
узкой тропкою до села,
а за ним возле тех же скал
злая весть змееной ползла.
На коленях—хурджин цветной,
в правой—кнут,
а в левой—узда...
И дрожал его вороной,
ибо шла по пятам беда.

Солнце поднялось над землей,
сразу стало в горах тепло,
но по-прежнему с вестью злой
мчалось горе в его село.
Но не знали о вестях той
ни вершины гранитных гряд,
ни родник с водой ледяной,
где девичьи песни звучат,
ни холмы под светом дневным,
ни младенцы в люльках своих,
старцы с четками—
даже им
весть не снилась в их снах седых.

Солнце горное свысока
шло к закату, свершая день.
Были сумрачны облака,
весть за солнцем брела,
как тень,
поднималась с ним за увал,
находила к речке тропу...
Даже конь с отметкой на лбу
в своем беге весть ощущал.

На базаре узнал Керим
в тот июньский день о войне...
Продавал фрукты, что были с ним,
не заботясь уж о цене.
Оседлал своего коня
и, плетеным кнутом гоня,
поскакал... И не знает сам,
как сказать своим землякам.

Что отвечает край родной?
Эти пики гранитных гряд?
И родник с водой ледяной,
где девичьи песни звучат?
Поскакал... И не знает сам,
как сказать своим землякам.
Но еще не домчался он,
как в селе зазвонил телефон...

Открывают в домах сундуки,
и шкатулки, и коробки
матери, отцы, сыновья—
вся семья, вся семья...
И вываливают на столах,

что годами хранились в узлах,
обращаясь к памятным дням,—
к братьям, внукам и сыновьям...

Самодельный солдатский мундштук,
пожелтел он—разлуки цвет,
и из чьих же он выпал рук
среди дымных военных лет?

«Треуголка»—письмо войны,
бледны буквы и ветхий сгиб,
и разводы от слез видны...
Юный автор давно погиб.

«Похоронку» едва принесли
и часы
с трагедии той
в деревенский сундук легли,
ход прервали свой круговой.
Показались на белый свет
фотографии грозных лет.
Посмотрели в глаза родне
снимки, что лежали на дне
сундуков в глухой тишине.

«Фото-брат,
до снежных вершин
долетала песня порой,—
это свадьбу справлял твой сын,
ты не слышал голос родной...»

«Ты не слышишь,
фото-отец,—
с веток ядра спелых гранат
осыпает внук-сорванец
в том саду, что помнит твой взгляд».

«Фото-дед,
уже тридцать лет
длится год двадцать первый твой,
и не верит никто, что дед
может быть такой молодой».

Эти снимки, словно в пыли,
потускневшие, как в гробу,
борозды раздумий прошли
по щекам их, устам и лбу.—
будто вместо живых людей
жили фото жизнью своей,
жили фото тысячи дней.

Тосковало фото-отец:
без него женат молодец;
фото-брат все годы с тоской
по своей сестре дорогой;
фото-дед тоскует до слез:
не увидит, как внук подрос.

Превратились в эпоху ту,
жизни переступив черту,
снимки в память, сон и мечту.
Сны имели свои имена,
память тоже не обойдена:
звали сны Мухтар иль Масим,
звали память Гамза иль Гасан...

Весть пришла, что фотограф
приехал опять,
вновь столпился народ у почтовых
дверей...
И, присевши на корточки,
стал доставать
снимки славных солдат он
из сумки своей.
Вынимал осторожно,
торжествен и тих,

осторожно к скале прислоняя их
в ряд.
Подошли ребятишки, но даже на них
не взглянул, расставляя портреты, солдат.
Черноглазым и чернобровым парням
фото стали заменой...

Но разве тот строй
фотографий заменит когда-нибудь нам
строй солдат молодых, огневой, боевой!..

Нет, ни дед или сын,
ни отец или брат—
прислоненные к древней гранитной стене—
просто фото... Застывший, невидящий
взгляд,
и поблекли погоны на солдатском сукне;
словно войны, выбившиеся из сил,
здесь в ущелье родимом разбились привал...
Сигарету фотограф немой закурил,
затянулся и так сам себе он сказал:
«Были б живы,
и верно, я с кем-то из них
папиросу бы выкурил,
одну на двоих...»

И смешалась внезапно пред фото толпа,
старых женщин объединяла судьба.
Из рук в руки фото передают,
словно ждут, что они оживут.
Билась в плаче Сенем, причитала Сенем,
исстрадалась старуха в то утро совсем,
целовала фото своих сыновей,
прижимала к груди иссохшей своей.

Но воскликнул старый Керим:
— В руки, бабка, себя возьми!
Разве только с горем своим
мы явились перед людьми?
Ты считай, что сегодня к нам
с фронта наши бойцы пришли
и по всем крестьянским домам
песни празднично завели;
ты считай, что сегодня свет
шумных свадеб в деревне лег...
Ты пойми: через столько лет
фото-сын вззошел на порог...
Подбери-ка юбку свою,
поспеш-ка, бабка, домой,
собери за стол всю семью
и уж празднично стол накрой!
По-хозяйски всюду пошарь,
чтобы было чем угощать,
как посылку солдатам встарь
ты на фронт собирала, мать.
Слезы горя, Сенем, утри,
видишь: солнце уже зашло,
деревенские косари
возвращаются с гор в село...
Косари, героев родня,
лишь узнали—
и без дорог
на исходе темного дня
побежали, не чуя ног.
И усталости от косы,
что выкашивала плато,
в эти радостные часы
не почувствовал никто.
Позабыты в единый миг
запах трав и коварство туч,
каждый взглядом к селу приник,
приютившемуся у круч...

Кругом шла у них голова.
Дети выбежали встречать.
Обняв, ласковые слова
говорили отец и мать.

Внук Керима ошеломлен,
он стрелою летел в горах,
и крутую лестницу он
одолевал за единый мах.
Сквозь вечернюю полутьму
отчий облик увидеть смог.
«Здравствуй, фото-отец...»

Ему

к горлу подступает комок.
Захотел он обнять отца—
между ними встала стена,
и пробитые пулями дни,
и дороги, что без конца,
сиротских лет пелена...
Захотел он обнять отца—
не смогли обняться они...
Опускаются руки вниз—
так в объятья и не сошлись.

Это было все, как во сне.
И висят на стене
и прижавшиеся к стене
фотографии наедине
разговаривали до утра,
и встречались до утра
с сыном, внуком, со всей родней
в час ночной...

И промолвил Керим-киши:
«Вы считайте, что нынче к нам
с фронта наши бойцы пришли
и по всем крестьянским домам
песни празднично завели».

Но не вскидывают смычки,
но не слышен свадебный саз.
Эти «встречи» так коротки,
будто перед вечностью—
час.

Сыновья ведь за синью гор,
в сизом дыме чужой земли...
Словно гости, вошли во двор,
словно гости, они ушли.

Снимки пристально
на людей глядят,
кто бы ни вошел—

не отводят взгляд.
Снимки раньше всех
просыпались;
прогоняя ночь,
улыбались;
под их взглядом
родственники
ободрились...
Под их взглядом
старухи, повязанные черным платом,
вязали носки шерстяные,
сквозь ушко продевали нитки цветные.
Под их взглядом
внуки-малышки
по складам читали первые книжки...
Под их взглядом
вдовы во сне молодели на четверть века,
сердца их опьяняла нега,
словно засыпали на одной подушке с любимым,
с любящим, неповторимым,
засыпали рядом...

Пробегали дни, летели недели,
новые снимки на стенах висели.
Все теперь знали
парня немного,
приглашали отведать поминального плова.

В красных углах
обосновались портреты,
словно виденья—
прошлого кровные меты.
В праздник и тризну
они не встречались друг с другом
и не сходились
мужским доверительным кругом.
Жить привыкая
фото-отцом, фото-братом,
зло и добро различали они
острым взглядом.
Кто-то стеснялся
их неподкупного взора;
кто-то испытывал
приступ стыда и позора;
кто-то являлся к ним
с мыслью исповедальной;
кто-то прощенья просил
в час прозренья печальный;
клялся их именем кто-то,
не взвидевший света...
Смотрит портрет со стены,
как вопрос без ответа.

Поднималось село,
расправляя крыло,
как послевоенные дети,
росло;
и сближались
дома деревенские тем,
что во всех них солдаты
смотрели со стен,
молодые солдаты-дружки...
Оттого
меж домами как будто возникло
родство.
Не обжигом красным кирпичной
стены,
черепичною крышей, где отблеск
лучей,—
были эти дома породнены
фотографиями и мечтою своей.
На деревню спускается черная тьма,
зажигаются лампы впотьмах.
...Возвращаются фото в родные дома,
у них косы лежат на плечах.
По дороге, ведущей к победной весне,
по дороге, ведущей до отчих ворот,
как виденья, что возникают во сне,
в гимнастерках погибшая рать их
бредет.

По дороге, измученной горем разлук,
возвратились солдаты не вдруг,
возвратились, заставив о встрече
мечтать
сына, супругу, мать...
Снимки сблизили дома,
снимки породнили дома,
мечты о встречах соединили дома.

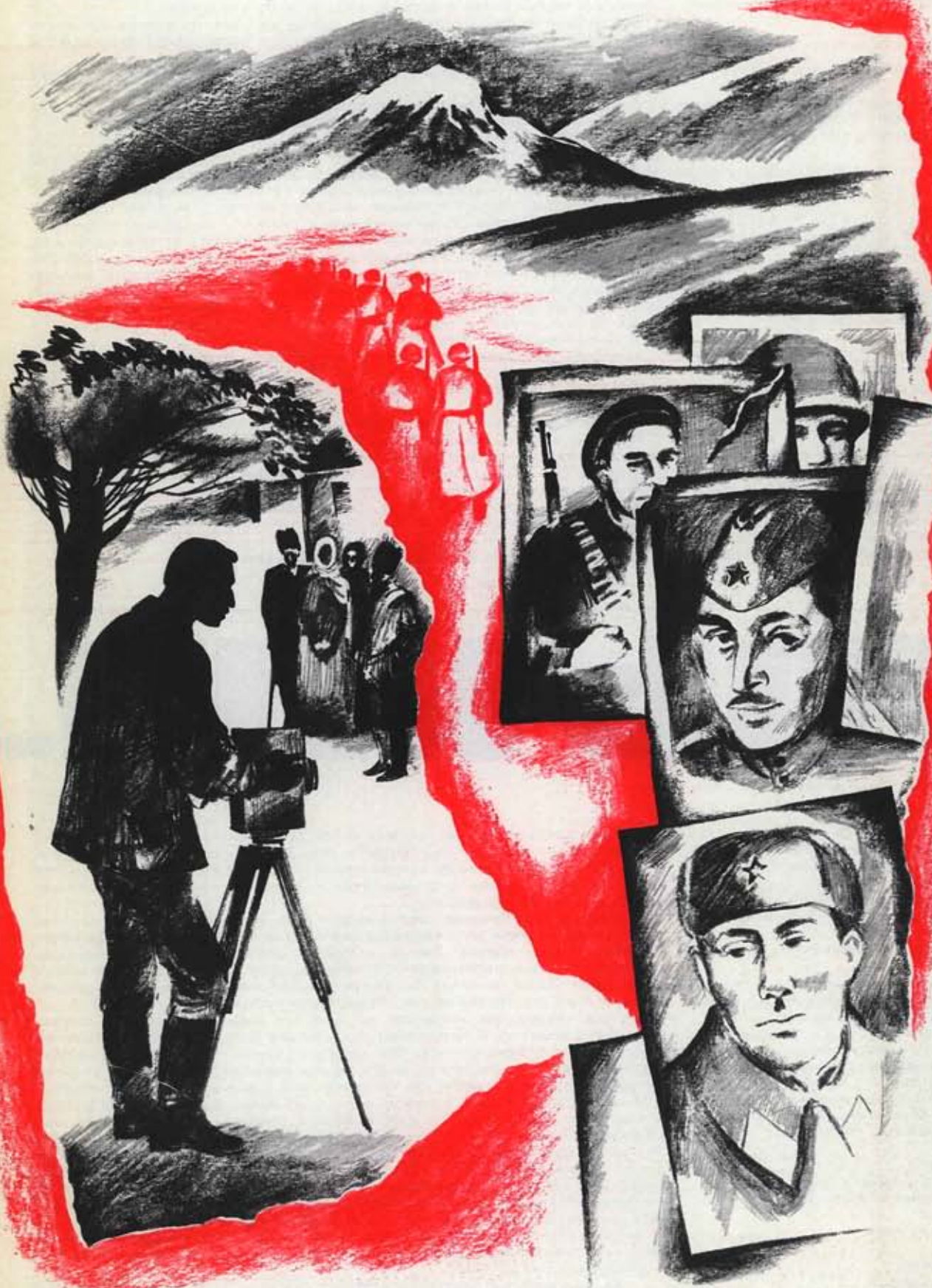

Рисунок Вениамина КОСТИЦЫНА

Перевел с азербайджанского
Олег ШЕСТИНСКИЙ

проснулся от выстрела. От одиночного сухого выстрела, прозвучавшего в высоком пролете каменной лестницы подобно громовому раскату. А может быть, это и была гроза. Затаив дыхание, я вслушивался в наступившую тишину и смотрел, как луна вычерчивает на потолке узоры от связанной мамой занавески. Большие темные цветы, и маленькие темные цветы, и ажурная сеть, и светлые пятнышки побелки на освещенном луной потолке. Я ждал, затаив дыхание. Что же случилось?

...И тогда я представил себе, как продираюсь сквозь ночные заросли. Временами лес озарялся вспышками молний. И в те секунды я видел перед собой убегающего врага. Огромными шагами мчался он сквозь густой мокрый кустарник. Изредка оглядывался. Наверное, заметил меня, потому что при следующей вспышке молнии он исчез. Только направленное на меня дуло пистолета сверкнуло из-за ствола. Раздался выстрел. Руку пронзила боль. Я уронил револьвер в мокрый мох. «Неужели уйдет?» — с горечью подумал я. Собрав все свои силы, я нацарил во мху оружие и нажал на спусковой крючок. Когда лес снова осветился, он осел на землю, опершись спиной о ствол дерева и широко раскрыв глаза, на остеклевенных зрачках и на лице капли дождя. Так всегда бывает в кино. В тех фильмах, которые мы смотрим раз в месяц в школьном зале.

«Я исполнил свой долг», — успел я подумать сквозь боль. И потерял сознание.

— О, господи! — услышал я мамин шепот.

Я вскочил.

Мать сидела сгорбившись на стуле у печки, сжимая свои жилистые руки, и охала:

— О, господи! Господи! А если они поднимутся наверх! О, господи! Да не ходи ты взад-вперед! Прямо как лошадь! Пол-то тонкий! Любой шорох в лавке слышен. Услышат, как ты топашь, непременно придут и... От «лесных братьев» пощады не жди! О, господи!

— Н-да, — сказал отец, прекратил ходить взад-вперед и затушил о блюдце окурки.

«Лесные братья»!

Я быстро выскользнул из постели. Штаны! Где штаны? Где же мои штаны? Теперь, когда дорога каждая минута, они исчезли. А-а! Вот они! Теперь скорее!

— Господи! Куда тебя несет! — схватила меня за плечо-мать.

— Пусти, я должен!

— Что?

— Сообщить!

— Куда? Что сообщить? О, господи! Ты что, совсем рехнулся!

— Так вожатая сказала... Не щади себя и...

— О, господи! Не болтай ерунды! Тебя же изрешетят на месте! Попробуй только дверь открыть. Не щади себя! — повторила мать. — Кому это надо? Жить тебе надоело! Ну что мне делать? Отец, хоть ты скажи ему! Втолкуй ему!

— Н-да, — сказал отец. — Н-да.

— Марш в комнату! — велела мать. — И тише! Тише, о господи!

Мать втолкнула меня обратно в комнату.

Луна сверкала на булыжнике и на отполированной до блеска коновязи. У блестящей коновязи на булыжнике лежала тень приземистой полуторки. Маленький беспомощный грузовичок был весь залит грязью, так что номера его совсем не было видно. В узком кузове жались друг к другу мешки. Бурые, из грубой мешковины, и светлые — из ткани получше. Маме удалось раздобыть как-то один, такой мешок. Она сшила себе из него кофту. Эту кофту она надевала по праздникам. От кофты пахло мукой, и я всякий раз вспоминал, как однажды

— О, господи, большой парень, а такой бестолковый! — всплеснула руками мать. — Какие же «лесные братья» среди бела дня... Тише!

Послышался скрип ключа. В другом конце коридора отомкнули дверь.

— Мильда, — прошептала мать. — Пошла свинью кормить. Эта скотина ведь вылезет из загона, если ей вовремя поила не дать! Хорошо, что у нас в этом году нет свиньи...

В коридоре послышались робкие шаги. Осторожно начали спускаться по лестнице. Шаг за шагом...

Вдруг Мильда закричала. Загромыхало ведро.

Мильда бросилась наверх. На двери посыпался град ударов.

— Помогите! Сторож Юсся!.. Внизу... Не шевелится...

— Хорошо, что у нас в этом году нет свиньи, — сказала мать. — Не то пришлось бы... Милиция и... Она стала отпирать замок. Медленно, ужасно медленно.

— Н-да, — сказал отец, перестал ходить взад-вперед и затушил о блюдце окурки...

— Поздно, уже поздно, — сказал фельдшер Альберт, прищелкивая языком, и с сожалением оглядел всех нас по очереди.

— Он умер. Уже с час как умер. Большая потеря крови. Надо было пораньше.

Пораньше... Доктор Альберт покачал головой, пожал плечами и беспомощно развел своими мягкими чистыми руками. Мужчины по-прежнему стояли вокруг разостланной шинели и переминались с ноги на ногу, не зная, что делать.

А я смотрел на своего отца. Он стоял позади всех, так что я видел только его лицо. Бледное лицо. Пустой взгляд смотрел куда-то вдаль, поверх сгрудившихся вокруг покойника людей. Затем он сунул в рот папиросу.

— Да, хороший был человек! — вздохнул кто-то. — Тихий. Никому не сделал зла. И вот тебе...

Среди мужчин послышался одобрителный гул.

— Как же ты теперь будешь? — обратились они к сторожике Лийде.

Лийде стояла в ногах Юсся, будто ничего не произошло.

— А что со мной будет? — развела Лийде свои большие руки. — Возьму ружье. И стану ходить. Как он. От маслобойни до лавки и обратно. Пока...

Лийде старалась подыскать нужное слово, потом махнула рукой.

— Да что там!.. Лучше поднимите-ка Юсся в машину. Вон Артур с медалью ждет и уже нервничает... В эмтээс торопится. Обещал и нас до дому подвезти...

Артур с медалью и в самом деле ждал. Он облокотился о кузов и смотрел на нас. Окурки перекачивались из одного угла рта в другой. Из одного в другой. Так он стоял, кепка надвинута на брови, медаль сияет на солнце. Медаль, говорят, Артур за войну получил. Не потому, что он был на войне. Нет, он, говорят, получил ее за работу в тылу. А сейчас он стоял, кепка надвинута на брови, медаль сияет на солнце, окурки перекачивается из одного угла рта в другой.

— Пошевеливайтесь! Некогда мне! — крикнул он.

Мужчины завернули Юсся в шинель и подняли на плечи. Умеренным шагом, медленно и степенно направились они к машине. Совсем так, как вчера еще ходил здесь Юсся. Только булыжник не цокал у них под ногами. Булыжник молчал.

Шинель осторожно опустили в кузов. И мне вспомнилось, как луна сверкала на булыжнике и на отполированной до блеска коновязи. У блестящей коновязи лежала на булыжнике тень приземистой полуторки. В узком кузове жались друг к другу мешки. Бурые, из грубой мешковины, и светлые — из ткани получше.

Люди двигались бесшумно, как тени. В лавку под нами и снова к машине. Гора мешков росла. Гора мешков росла. Гора мешков росла. Росла...

— Поттише, черт возьми! — сказал Артур с медалью и скрылся в кабине.

А гора мешков все росла...

Теперь вместо этих мешков лежал мертвый Юсся...

Андрес ЯАКСОУ

БЫТЬ ИЛИ...

РАССКАЗ

летом мама пекла блины. Мука была желтая, но все-таки не такая темная, как песок. Даже сухой песок. Яйца тоже были желтые, но не такие светлые, как песок. И белое, разбавленное водой молоко. Такое же белое, как мешок в кузове грузовика, освещенный луной. И грубая серая соль...

Но блины получились на славу. Я бродил по булыжной мостовой со свернутым блином в руках и ел. На пальцы стекал сок раздавленной с сахаром красной смородины. Я был весь липкий...

Теперь же луна сверкала на булыжнике и на отполированной до блеска коновязи.

В грузовике мешков прибавилось. Люди двигались бесшумно, как тени. В лавку под нами и снова к машине. Гора мешков росла. Бурых, из грубой мешковины, и светлых — из ткани получше. Затем пошли ящики.

Одна из теней опустила свой груз в кузов неосторожно, и он с грохотом упал. Будто гром громыхнул. Тень застыла, затаив дыхание, вслушиваясь в наступившую тишину. Затем распахнулась дверца кабины, и на подножке грузовика возник... Артур с медалью! Наш Артур с медалью!

— Поттише, черт возьми! — сказал Артур с медалью и снова скрылся в кабине.

— О, господи! Чего ты торчишь у окна! — снова запрочила мать. — О, господи! Если они тебя заметят, нам несдобровать!.. О, господи! «Лесные братья»...

— Разве наш Артур с медалью — «лесной брат»?

Мама будто не слышала. Она лишь подтолкнула меня к постели.

— О, господи! Куда тебя несет! — отпихнула меня от двери мать.

— Я... Я во двор...

— День только начался! Еще успеешь! Сиди на месте.

— Я...

— Тише! — прикрикнула мать. — Тише, о, господи!

Она снова подошла к двери и стала прислушиваться.

— Это... это «лесные братья»?

Сегодня никто из нас не побежал вслед за машиной. Мы стояли рядом с мужчинами и смотрели. Мы смотрели, как Лийде, обычно такая прямая и подтянутая, все ниже и ниже склонялась над сторожем Юссяем. Смотрели до тех пор, пока облако пыли, поднимавшееся из-под колес грузовика, не окутало Лийде и Юсся и саму машину.

Мы, мальчишки, не знали, где жил сторож Юсся. Каждый вечер ровно в восемь он был на своем посту. Он усаживался на крутой каменной лестнице маслобойни, стягивал с себя старую шинель, аккуратно раскладывал ее на коновязи, осматривал ружье, затем вешал его себе за спину и начинал ходить вокруг маслобойни. Лавка была тут же, рядом с маслобойней, и он время от времени доходил и до нее. Чтобы не так скучно было ходить.

Все мы тайком подсматривали за ним. Он ходил размеренным шагом, медленно и степенно. И булыжник под его ногами цокал по-особенному. Мы не умели ходить с таким цокотом. Мы вообще не умели так ходить, чтобы было степенно. Не говоря уж про то, каким гордым движением он время от времени поправлял ружье за спиной или облокачивался о коновязь, чтобы покурить.

Мы все старались хоть немного походить на Юсся. И единственная работа, которая нам нравилась, — это работа ночного сторожа. Оттого, наверное, под нашими сочинениями на тему «Хочу стать стахановцем» или «Хочу стать летчиком» красовались одни двойки. Все наши чувства были отданы пропахшим дегтем подкованным сапогам Юсся, под которыми так удивительно цокал булыжник. Все наши чувства были отданы старому ружьишку Юсся, которое он вечерами осматривал, сидя на каменной лестнице маслобойни. И еще — пропахшей дымом шинели, которая висела до утра на коновязи.

Где жил сторож Юсся, мы, мальчишки, не знали. Вечером ровно в восемь он молча сидел на каменной лестнице маслобойни. А утром, когда мы отправлялись в школу, его уже не было...

— Да, хороший был человек! — вздохнул кто-то. — Тихий. Никому не сделал зла. И вот тебе...

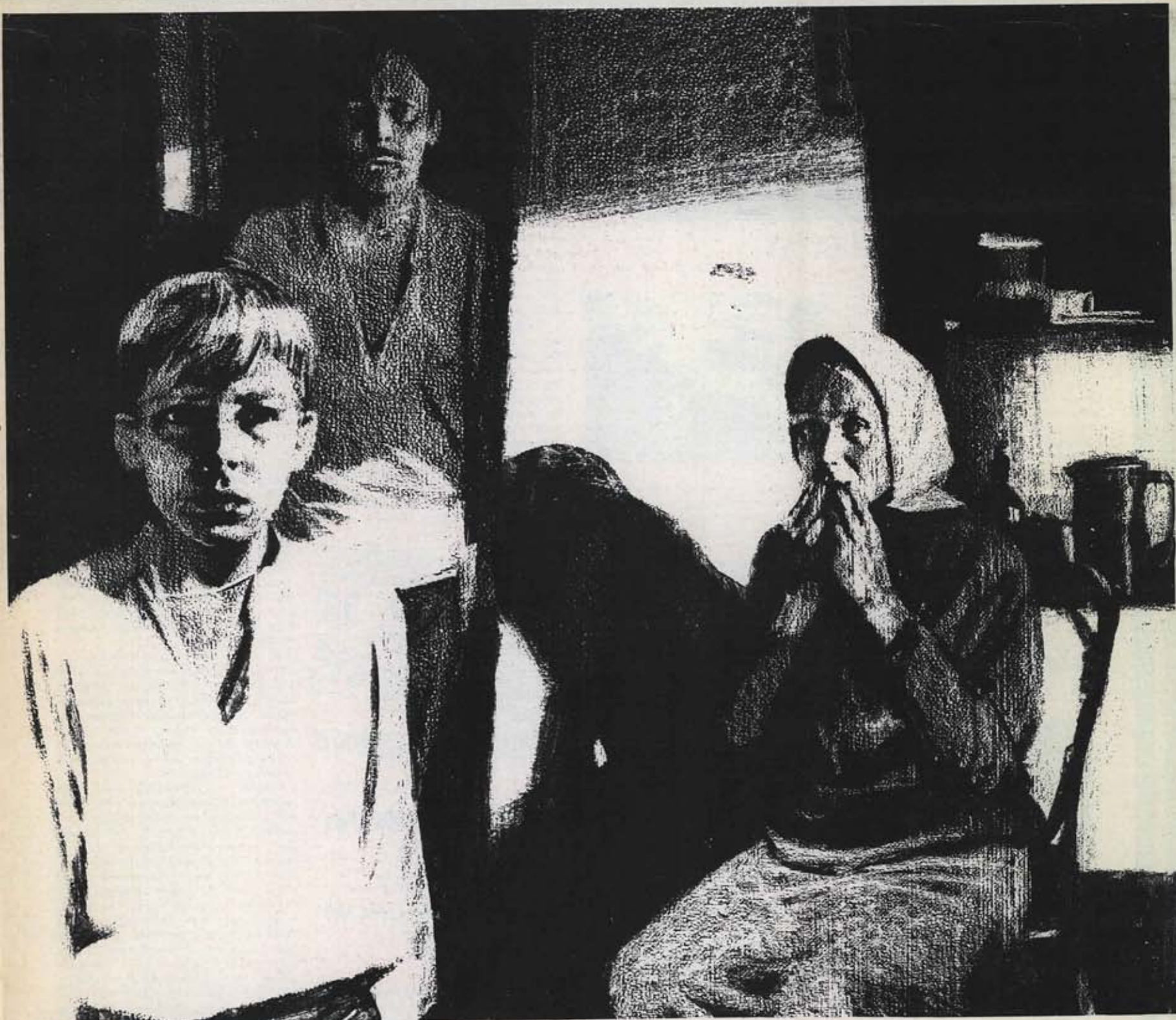

Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ

Отец так и не раскурил папиросу, вынул ее изо рта и собрался уходить.
— Постой, а ты ночью ничего не слышал? — преградил ему дорогу человек в форме. — Ведь ты живешь над лавкой. А?..

— Нет, — сказал отец. — Нет! Я ничего не слышал. Я крепко спал. И Меэта тоже. Моя жена. Не говоря о мальчишке...

Он снова взял в рот папиросу и чиркнул спичкой. И пошел.
— А может быть, все-таки... может быть... — устремился за ним человек в форме. — Может быть, ты слышал чьи-нибудь голоса? Какой-нибудь шорох?..

— Нет, — ответил отец, дымя папиросой. — Нет! Я ничего не слышал. Я всегда сплю очень крепко. И Меэта тоже. Моя жена. Не говоря о мальчишке...

«Так ведь было иначе! Было совсем не так!» — возмутилось во мне все. Вспомнились слова вожатой. «Надо всегда говорить правду. Всегда. Какой бы горькой и мучительной она ни была...»

Я бросился за ними и закричал:
— Труссы! Труссы! Вы же все знаете! Все! И боитесь сказать, потому что «лесные братья» не шутят... Вы боитесь сказать, что «лесные братья» приезжали грабить лавку на машине Артура с медалью. Да-да, на машине Артура с медалью!

Лицо отца было неподвижным и бледным. Человек в форме разинул рот.

...И тогда я представил себе, как стою в школьном зале перед линейкой. Вся школа выстроена по классам. Младшие впереди, наши где-то посередине, старшеклассники сзади. Все какие-то праздничные, стоят прямо и торжественно, а я смотрю на задний ряд, на мальчишек из седьмого. И думаю, что в этом строю во время длинных и скучных речей директора никто тебя не щелкает по уху. Потому что за спинами старшеклассников взад-вперед нервно ходят учителя, пытаются засечь болтунов и шалунов. Уж они-то не допустят щелчков.

Директор продолжал говорить монотонным голосом о «герое, возвращенном нашей школой» и снова о «герое, возвращенном нашей школой» и все показывал пальцем на меня. Наконец он кончил. Все облегченно захлопали. А директор подошел ко мне и тихо сказал: «Ну!»

Я откашлялся. Зал насторожился, прислушиваясь. Теперь я был как обыкновенный школьник, который должен прочитать стихотворение на уроке родного языка. У меня была речь, написанная учительницей Кярге, я зубрил ее весь вчерашний вечер. Эта речь была похожа на ту, которую выучила Эне Эллермаа, когда ее посылали на сельскохозяйственную выставку. За хорошие показатели. Я сказал, что благодарю за оказанную мне честь, сказал, что я в дальнейшем постараюсь оправдать доверие и даже не пожалелю своей крови, если мне вновь придется встретиться с врагом.

Все хлопали. Мне подарили цветы...

— Вот такие дела, — сказал я. — Артур с медалью!

— Да ты понимаешь, в чем обвиняешь одного из достойнейших людей нашей деревни! Человека, награжденного медалью. Передовика труда, — укоризненно сказал человек в форме. — Давай-ка договоримся лучше, что я ничего не слышал!..

— Артур с медалью! — упрямо повторил я.

— Не слушайте вы его! — стал упрашивать отец. — Не слушайте его! Он выдумывает! Начитался всяких историй, посмотрелся бандитских фильмов. Вот и... Не слушайте его! Мне... мне стыдно за него...

— А я и не слушаю, — сказал, уходя, человек в форме.

Я уткнулся лицом в грудь отцу и разревелся. Отец гладил меня по голове и только печально улыбался. Так печально...

Перевела с эстонского Татьяна ТЕПЕ.

НОВАЯ ОБЗОР

ВЕЧНЫЙ СТРАХ

Почти во всех крупных американских городах есть банды несовершеннолетних грабителей. Подростки подстерегают свои жертвы при выходе из банков, на вокзалах, на отдаленных улицах. Нью-йоркская полиция сформировала особые мобильные группы для помощи престарелым людям, которые чаще всего становятся жертвами юных хулиганов. Пока особых успехов достичь не удалось. Главная трудность состоит в том, что жертва нападения, боясь мести, часто страшится сообщить о нападении в полицию. В Окленде банда хулиганов избила до полусмерти Хильду Арчибалд, которой незадолго до этого исполнился 91 год. Причина — у несчастной старухи оказалось слишком мало наличных денег. Эльзу Интом, 72 лет, юный граби-

тель ударил несколько раз по голове. Пострадавшая вскоре скончалась. Добыча бандита составила всего 17 центов. Таких случаев много. Старухи во многих городах США не отваживаются лишней раз появиться на улице, особенно в вечернее время.

«ФРАЙЕ ВЕЛЬТ», ГДР

В поисках спутника жизни

Первое в мире брачное объявление, помещенное в 1727 году в английском еженедельнике «Уик ов Манчестер», гласило: «Бог дал жену Адаму. Я одинока и ищу верного друга. Пишите мне. Элен Моррисон». С тех пор поток объявлений подобного рода начал расти, и уже давно знакомство, состоявшееся таким путем, никого не шокирует и не считается чем-то особенным. Стиль предложенный может быть весьма различным. Вот несколько типичных объявлений из французской прессы: «Одинокий брюнет, 32 лет, рост 180 сантиметров, хорошо зарабатывающий инженер-конструктор, хотел бы найти нежную и очаровательную жену». Или: «Симпатичная шатенка 24 лет, имеющая высшее экономическое образование, хотела бы выйти замуж за доброго человека с отзывчивым сердцем».

Желающие познакомиться мо-

гут дать объявление, а могут обратиться и в брачное бюро. Их во Франции очень много, и наибольшей известностью пользуется существующая уже 40 лет парижская контора мадам Десаши. Предварительно потенциальные женихи и невесты заполняют тщательно продуманные формуляры, данные которых переносятся затем на перфокарты. В брачном бюро мадам Десаши имеется около 20 скромно обставленных кабинок, где проходит первое «прикидочное» знакомство. Первая встреча обычно продолжается примерно полчаса. За посредничество мадам Десаши берет немалую сумму — около трех тысяч франков.

Так или иначе, люди ищут контакты. Вот, например, случай, который можно считать вполне типичным. Она — красивая блондинка 25 лет, врач-дерматолог по профессии. На улице все поворачивают головы в ее сторону — мужчины с восхищением, женщины с завистью. И вот что она рассказывает: «За семь лет напряженной учебы мне трудно было выкроить время для развлечений. Знакомых коллег-студентов у меня было немало, но только лишь знакомых, не более того. Молодые люди примерно моего возраста уже нашли себе жен. Мне же делают комплименты, но не делают предложений. А как хочется создать семью! И я и мои подруги считаем, что самые большие шансы для нас встретить своего будущего мужа или же в брачном бюро, или по объявлению в газете».

«ПУЭН», ФРАНЦИЯ

АД НА АВТОБАНАЕ

В ФРГ скоростные автотрассы, или, как их здесь называют, автобаны, являются собой нечто большее, нежели всеобщее увлечение, — это национальная страсть. Но в выходные дни минувшего жаркого лета автобаны становились национальным наказанием. Сотни тысяч немцев уезжали в отпуск на машинах. Однако это была поездка «в никуда», ибо чаще всего машина безнадежно застревала в транспортной пробке: не только узкие улицы городов и поселков, но и автобаны напоминали гигантскую автостоянку.

Необычный рекорд был установлен в июне. На магистрали между Мюнхеном и австрийской границей в районе Зальцбурга машины выстроились одна за другой на протяжении пятидесяти миль. Эта восьмидесятикилометровая пробка не могла расцаться в течение многих часов.

Единственным утешением для автострадальцев может служить только то, что резко сокращается число жертв на дорогах: машины если и движутся, то так медленно, что в самом худшем случае могут только помять бампер.

«ТАЙМ», США

ЧЕРЕЗ АМЕРИКУ НА ВОЗДУШНОМ ШАРЕ

Любовь к воздухоплаванию американца Карла Томаса выдержала самые жестокие испытания. Прошло всего несколько месяцев после чуть не стоившей ему жизни неудачной попытки перелететь на воздушном шаре Атлантику, а он уже предпринял новое путешествие. На этот раз Карл Томас предпочел иметь под собой «твердую почву»: на воздушном шаре, наполненном теплым воздухом (воздух нагревался с помощью нефтяной горелки), он пересек территорию Соединенных Штатов с востока на запад. Стартуя во Флориде, он через 19 дней полета достиг Калифорнии, установив новый рекорд для «тепловых» воздушных шаров (прежний составлял 35 дней). Не обошлось без приключений и в этом воздушном путешествии: лишь чудом Томас не потерпел катастрофу, когда над Джэксонвиллом во Флориде ветер понес шар на один из небоскребов.

«ПОЗНАЙ ШВЯТ», ПОЛЬША

ПОМОЖЕТ ЛИ ОПТОГРАММА КРИМИНАЛИСТАМ?

Это произошло в 1881 году. Именно тогда профессор Гейдельбергского университета Кюне сделал сенсационное сообщение: в сетчатке глаза умирающего человека фиксируется все увиденное им в последнее мгновение его жизни. Поскольку же глаз можно рассматривать как своего рода фотографический аппарат, то нельзя ли как-нибудь зафиксировать получаемое в нем изображение? Профессору Кюне путем фотографирования удалось получить изображение пламени газовой лампы на сетчатке глаза жабы, которая длительное время наблюдала за этим источником света. Получившееся изображение Кюне назвал оптограммой.

Ученые заинтересовались работой Кюне, а особый интерес она вызвала у криминалистов. С тех пор многие из них питали и питают надежду, что в один прекрасный день методы получения оптограммы будут усовершенствованы настолько, что на сетчатке глаза убитого человека можно будет увидеть его убийцу.

В ФРГ был случай, когда на оптограмме убитого человека было обнаружено изображение убийцы (сына убитого). Условия «съемки» были оптимальными: убийца наклонился к самому лицу своей жертвы, а само убийство произошло на открытом месте, под яркими лучами солнца.

Сейчас в Гейдельберском университете вновь производится опыты, которые когда-то начал профессор Кюне. В качестве подопытных животных выбрали зайцев. Наиболее удачными были полученные оптограммы шахматной доски и цифры «75», запечатленные на сетчатке зайчьего глаза. Экспериментаторы из Гейдельбергского университета отмечают, что пока криминалисты могут извлечь из полученных результатов помощь чисто теоретическую. В будущем же ученые рассчитывают найти более надежные методы получения и фиксации оптограмм, что поможет раскрыть еще одну тайну нашего зрения.

«НАУКА И ТЕХНИКА», БОЛГАРИЯ

В РАМКАХ КУЛЬТУРНОГО ОБМЕНА

Артистов Кипрского национального театра снова и снова вызывали на сцену — публика бурной овацией встретила спектакль «Мера за меру», показанный в рамках Шекспировского фестиваля, который проходил в городе Веймаре Германской Демократической Республики. Режиссер спектакля Хейнц Уве Наус уже имел опыт работы на Кипре — годом раньше он поставил спектакль «Кавказский меловой круг» по пьесе Бертольта Брехта.

Оценивая спектакль «Мера за меру», театральный критик Ансельм Шлоосер сказал: «Это лучшая работа по пьесе Шекспира, которую я видел в последние годы. Замечательное сочетание страсти и иронии».

Успех кипрской труппы важен и в политическом плане, поскольку работа театра показывает, что народ многострадального острова стремится жить и работать, преодолевая последствия трагических событий последних лет.

«САЙПРЕС ТУДЕЙ», КИПР

«УИКЭНД», АНГЛИЯ

ЦВЕТ ЛЕЧИТ

Желтая пожарная машина, возможно, смотрится не столь мило, как окрашенная в традиционный красный цвет, но зато, как полагают эксперты, она скорее доберется по загруженным транспортом улицам до места пожара. Ибо желтый — наиболее неприятный для человеческого глаза цвет, и потому другие водители будут более охотно пропускать желтую пожарную машину вперед — «с глаз долой», нежели красную. Кстати говоря, одними из первых роль цвета поняли компании, производящие продукты питания: сочетание красного и желтого делает пакет или пачку сахара, крупы, муки более крупными, а оранжевого и красного — более тяжелыми. Салоны самолетов сегодня все чаще окрашены в бледно-голубые, мягко-зеленые и кремово-белые тона, поскольку в этом случае пассажиры лучше переносят полет.

Более того, цвет помогает и врачам. В больнице Ипсвиче цветовая терапия используется для лечения престарелых и немощных пациентов. Врачи заметили, что палаты красного и оранжевого цвета создают ощущение тепла, энергии, вдохновения. А зеленый цвет особенно успокаивающе действует на тех, у кого слабое или больное сердце.

В больнице Святого Варфоломея в Лондоне обнаружили, что красные таблетки, не содержащие никаких лекарств, столь же эффективно снимают боли при ревматическом артрите, как и аспирин.

Специалисты по цвету утверждают, что окрашенные в красный цвет дороги будут предупреждать об опасном участке настолько убедительно, что это сократит число дорожных происшествий.

ПРАВО НА ПРОТЕСТ

Многие помнят демонстрацию американского спринтера Томми Смита на Олимпийских играх 1968 года в Мехико. На пьедестале почта при награждении золотой медалью за победу в беге на 200 метров он поднял вверх сжатый кулак в знак протеста против дискриминации негров в США. Случай вызвал всеобщее смущение, ведь очевидцами этой необычной демонстрации были миллионы телезрителей во всем мире. Сразу по возвращении в США Томми Смит впал в немилость. Он собирался продолжить занятия социологией в университете калифорнийского города Сан-Хосе, но не мог: для него «не было места». Не нашлось его и в других университетах. Томми стал профессиональным игроком в бейсбол. Он был лучшим в команде, но белые расисты на трибунах постоянно осистывали его, оскорбляли, угрожали ему. А руководству клуба пригрозили по телефону, что будет плохо, если не уволят «негра». Смит был вынужден покинуть команду. Вначале он интересовал почти все бейсбольные клубы, но ни один из них не стал заключать с ним контракт, поскольку анонимные звонки настоятельно предостерегали от «черного изменника». Томми Смит эмигриро-

вал в Канаду и там зарабатывал игрой в бейсбол. Но недолго. Однажды ночью подожгли помещение клуба, за который играл Смит. Смита уволили. Тогда Томми возвратился в США, где начал работать преподавателем физкультуры в пригородной негритянской школе в Лос-Анджелесе. Выяснилось, что он не только замечательный спортсмен, но и превосходный педагог, поэтому в прошлом году ему предложили место руководителя физкультурной программы в колледже Оберлин в Лос-Анджелесе. Однако через полгода его снова уволили: опять против Томми объединились расисты, которые не могут простить ему мексиканскую демонстрацию. Смит — уже 28-летний — остался без работы. Профессор Гарри Эдвардс, который в свое время открыл его для легкой атлетики, предложил чемпиону написать письмо президенту Картеру. Томми Смит так и сделал. Он описал в письме Картеру и унижения и гонения, которым подвергался, и... до сих пор ждет ответа президента.

«СВЕТ СОЦИАЛИЗМУ»,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

СОБАЧЬИ БЕГА

Популярность собачьих бегов в Англии — исключительно велика — бега по числу зрителей стоят на втором месте сразу же за футболом. На знаменитом стадионе Уайтсити в Лондоне, вмещающем 60 тысяч болельщиков, ежегодно проводится 48 крупных состязаний борзых собак. Кишит страсти, и заключаются пари — их общая сумма за год достигает полумиллиарда фунтов стерлингов. Были случаи, когда за особо ценную собаку платили по десять и более тысяч фунтов.

Участвующие в бегах борзые обладают весьма своеобразным характером. Они бесконечно преданы своему хозяину, но не выносят ни малейшего принуждения и не прощают обиды. В хозяйне они желают прежде всего видеть благожелательного, всепонимающего старшего друга, а не деспотического владыку. Обоняние у борзых развито слабо, зато зрение превос-

ходное. Их далекие предки некогда охотились стаями в районах полупустынь, где запах следов преследуемой добычи выветривается очень быстро, и им больше приходилось полагаться на свои глаза.

У борзых гибкий позвоночник, и задние лапы собак при беге выступают далеко перед передними — в этом и заключается секрет их очень высокой скорости. Перед гонкой они обычно бывают сильно возбуждены и частенько страдают знакомой спортсменам «предстартовой лихорадкой». Бегут в намордниках, иначе не избежать ссор и грызни среди соперников.

Но кто скажет, почему эти умные, легконогие бегуны в разноцветных попонках всякий раз дают себя обманывать, преследуя трюпичную приманку, лишь весьма отдаленно напоминающую зайца? Или же в собаках в эти минуты пробуждается истинный спортивный дух?

«СКАНОРАМА», ШВЕЦИЯ

НАЧИНАЯ НОВУЮ ЖИЗНЬ

Спустя год после освобождения Сайгона, ныне названного именем выдающегося вождя вьетнамского народа Хо Ши Мина, городской комитет партии обратился к молодежи с призывом активно участвовать в производстве. Откликаясь на призыв, десятки тысяч молодых людей города Хошимина изъявили желание трудиться на благо родины. Было сформировано 15 бригад, которые направились в пригородные районы на ирригационные работы. Юноши и девушки осушили тысячи гектаров болотных земель, проложили оросительные каналы в засушливых местах. Они выращивают рис, кукурузу, овощи. Молодые люди стойко переносят все трудности, работают и в дождь и в жару, создавая громадные водохранилища, прокладывая каналы, общая длина которых достигла спустя два ме-

сяца после начала работы шестидесяти километров. Молодежь возводит дамбы и плотины.

Но важны не только объекты и масштабы проданных работ. Не менее важна та школа воспитания, которую проходят юноши и девушки, никогда прежде не державшие в руках лопаты или кирки и впервые осознающие великое значение труда. Сегодня эти молодые люди уже знают, как организовать свою работу и работу бригады, сегодня они все чаще задумываются над тем, как облегчить труд, как усовершенствовать и улучшить технику, как повысить производительность труда.

В этих коллективных усилиях, направленных на благо страны, формируется новый человек, человек социалистического общества.

«ВЬЕТНАМ ЮС», СРВ

Обзор зарубежной печати.
Материалы печатаются в изложении.

ПРОЗА

Хроника
непокорных

Советский читатель познакомился с творчеством португальского писателя Фернандо Намора сравнительно недавно, но его книги сразу приобрели популярность. Большой мастер создал многослойную картину зарождения будущей революции.

В книге «Огонь в темной ночи» («Молодая гвардия», 1976 г.) Фернандо Намора показал, как в темные дни салазаровской диктатуры 30—40-х годов зарождалось осознание несправедливости буржуазного общества, желание бороться с ней и укреплялась вера в неизбежность краха темных сил. Нелегко просыпается социальное сознание служащих, студентов, интеллигенции.

Из разных социальных слоев приходят студенты в один из старейших в Европе университетов города Коимбра. Решительный и немного прямолинейный крестьянский сын Зе Мария; интеллектуальный и переборщивший размагничностью, выросший в признанного вожака Жулио; импульсивный, добрый, любящий собой сын аристократки Луис Мануэл, примыкающий к своим сверстникам, но внутренне безразличный к их волнениям, испытывающий смертельный страх от возможных провалов сын контрабандиста Себра, боязливый, но шаг за шагом преодолевающий испуг, укрепляющий свое человеческое достоинство Абилио — все они объединены осознанным и неосознанным протестом против существующих порядков.

Жулио говорит юному Абилио: «Кто приезжает сегодня учиться? Наиболее достойные? Только случайно. Приезжают сюда сыновья бакалавров, аристократов, буржуазии. И они получают здесь диплом, предоставляющий им новые права, новые преимущества и возможности узурпировать чужие блага». Жулио предлагает поощрять доступ в Коимбру выходцам из низов: «...очистить студенчество от комедиантов, с пе-

ной у рта защищающих неприкосновенность своей касты, своих привилегий».

Жулио хотел видеть своих друзей свободными от скорлупы условностей и предубеждений, хотел, чтобы они сознательно сделали выбор, твердый и окончательный. Он понимает, что, вступая в борьбу, надо принести жертву. Надо пробуждаться от апатии. «Именно в активном действии раскроют они свое истинное лицо и наконец утвердятся».

Первая политическая забастовка всколыхнула студентов. В бой ввязался Зе Мария, сочувствует и помогает забастовщикам Луис Мануэл, предупреждает друзей об опасности Себра, пишет воззвание, создает обличающие документы Абилио. Движение началось...

Фернандо Намора, отвечая на вопрос о жанре романа, назвал его «Хроника непокорных». В предисловии к русскому изданию, вышедшему уже после падения диктатуры, он написал: «Мне хотелось показать, что люди преодолевают индивидуализм, отказываются от пассивности, стремятся к активным действиям, направленным против несправедливости и насилия».

Но пройдет еще много лет, прежде чем падет крепость. Она падет под ударами рабочих и восставших солдат, национально-освободительных сил в колониях и революционно настроенной интеллигенции.

Неисповедимы пути истории, но очевидно, что линия поведения юношей выведет их на разные позиции на политической арене сегодняшней Португалии. Один из них может стать лидером, прикрывающимся фразами о социализме и демократии, человеком, ценящим более всего себя и свою ответственность. Другой станет приверженцем «порядка», ориентации на «благополучные» западные страны, третий — прообраз тех, кто в революции видел анархию и «своевольные героизмы», за которым маскировался страх или безрасчетливость. Лучшие избрали длинный и трудный путь борьбы за идеалы коммунистов, подлинных сынов своего народа.

Книги Фернандо Намора, так же как его прекрасные картины (он уже давно увлекается живописью), дают многообразную картину народной жизни. Его первая и наиболее значительная книга «Зерно и плевель» вышла в 1954 году, а в этом году он закончил свою двадцатую книгу. «Это мое путешествие в США и Канаду. Но скорее, это путешествие мысли, которое, переключаясь с поездки, дает повод задуматься о современном мире, его горестях и пороках».

Намора отдает предпочтение свободной, не связанной сюжетом прозе, опирающейся на социологические исследования. Так, дискуссия о природе и ее границах, проведенная ЮНЕСКО в Женеве, стала основой размышления писателя о судьбах земли и человечества, поводом к сопоставлению различных точек зрения в книге «Диалог в сентябре». «Это — отражение идей и чувств писателя Фернандо Намора», — писал он, ставя автограф на своих книгах в апреле 1977 года. Вручая их, писатель как бы дал краткую аннотацию каждой своей книге. «Шахты Сан-Франциско» («Хроника эфемерного Эльдорадо»), «Зерно и плевель» («Фабула надежды»), «Мы на ветру» («Путешествие по реке времени») и т. д.

В тяжелые дни диктатуры, когда любое упоминание о Советской стране считалось преступлением, Фернандо Намора постоянно писал о русской литературе. Его возвышенные слова о России помогли открыть занавес, за которым диктатура пыталась скрыть правду.

В фонд добрых чувств португальцев к нашей стране Наморой внесен большой вклад.

Фернандо Намора не спешит писать о текущих событиях. Он внимательно вглядывается в мир и пытается уловить его изменения. Последнюю книгу, «Стоящие на ветру», наши читатели смогут прочитать уже в ближайшем будущем.

Валерий ГАНИЧЕВ

ПУБЛИЦИСТИКА

Все о лесе

Поиск своего призвания — один из самых ответственных моментов в жизни человека. Источники знаний, необходимых для правильного выбора, разнообразны. Но книги всегда остаются среди них верными и знающими советчиками. Они раскрывают ищущему самый широкий круг возможностей для человеческой деятельности, выводят его за рамки той среды, в которой он растет.

«Зеленый патруль» Р. Боброва («Просвещение», 1977 г.) — книга, рассказывающая об одной из старинных русских профессий — о лесоводе. Работа лесничих овеяна в нашем воображении романтикой заповедных дубрав, непроходимых чащ, тихих лесных озер. И нередко наше представление об этой профессии весьма поверхностно и ограничено. О важности и сложности труда лесничих говорит уже одно перечисление автором книги тех обязанностей, которые лежат на лесничих:

«Лесничий намечает участки леса в рубку, следит за правильностью рубки и использованием заготовленной древесины, охраняет лес, сажает деревья, ухаживает за ними... Лесничий ведет работы по оздоровлению леса, улучшению почвы и гидрологического режима, повышает производительность леса».

Но это — лишь чисто информативное, сухое перечисление, не дающее полного и живого представления о труде лесничего. В книге оно дополнено рассуждениями автора об отношении людей к лесному богатству, которым они обладают, экскурсами в историю лесоводства нашей страны, рассказами о трудовых подвигах лесничих, высказываниями ученых и писателей о красоте и пользе леса. Книга «Зеленый патруль» ставит своей целью пробудить в людях, особенно в подрастающем поколении, не потребительский интерес к лесу, а действительную любовь к нему.

Р. Бобров начинает свое повествование о лесе с описания его «обитателей» — деревьев. Читатель узнает, какими особенностями обладают те или иные породы, чем они ценятся, где произрастают. Но лесоводство — это сложная и обширная наука. Книга «Зеленый патруль» помогает нам составить определенное представление о том,

как изучают лес, какими методами пользуются современные ученые.

Самый значительный и обширный раздел этого труда посвящен юным помощникам лесоводов. «Лес ждет друзей» — так называется заключительная глава, в которой рассказывается о том, какую пользу лесному хозяйству приносит школьные лесничества, какая увлекательная работа ждет там ребят, насколько велико ее воспитательное значение.

Экологические проблемы современного мира требуют неотложных и действенных мер по сохранению и увеличению лесных богатств, которыми располагает человек. Ответственность перед природой лежит на каждом из нас. Книга «Зеленый патруль» раскрывает перед читателем сложные процессы, связанные с жизнью леса. Она должна пробудить в читателе бережную и деятельную любовь к нашему «зеленому другу», вызвать глубокое уважение к труду лесоводов. Эта книга, несомненно, принесет большую пользу делу защиты и приумножения природных богатств нашей Родины.

Мария БОГДАНОВА

ПОЭЗИЯ

Автобиография
в стихах

Наверное, мальчишек первой половины сороковых годов, даже если они находились в глубоком тылу, вдали от линии фронта, можно причислить к участникам минувшей войны: столько видели они слез, столько пережили тяжких тревог в ожидании треугольных «безмарочных» весточек от отцов или старших братьев, так порой недооценили и недосыпали они! А иные, подставив что-нибудь под ноги (до станков не дотягивались!), приходили в цеха, чтобы, раньше времени расставившись с детством, заменить ушедших сражаться.

Мальчишкой встретил ты же, тревожное время и Натан Злотников. Голосом, который стал его голосом именно тогда, он сказал в новой книжке стихов:

Из далекой детской стороны
В сторону гляжу Большой войны...

Победа была великой радостью для всех честных людей. Однако не все, завоевавшие ее, смогли сесть за праздничный стол. Не вернулся с фронта и отец лирического героя книги. Но сын знал, за что отдал отец свою жизнь: чтобы цветущие поля перестали быть полями жестоких битв, чтобы поднялись из руин дома, разрушенные врагом города, чтобы вернулись к людям свет и тепло. А для этого молодое поколение вместе со

старшими должно было устремиться на стройки, в шахты, на заводы, электростанции. Слово, выполняя завещание отца, будущий поэт оказался среди тех, чьи жаркие сердца зажигали огни новой послевоенной жизни. И, вспоминая об этом в своем новом сборнике, он говорит, как и отец его, не о себе, а о людях, порой незнакомых, о судьбах, порой неизвестных ему, но дорогих:

Словно мое это личное дело:
Жизнью чужой жить все более
смело.

Это было нелегко, но именно в преодолении тягот, в достижении целей трудных, но высоких черпала молодость вдохновение, обретала силы. И при этом, конечно же, во всем оставалась молодостью:

В те годы год обыкновенный,
Голодный год, послевоенный,
Все продолжался. Зной и холод
В цехах не брали нас в полон.
И каждый был влюблен и молод.
И я был в первый раз влюблен.

А потом — армейская служба на Севере, тоже потребовавшая немало сил и мужества, но зато подарившая сильные, образные строки, пришедшие в новую книгу. Молодой воин стоял на страже мира, ибо так повелевал долг, он знал цену мирной тишине, никогда не забывал, что —

Средь тишины и мира,
Средь милой тишины
От пуль зияют дыры
В стволах с времен войны.

Да, из сердец тех, кто пережил (воином ли, тружеником ли тыла, ребенком ли!) время сражений, оно не уходит, не стираются в памяти образы и имена павших, а их нравственные заветы становятся нормами жизни, нарушить которые — кощунство. К тому же и сегодня еще старые раны уносят бесстрашных бойцов... Вот почему свое жизненное кредо поэт формулирует так:

Хочу, чтоб жизнь превозмогла
злю,
Хотя родных могил растёт число...

Новая книга Натана Злотникова, поэтичность которой начинается, на мой взгляд, с ее названия — «Морозное облако», — это как бы автобиография поэта, но одновременно и выраженная в стихах биография его поколения, потому что то и другое, к чести автора, всегда было слито воедино.

На обложке нового сборника мы читаем имя издательства, выпустившего книгу в свет: «Современник» (1977 г.). Это звучит символично: поэт всегда был и остается современником и участником того главного, чем живет его Отчизна.

Елена СЕТУНСКАЯ

Этюды о художниках

Родившийся в мятежный 1905 год журнал «Жупел» сразу привлек внимание общественности своим остротами, бунтарским характером. Но особенно шумный, даже в некотором роде скандальный успех имел 3-й номер журнала — одной из причин этого была карикатура, помещенная на его страницах с несколько странной подписью: «Осел в 1/20 нат. величины».

Осел действительно был нарисован весьма натурально, пожалуй, даже с некоторой щеголеватой анималистической достоверностью. Тем более неожиданными казались окружающие его рыцарские доспехи, щиты и шпаты, обрамленные тяжелым бархатом драпировок. У ног животного расположились два грифона (как известно, грифоны входили в герб дома Романовых). Сомнений ни у кого не возникало — карикатура была направлена против самодержавия. Цензура запоздало наложила карающую десницу на остаток тиража. Автор рисунка подвергся аресту. Его имя было уже хорошо известно широкой публике — Иван Билибин. Впервые работы этого художника появились в 1899 году на одной из выставок объединения «Мир искусства». Молодой график представил тогда несколько акварелей, посвященных русским народным сказкам. Изысканный, но твердый рисунок воспроизводил образы, которые, казалось, давно ждала отечественная детская книга, где все еще господствовала виньетка, а сказочные сюжеты обычно сопровождалась изображением сентиментальных головок, нимф, амуров и кокетливых букетиков.

Легко узнаваемые, глубоко национальные по своему облику сказочные персонажи Билибина были представлены на фоне родной, близкой каждому русскому сердцу природы: на опушке леса меж берез Василиса Прекрасная в холщовом сарафане, за деревьями — всадник красный, на красном коне... Иван-царевич с пониженной головой, в опущенных руках лук держит — улетела стрела неизвестно куда, а на болоте — лягушонка с короной на голове, ухватила лапками заколдованную стрелу.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СВЯТОГОР.

УЗОР ДИКОВИДНЫЙ И ГАРМОНИЧНЫЙ

Надежда ШАНИНА

Сколько поколений юных читателей, даже спустя столетия, неотразимо будет привлекать этот пленительный, нарядно-узорчатый мир билибинских сказок!

Критика отнеслась к молодому художнику доброжелательно, а среди широкой публики акварели имели огромный успех. Одно из самых солидных полиграфических учреждений России, «Экспедиция заготовления Государственных бумаг», предложила Билибину издать серию сказок с его иллюстрациями. Такие строгие и взыскательные ценители графического мастерства, как организаторы объединения «Мир искусства» Бакст и Дягилев, доверяют начинающему графику сделать зарисовки для очередного номера своего журнала.

А еще в эти годы была знаменательная для дальнейшей творческой судьбы Билибина поездка по Архангельской, Олонецкой и Вологодской губерниям. Со временем Иван Яковлевич вдоль и поперек исколесит и этот

малоизвестный край и множество других заповедных уголков Севера России. С пылкостью коллекционера он будет собирать кустарные изделия старинного крестьянского обихода, расшифровывать полустертый веками орнамент. Он будет стремиться проникнуть в таинство стародавних рукописных книг с их неповторимой по красоте вязью, увенчанной звериными ликами буквиц. Он оценит трогательное обаяние лубочных картинок. Путевые альбомы Билибина заполнятся множеством рисунков и набросков, где с ювелирной тщательностью будет воспроизведено хитросплетение деревянной резьбы, узор кружев, орнамента поливных изразцов, набоек, прялок...

Особенно внимательно изучает художник старинную народную одежду. Тщательно зарисовывает он детали и орнамент, украшающие распитые сарафаны, кички, душегрейки, кафтаны, кокошники, извлеченные из объемистого сундука какой-нибудь воло-

годской или владимирской крестьянкой, весьма польщенной вниманием к ее родовым реликвиям...

Карабкаясь по крутым косягам и курганам со своей, тогда еще очень громоздкой фотоаппаратурой, художник сделает немало уникальных снимков шедевров северного деревянного зодчества. Перелистывая «Историю искусств» Грабаря, этими репродукциями будет восхищаться не одно поколение любителей отечественного искусства. Но все это будет позже. Пока же это путешествие — его первое открытие одного из самых прекрасных уголков России. Здесь, среди тихой красоты «озерного края», проникнув в «века загадочно былые», он испытывает радость первооткрывателя и исследователя. Здесь замыслы Билибина примут ясное и четкое направление — отныне он посвятит свое дарование самому поэтическому воплощению народного творчества — русской народной сказке.

Свою увлеченность народным ис-

кусством, увлеченность страстную и серьезную, Билибин пронес через всю жизнь — через годы юности, через эмиграцию, через тяжелые дни ленинградской блокады...

Перед нами «Автобиографические записки» Билибина. Об этапах своего творческого пути он рассказывает почти с протокольной четкостью, но когда художник касается своего первого путешествия по Северу России, сквозь эту деловитость нет-нет да прорвется теплая, сердечная нотка воспоминаний о тех далеких днях поисков и творческого становления, которые, быть может, были самыми счастливыми в его судьбе.

Профессиональное мастерство, а главное, самозабвенная преданность творчеству были заложены в крепкой надежной школе — в студии Репина, у которого Билибин проучился около шести лет.

Какие разные художественные индивидуальности! Какие несхожие, если не сказать несовместимые творческие идеалы и устремления... И все же до конца дней своих ученик сохранит почтительное восхищение перед мощным творческим духом своего учителя. Обратимся опять к записям Билибина:

«Да, мы знали их всех, наших кудесников, но главным кудесником, первым богатырем все же, конечно, был Репин...»

Я помню один такой случай со мною в академической мастерской Репина. Я сугубо трудился с углем в руках над каким-то очередным Антоном, и что-то с этим Антоном не клеилось: не стоял он как-то, валился; вообще что-то было сильно навроде.

Проходит Репин. Теперь, когда со времени этого эпизода прошло так бесконечно много времени, воспоминание это пришло для меня легендарный оттенок; и, например, сейчас мне кажется, что Репин даже и не остановился, а так, на ходу, ткнул куда-то в мой рисунок большим пальцем, махнул по углю средним, потом огрызком угля сделал два или три резких удара, и мой Антон был спасен. Во всяком случае, это было сделано мгновенно, с налета и молча. И это был Репин...»

сказка. Чуть подсвеченная, тепло тона бумага, крупные литеры букв. Изысканно красочна и нарядна обложка, вмещающая целую галерею национальных фольклорных образов.

Этот первый лист — словно торжественное приглашение в неведомый, волшебный мир, его насыщенная декоративность — словно канонический зачин сказочного повествования: «В некотором царстве, в некотором государстве...» Одна за другой ложатся на ладонь несомые, плотные страницы — словно развертывается некий пленительный свиток. Удивительна и своеобразна природа народного эпоса. Замысловато и диковинно переплелись здесь фантазия с миром реальным, повседневным...

Перед художником-сказочником возникает сложнейшая задача не только проиллюстрировать сюжет, но и передать в зримых образах устную орнаментику, которой разукрашена сказка, традиционную словесную образность: виртуозные зачины и при сказки, ритмические повторы, мудрые и лукавые концовки и, наконец, всю торжественно-замедленную мелодию сказочного повествования.

Проницательно и чутко уловил Билибин национальную основу и самобытность устной народной поэзии. Какое своеобразное переплетение этнографической точности и особой сказочной условности в билибинских творениях! Проницательно, не спеша ведет художник зрителя по страницам своей сказочной летописи, от одного образа к другому, как будто делится самым сокровенным, очень дорогим для него: «Не торопись, полюбуйся вместе со мной этим удивительно гармоничным узором, пришедшим со старинной крестьянской утвари, взглядишь и в этот замысловатый рисунок — точно такой орнамент украшал одежду наших предков, он прекрасен, и в нем есть что-то таинственное — здесь в причудливых арабесках слились восточные и славянские мотивы, а изгибы этих линий еще сохранили следы языческих символов».

В иллюстрациях к народным сказкам «Сестрица Аленушка», «Белая уточка» и к былине «Вольга», созданных Билибиным в 1902—1904 годах, видна твердая, уверенная рука уже сложившегося мастера, о котором можно говорить, что он выработал свою систему и виртуозно владеет ею. Четкий, изысканный рисунок, предельно взыскательное и экономное отношение к каждому мазку, строгая, пожалуй, даже строжайшая декоративно-линейная дисциплина (недаром он в шутку, но не без гордости называл себя «Иван — железная рука») — все это получило логическое завершение в стиле, который еще при жизни мастера получил право именоваться «билибинским».

И вот, наконец, встреча художника с миром пушкинских сказок. Долгожданная, радостная. Это, пожалуй, венец его творений. Казалось, что все сделанное до сих пор было лишь подступом к этому празднику. Какой простор для свободного полета фантазии иллюстратора! Здесь, наконец, Билибин во всем блеске может проявить свой особый дар — дар сатирика — качество ценнейшее для художника, обратившегося к интерпретации народного творчества. Ведь без гротеска невозможно себе представить ни озорных балаганских представлений, ни лубочных картинок, и уж, конечно, без лукавой, острой шутки невозможна народная сказка. В пушкинской серии юмор Билибина раскрывается в самых разных проявлениях — от чуть заметной иронической усмешки до разящего шаржа. Острым чутьем сатирика он, например, безошибочно улавливает чуть насмешливое, чуть снисходительное отношение поэта к царю Салтану.

Во все время разговора он стоял
позади забора.
Речь последней по всему полюбился
ему.

Билибин представляет зрителю двух участников этой сцены — царя и... кучью дворняжку. Они не обращают внимания друг на друга, но их неуловимо объединяет и роднит некая наивная простоватость и, пожалуй, даже беспечность... Художник изобретательно обыгрывает вполне реальные, обыденные ситуации и бытовые предметы, легко и непринужденно влетая их в атмосферу сказочности, небывальщины: роскошные царские палаты, словно волшебный ковер, щедро разукрашены орнаментом и росписью, превращены в некое зыбкое видение, существующее в особом иллюзорном мире и готовое вот-вот исчезнуть. Но тут же царская корона, запросто положенная на табуретку, как предмет повседневного обихода, или ночные туфли, по-домашнему брошенные у царского ложа. И здесь все узорчатое великолепие царского пира нарушается вторжением насмешливой нотки — «глубокомысленным» диалогом между сидящим на полу, осоловевшим от царской браги боярином и такой знакомой, «всамделишной» кошкой.

Но не всегда это только лишь забавные сценки. С каждым рисунком все явственней выявляется Билибин-сатирик, сатира его целенаправленна и бьет в точно избранную мишень — в царя и его бояр.

Вот само царское величество из шутильной прибаутки «Висело мочало» (титальный лист к сказке «Царевна-Лягушка», 1901 г.). На первый взгляд это безобидная, веселая безделушка. Но вот другая, более поздняя работа Билибина — для журнала «Жупел» — «Царь Горох». Дата — 1905 год. Монарх и его наследник наделены явно дегенеративными чертами. Это уже политический памфлет. Не напоминает ли эта карикатура те, прежние «невинные» потешки?

«Золотой петушок» — одно из самых блистательных созданий Билибина. Он, как никогда, увлечен этой работой. Ведь в этой сказке так много для него заманчивого — и причудливая фабула, насыщенная волшебными превращениями, и загадочные образы Звездочета и Шамаханской царицы, несущие в себе отзвуки восточной экзотики, и, конечно, сатирическая сущность сказки.

Иллюстрации были сделаны превосходно. Художник достигает совершенства в отточенности графического мастерства и в яркой и оригинальной трактовке персонажей.

Билибин с радостью соглашается на предложение Римского-Корсакова переработать иллюстрации для постановки «Золотого Петушка» в частной опере Зимина. Откровенная социальная сатира сказки, которая так привлекала и композитора и художника, объединила их творческие замыслы.

Музыкальная характеристика царя Дадона, данная Римским-Корсаковым в опере, беспощадна. Здесь и острый гротеск и сатирическая пародия, которая ощущается то в песне «Светит месяц», нарочито переработанной в бравурный марш, то в издевательно повторяющейся мелодии «Чижика» в момент любовного объяснения Дадона, то в речитативе скоромной пляски, сопровождающей шествие царя.

Столь же беспощадно разоблачает Дадона Билибин. Вот сквозь складки полого высунулась шутовская голова царя с испуганно вытаращенными глазами, с жалко обвисшими усами и ключьями седых вьстрепанных волос. И текст сказки приобретает особо ироническое звучание.

Царь ты наш! Отец народа! —
Возмлащает воевода. —
Государь! Проснись! Беда!

И. В. 1901

А вот неуклюжий, еле передвигающийся от старости ноги Дадон направляется к Шамаханской царице, представшей перед ним в ореоле своей загадочной красоты. Вспомним, как хор в опере облачает царя:

Сестры, кто трогает рядом
С лучезарною красой?
Царь он саном и нарядом,
Раб же телом и душой.

В эскизах Билибина к опере «Золотой петушок», так же как и в его последующих работах к спектаклям «Садко», «Руслан и Людмила», наряду с манерой «облагороженного лубка», характерной для ранних сказок Билибина, все явственней ощущается утонченная стилизация под древнерусскую миниатюру и иконопись.

В своих театральных эскизах художник не ставил перед собой задачу разработки сценического пространства, скорее наоборот — он стремился приобщить декорации к своей излюбленной орнаментально-линейной системе. По существу, они оставались плоскостными графическими листами, увеличенными до огромных размеров театрального задника. Да, это было сознательное самоограничение. Однако благодаря высокому эстетическому культу, которой обладал Билибин, глубоким знаниям в области быта и костюма Древней Руси, а главное, благодаря его тончайшей интуиции художника-сказочника спектакли, оформленные Билибиным, превращались в яркое, пленительное, поистине сказочное лицедейство.

В искусстве Билибина сложно переплелись приемы стиля модерн с его приверженностью к национальной художественной форме, которую он выискивал в лубочных картинках, старинных рукописных изданиях, древней иконописи. Как у всякого большого художника-новатора, у Билибина были свои взлеты, были и свои неудачи. Пристрастие художника к насыщенной орнаментации, к предельно отточенному линейному контуру в отдельных иллюстрациях превращалось в некую декоративную завесу, мешающую проникнуть в идею произведения.

Многие еще при жизни художника упрекали его в явной и неумеренной стилизации. Других раздражала пресловутая билибинская филигранная линия, та самая несокрушимая линейная дисциплина, которую сам художник так прославлял и культивировал. Но, пожалуй, более всего недоумения

ПЕЙЗАЖ.

вызывало однообразие его стилистических приемов. Ведь казалось, что при его самобытном, оригинальном даровании и столь блестящей фантазии способность к вариациям художественных методов бесконечна. Однако вот что ответил, уже на закате своей жизни, Билибин своему ученику, когда тот поинтересовался, почему на протяжении многих лет творческие приемы Билибина остаются неизменными:

«Иван Яковлевич спокойно и с большим достоинством сказал мне, что глубокое изучение памятников русского народного искусства явилось ценнейшим фондом, которым он все время пользуется в своих работах, и что он будет пользоваться им до конца своей жизни, так как он неисчерпаем. Он не перестает удивляться и гордиться богатством и разнообразием творчества народных мастеров и ставит своей целью популяризировать и прославлять его в своих работах».

В конце Великой Октябрьской революции Билибин находился в Крыму. Захваченный потоком эмиграции, художник оказался за пределами Родины. Ему пришлось познать всю пеструю, неуютную жизнь человека и художника, оторванного от родной почвы. С годами скудели творческие возможности Билибина. Все более ощущалась пустота вокруг, приходилось испытывать и пренебрежение, и зависть, и отчуждение, а главное, все более давила безысходная тоска по Родине. И поэтому, когда Билибин получил возможность вернуться в Советскую Россию, для него это было истинным духовным и творческим возрождением. В 1936 году Иван Яковлевич Билибин возвращается в свой родной город на Неве.

Начинается новый этап в жизни художника. Последний. Недолгий, но удивительно насыщенный творчески. Иван Яковлевич становится профессором графической мастерской Академии художеств. Уже через год, к 100-летию со дня смерти Пушкина, состоялась премьера оперы Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане» в оформлении Билибина. Но по-прежнему более всего его влечет книжная иллюстрация. С огромным воодушевлением создает он рисунки к роману Алексея Толстого «Петр I». По-новому, стремясь проникнуть в духовный мир героев, работает над иллюстрациями к поэме М. Ю. Лермонто-

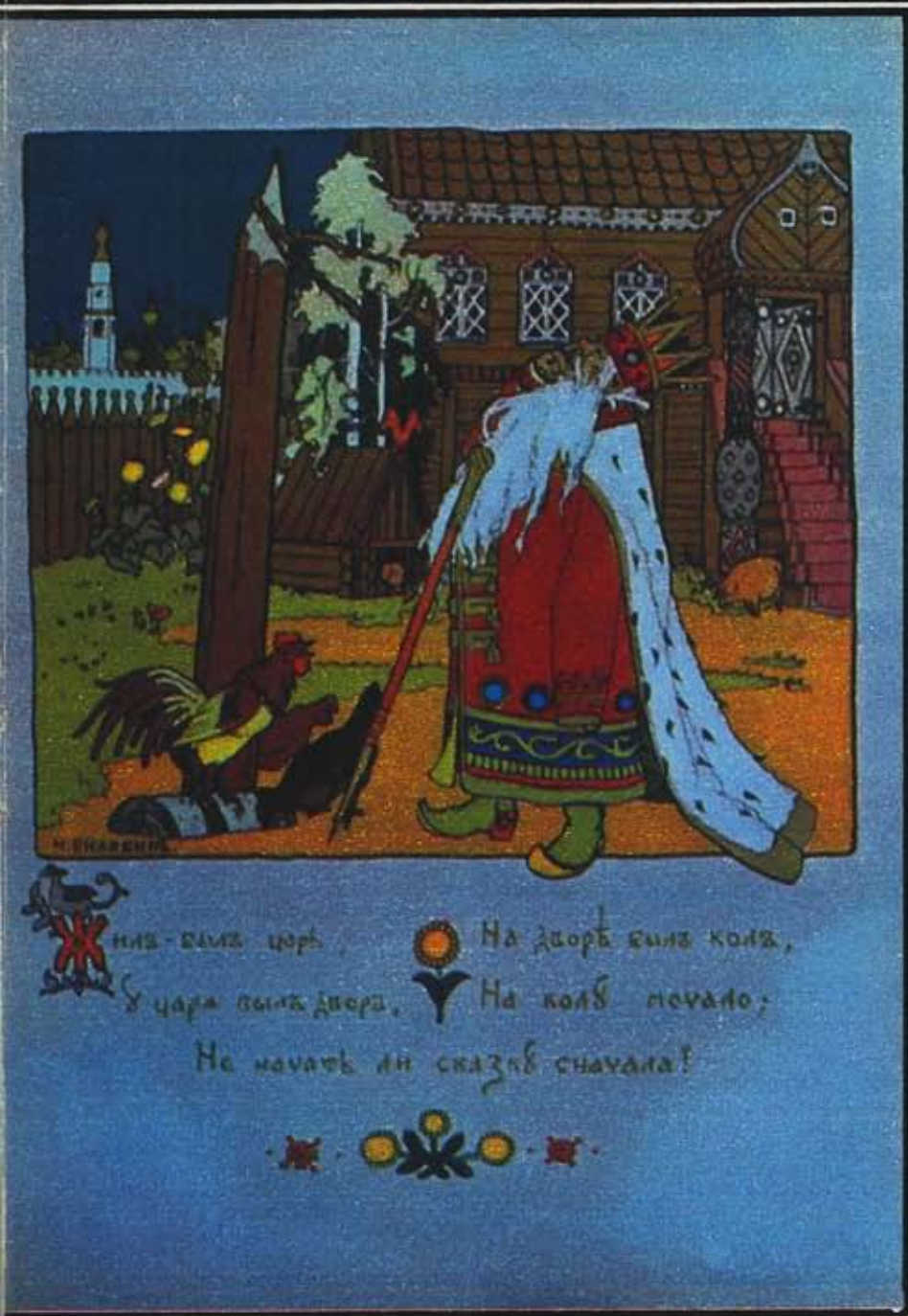
СКАЗКА О ЗОЛОТОМ ПЕТУШКЕ.

ональные навыки, мудрость зрелого, сложившегося мастера...

История отечественной графики знала много талантливых иллюстраторов фольклора. Но если мысленно исключить из летописи сказочных иллюстраций билибинскую книгу, эта летопись потускнеет, будет утеряна какая-то очень яркая, очень национальная ее страница.

Он был истинно русским художником и до конца своих дней сохранил веру в красоту и духовную силу своего народа — в тот драгоценный источник, из которого он черпал свое вдохновение.

Иван Яковлевич Билибин умер 8 февраля 1942 года в блокадном Ленинграде. На предложение эвакуировать-

 ния близ цорь, На дворъ близ коня,
 У царя близ двора, На колб печало;
 Не начавъ ли сказань сначала!

ПЕРЫШКО ФИНИСТА ЯСНА-СОКОЛА

ва «Песня про купца Калашникова». В 1940 году художник подготавливает первые рисунки к былинам. Эти листы должны были войти в обширный цикл «Героическое прошлое русского народа».

В эти предгрозовые годы сбывалось все, о чем мечтал художник. Появилась возможность планомерно работать и отдать любимому делу весь огромный опыт, высокие професси-

сти он отвечал: «Из осажденной крепости не бегут, а сражаются».

До последних дней, пока совсем не ослабели пальцы, он работал. Мечтал создать новую серию иллюстраций к русским былинам. «Работа продолжается... книга должна выйти, когда наступит победоносный мир. Книга о нашем героическом прошлом», — такова была одна из последних записей Ивана Яковлевича Билибина.

Гартинг шел с Иваном Прохоровым по Фридрихштрассе.

— Дорогой Иван Васильевич,—говорил Гартинг, держа Прохорова под руку,—я делю человечество на два класса: на тех, кто мне приятен, и тех, которые вызывают отвращение. Между нами-то, между двумя категориями этих людей, идет постоянная классовая борьба—в отшелушенном от всяких благоглупостей виде. Не согласны?

— Я слушаю.

— Могу выдвинуть другую тезу. Я правильно говорю с точки зрения марковского учения? Теза?

— Точнее, тезис.

— Слишком близко к латыни. Латынь—это холод, а я люблю тепло, даже туалет сказал покрасить в тепло-розовый цвет: пошлятина, понимаю, но в первое мгновение там всегда холодно, даже в жару. Так вот, извольте второй тезис. Мир—это постоянная борьба мужчин и женщин, все остальное—мура собачья. А гармонии в сражении за свободу достичь невозможно, поскольку слабый пол далекими своими инстинктами сражается за несвободу, за ограничение нашей воли, за подчинение нашего естества жупелу семьи, дома, благополучия; каждая семья—это мир в миниатюре, Иван Васильевич.

— Реферат не хотите в нашем клубе прочесть?—поинтересовался Прохоров.—Вас бы там очень лихо разложили.

— Это бы только казалось. Позиция моя абсолютна. Ее невыгодно признавать—другое дело. Я знаю мнение по этому вопросу Крушинской, так ведь конспираторски Розу Люксембург зовут?

— Так.

— Не зря хлеб ем,—вздыхнул Гартинг.—Идет работа.

— Много работы?—спросил Иван.

— Много.

— Должен вам сказать, что я ненавижу сидеть за дурака в преферансе: вы хотите начальствовать не только вашей острой мыслью, но и самим фактом вашего надо мною превосходства.

— Я?!—искренне удивился Гартинг.

— Не я же... Заметили—я вам вопросов не ставлю, а вы так и сыплете. Неравенства, с точки зрения вашей любимой кантовской философии, не приемлю. — Начнете работать активно—сравняемся в положении.

Прохоров увидел кого-то в толпе, сжал руку Гартинга:

— Юзеф... Быстро уйдем куда-нибудь!

— Юзеф?—переспросил Гартинг, повернувшись профессиональным филерским «заворотом на месте».—Дзержинский?

— Кажется.

— Не кажется, а именно так: я его портрет узнал.

— У вас его безбородый портрет должен быть.

— Бородатый тоже есть. У нас тут фотографии отменно работают.

— Если он меня спросит, с кем был, что отвечать?

— Господи, скажите, знакомый! Влас Родионов Голопулов. Купец. Да потом здесь со мной можно спокойно ходить—никто из ваших меня не знает, чистый дипломат...

Гартинг приблизился к Ивану и, смешливо дергая кончиком носа, сказал тихонько:

— А Дзержинского надобно попробовать переправить в Варшаву. Там его ждут-заждались... Сможем?

— Силенок у вас на это мало, Аркадий Михайлович. Дзержинский—это Дзержинский.

— Дорогой мой, силенок у нас хватает. Какие силы на это нужны—нуте-ка, прикиньте?

Дзержинский и Прохоров встретились на Мотельзее, взяли напрокат лодку.

— Он пустил за тобою слежку, Иван,—сказал Дзержинский, передавая Прохорову портмоне.—Либо это последняя проверка, либо он заподозрил тебя. Сейчас я тебя высажу на этом берегу. Здесь для тебя паспорт на имя Аркадьева, билет в Париж и деньги на пансион. На связь ко мне выйдешь через месяц, в Кракове.

— От кого ты получил данные, что Гартинг пустил за мной слежку?

— Это, не сердись, мой секрет.

— Секрет? От меня?

Дзержинский улыбнулся:

— Стало, знаешь ли, известно, что британский король назначил преемника. Лорд-канцлер спросил: «Кого?» Король ответил вопросом: «Вы секреты хранить умеете?» Лорд-канцлер ответил: «Да». Король сказал: «Я—тоже».

Лодка ткнулась в берег.

— Ты сделал свое дело, Иван, ты его сделал прекрасно. Но я боюсь за тебя, и, пожалуйста, запомни, что гусарство в революции нетерпимо, ибо ты, твоя жизнь не тебе принадлежат—нашему общему делу.

Окончание. Начало в №№ 17, 19, 20, 21.

ОСОБО ОПАСНЫМ ПРЕСТУПНИК

Юлиан СЕМЕНОВ

ПОВЕСТЬ В ЭПИЗОДАХ, ПИСЬМАХ И ДОКУМЕНТАХ (1902—1905 гг.)

Друзья обнялись, Иван выскочил на берег. Дзержинский развернул лодку, поплыл обратно. Выгребал сильно, пел шутивную песню. Когда подгреб к лодочной станции, увидел растерянные глаза двух шпиков, один ринулся к зданию хозяина лодочной станции—там на столе стоял большой телефонный аппарат.

39

— Ну вот, товарищ Бебель,—сказал Дзержинский, раскладывая перед социал-демократическим депутатом рейхстага фотографические карточки.—Это Гартинг с нашим товарищем, который играл роль отступника, с Иваном Прохоровым. Здесь—с другим нашим другом, Мечиславом Лежвинским. Здесь они у входа на конспиративку Гартинга, Вагнерштрассе, восемь, около Цвибау. Это—завтракают. Здесь—Гартинг выходит из русского посольства, и ваши гвардейцы ему честь отдают: очень хорошо получилось на фотографии, нет? Это Гартинг у входа в вашу полицию. Это его телефон в посольстве и дома. А это список вопросов о революционерах—в том числе и немецких,—которые Гартинг поставил нашим товарищам.

...В тот день заседание прусского рейхстага не обещало ничего интересного, поэтому ложи прессы были почти пусты; множество депутатов гуляло по огромным, мраморным, серым, холодным коридорам, пили в буфете крепкий кофе, обсуждали разные разности с ответственными чиновниками министерства, которые обычно поджидали здесь «своих», чтобы выснить позицию во время предстоящих обсуждений бюджетных статей, а коли позиция еще определенной нет, попробовать создать ее.

Поэтому, когда Август Бебель взошел на трибуну, все считали, что вопрос он поднимет локальный.

— Господин президент, господа депутаты, дамы и господа,—начал Бебель неторопливо, зная, что на его выступление соберутся. Он давал время депутатам и журналистам услышать свой голос в коридорах и занять места, поэтому с главным, с основным тянул.—Предмет моего выступления может показаться вам странным только при поверхностном с ним ознакомлении. Речь пойдет не столько о вмешательстве в наши внутренние дела агента иностранной державы, как о том, что министерство внутренних дел и прусская полиция скрытно и вероломно нарушают нашу конституцию, входя в сговор с полицейским агентом России в Берлине, неким Аркадием Гартин-

Рисунок Никиты КРИВОВА

гом, выступающим во время приемов и светских раутов под обличем дипломата. Я располагаю документами о противозаконной деятельности Аркадия Гартинга, свившего себе полицейское гнездо в центре Берлина под крылышком нашего добренького министерства внутренних дел. Я располагаю данными о том, что Гартинг занимается сбором данных о русских революционерах, нашедших приют в нашей конституционной стране. Более того, я обладаю свидетельскими показаниями о том, что Гартинг пытается собирать сведения и о нас, немецких социал-демократах. Я намерен потребовать расследования деятельности так называемого дипломата Гартинга, для чего позвольте ознакомить вас с целым рядом документов...

Прусский канцлер Бюлов принял русского посла Остен-Сакена в загородной резиденции: после перенесенной инфлуэнцы врачи предписали ему две недели абсолютного покоя, парное молоко с медом и прогулки в сосновом лесу. Однако речь Себеля, вызвавшая недовольство кайзера, понудила Бюлова вызвать к себе посла—в нарушение предписаний врачебного консилиума.

— Ваше превосходительство,—сказал Бюлов, приняв Остен-Сакена не в кабинете, а на открытой веранде, за завтраком.—Опасения Санкт-Петербурга по поводу того, что речь одного из безответственных депутатов рейхстага может поколебать узы дружбы, существующей между нашими странами, необоснованны, совершенно необоснованны. Мы позволяем говорить с трибуны рейхстага все что угодно. Мы позволяем,—повторил Бюлов.—Но мы можем и возразить, если в этом возникнет нужда. Что ж, нужда возникла. Мы возразим. Мы щелкнем по носу. Ваш дипломат...—фон Бюлов не помнил, естественно, фамилии Гартинга, а посол не счел целесообразным подсказывать,—ваш дипломат,—продолжал Бюлов, поняв, отчего промолчал посол,—должен продолжать свою работу с таким же рвением, как и раньше...

...Гартинг посмотрел на Остен-Сакена соболезнующе:

— «Как раньше» невозможно, ваше высокопревосходительство. Я теперь персонa нон грата, уехать придется. В отличие от вашего ведомства мне потребно полнейшее отсутствие какой бы то ни было популярности.

— Я сделал все, что мог, Аркадий Михайлович. — Вы думаете, я не благодарен вам за это? Виною я не кого-нибудь, а себя. Ну, что ж, хороший цирюльник учится на головах сирот. Сделаем вывод.

Посол закурил сигару, пододвинул ящик Гартингу, вздохнул:

— Не та пословица. Не сердитесь, я подскажу другу: «Хороший врач только тогда становится профессором, когда он зарезал пациентов на целое кладбище».

40

На стене, прямо над головой нового министра—огромный, в крепе портрет Плева, убитого Каляевым. Дурново тяжело смотрел на полковника Глазова. Тот выдержал взгляд с достоинством.

— Послушайте, полковник,—медленно проговорил Дурново,—государь был шокирован тем скандалом, который Дзержинский и Люксембург устроили в Берлине. Престижу имперской дипломатии нанесен удар, и отвечаете за это вы!

— За это отвечаем мы,—медленно ответил Глазов.—Если же вы действительно убеждены, что повинен один лишь я, ваше сиятельство, я готов написать рапорт об отставке незамедлительно.

Дурново мгновение поколебался, как повести себя, а потом в глазах его зажегся интерес. Глазов почувствовал это.

— В провале Гартинга виноваты все мы,—продолжал Глазов,—потому что работаем кустарно, разобщенно, по старинке, не желая понять, что со времен народовольцев революционеры изменились сугубо и главную опасность представляют не крикуны или бомбисты, вроде анархистов или эсеров, но социал-демократы. Мы виноваты в том, что меряем новое время старыми мерками, ваше сиятельство. После гибели моего друга и учителя Владимира Ивановича Шевякова я трагически пережил наше с ним общее прошлое, и я сказал себе: «Коли мы к революционерам станем относиться как к злодеям, лишенным всего человеческого, как к звероподобным,—мы никогда их не победим. Они такие же люди, как мы. Но их идея противна нашей, противна величавому лозунгу «православия, самодержавия и народности». Поэтому искоренять их следует, взяв за отправной пункт рыцарство и отвагу, да, да, именно так, ваше сиятельство. Педалируя на эти их качества—на веру в товарищей, на трепетное желание помочь друг другу,—я заарестую Дзержинского».

Продолжение на стр. 30.

МОДА

ЗИ

ПЛАТЬЕ-ПАЛЬТО И ТОНКИЙ СВИТЕР.

Парад осенне-зимней одежды, состоявшийся несколько недель назад в Общесоюзном Доме моделей, определил основные направления модных силуэтов, линий, цветовых гамм в зимнем сезоне.

Предваряя показ, заместитель главного художника Дома моделей Вячеслав Зайцев особо подчеркнул, что нынешняя мода предоставляет большую свободу выбора своим поклонникам, выступая не диктатором, а добрым советчиком, с уважением и вниманием относящимся ко всем запросам потребителей.

Предложения художников-модельеров в нынешнем сезоне отличаются большим разнообразием. И среди них каждый сумеет отыскать себе то, что в наибольшей степени соответствует его вкусам, склонностям, индивидуальности.

Каковы же рекомендации модельеров?

Начнем с пальто. В зависимости от фигуры вы можете выбрать силуэт трапецевидный, полуприлегающий или прямой. Верхняя часть трапеции оформляется кокетками и сборками, расширение книзу—довольно умеренное—начинается от проймы или от линии груди.

Наша текстильная промышленность освоила новые ткани, в которых ярко выражена текстура: букли-

ПАЛЬТО С БОЛЬШИМ ВОРОТНИКОМ И МАНЖЕТАМИ ИЗ МЕХА РЫЖЕЙ ЛИСЫ.

НАРЯДНЫЙ КОМПЛЕКТ. ПАЛЬТО С ПЕРСБОРЕННЫМИ РУКАВАМИ. ЮБКА В СБОРКУ.

МБ

розовые, рогожку, ворсовые, гладкие, тонкие сукна, габардины, фланель, двусторонние. Любая из этих тканей подойдет для вашего пальто. При этом не следует забывать, что оно будет современным в том случае, если вы сделаете свободным лиф, широкую пройму рукава—круглую или квадратную. Длина должна быть на 5—8 сантиметров ниже колена.

Не забудьте отделать пальто декоративной строчкой, застежкой. Заметим, кстати, что наряду с бежево-серыми, золотистыми, рыжими, коричневыми, терракотово-красными, зеленовато-коричневыми гладкокрашеными тканями в нынешнем сезоне модны и ткани в клетку, в полоску. Причем не в контрастном сочетании, а в полутонах.

Высокие сапоги или полусапожки на высоких каблуках с чуть закругленными мысами и плоская сумочка, которую можно носить на ремне через плечо, дополняют ваш зимний туалет.

Большой популярностью у молодежи пользуются в нынешнем сезоне комплекты: жилет и все виды юбок, жилет и брюки, с которыми можно носить и жакет мужского покроя. Продолжает оставаться модной многослойность в одежде: тонкие свитера, надетые под свободного

ПАЛЬТО В ЧЕРНО-БЕЛУЮ КЛЕТКУ ПРЯМОГО ПОКРОЯ.

покроя рубашки, платья, блузы. Популярны и сарафаны. Карманы на них располагаются на юбке или на груди. Сарафан можно отделать воланом, оформить декоративной строчкой, застежками.

Не уступают своих позиций и брючные комплекты. Особенность сегодняшней моды состоит в том, что силуэт выпрямился, а пояс брюк совпадает с естественной линией талии. К брюкам модельеры предлагают свободные туники.

Как всегда, популярны платья. Линия талии в них находится на своем обычном месте, характерная черта верхней части платья—низко пришитый рукав (реглан, кимоно) с широкой проймой. Воротники отложные рубашечного покроя, стойки или оформленные кокеткой. Юбки, как мы уже говорили, самого разнообразного фасона.

Основное украшение платьев—вышивка. Как правило, она одноцветная, резко контрастирует с цветом платья, например, белый орнамент на ярко-синем фоне, или мягко сочетающаяся с основной тканью, в полутонах.

Модный объемный силуэт помогают создавать мягкие, свободно падающие ткани. К ним относятся шерстяной креп, кашемир, натуральный шелк.

Дополнениями могут быть шарфы, косынки, различная бижутерия, искусственные цветы. Обувь в форме подочек.

Итак, мода предлагает, вы выбираете. А это процесс творческий, в котором вы можете проявить и свой вкус, и изобретательность, и чувство современности.

Сергей ПОЛИКАРПОВ

Вчера—КамАЗ,
Сегодня—БАМ,
А суть всегда одна:
По созидательным лесам
Взбирается страна.
Не раз палимая
Войной,
Ведет, не сдав ни в чем,
За пятикрылою звездой
Этаж за этажом.
Неисчислима высота,
Бессрочен путь звезды,
Поскольку имя ей—
Мечта,
А жизнь—ее следы!

Комарики-сударики,
Тажная братва,
Ишь, густо как ударили—
Очухались едва!
Пронзительные дудочки,
Сплошной зудящий звон...
А все же с нами удалю
Тягаться не резон.
Вам все бы нудной сапою
Тиранить мир живой!..
Стальной четырехлапою
Проходим буровой—
От Воркуты
К Анадырю
По хлябям вековым...
Выходит,
Здесь мы надолго,
На том стально стоим!
Буравят вышки
Жалами
Насквозь мерзлотный грунт...
Прошу любить и жаловать—
Хозяева идут!

Тишина лесов стозвучна,
Как стоцветен белый цвет...
По сосновым снежным сучьям
Белкой прыгает рассвет.
Он пуглив, и недоверчив,
И зыбуч, как белый снег,—
Он с макушки, издастече,
Не спеша рассмотрит всех,
Да послушает сороку—
Бабье радио лесов:
Что почем,
С какого боку
Ждать напастей
Иль послов?..
Лишь потом
По гулким кронам
Все пространство обойдет...
Тишина лесов стозвонна—
Гул до неба достает.

Не сезонник какой залетный,
Не какой-нибудь вертопрах,
Дятел—
Дядька лесной, работный,
Круглый год на своих харчах.
Он и плотник тебе,
И лекарь,
На все руки,
На все лады.
В справных дуплах его
От века
Белки княжили без беды...
И к какому делу ни встанет,—
Все, как водится,
Дятлу с руки...
В дорогом атласном кафтане
Он наведается в сосняки,
Простучит все деревья, истов:
Поздорову ли гулок ствол?
Лишь потом уже,
Клюв почистив,
Не спеша садится за стол.

ОСОБО ОПАСНЫМ ПРЕСТУПНИК

Начало на 26-й стр.

— Если вы его арестуете, я переведу вас к себе—за вас просили,—после паузы сказал Дурново.—Если он уйдет и на этот раз, вам придется поменять профессию. Есть она у вас, помимо жандармской?

— Есть, ваше сиятельство. Я могу давать уроки тенниса.

— Где давать намерены? На кортах митинги собирают,—революция идет, полковник, революция!

Дзержинский молча попрощался с товарищами, которые провели его к реке, остался один, прислушался: река шумела, как в Сибири, единым, литым, мощным шумом.

Гулко ухнула выпть. Дзержинский поставил баул на землю, сложил руки у рта ковшиком, ответил. Из камышей бесшумно выехала лодка. Человек, стоявший на корме, был мал ростом, но длинным веслом управлял ловко—даже капли воды, казалось, стекали бесшумно, а на границе каждый посторонний звук громок и страшен.

Дзержинский поставил баул на сиденье, мягко ступил на днище, покрытое сеном, тоненькое тело качнуло, и он развел руки, чтобы сохранить равновесие. Замер. Прислушался. Все было тихо, только дышал он прерывисто и, как ему казалось, громко, до невозможного громко.

— Садись, Дзержинский,—шепнул контрабандист. Дзержинский рывком обернулся: имени его не должен был знать никто, кроме членов Главного правления партии.

Контрабандист отбросил капюшон с лица: на Дзержинского глядели круглые, неподвижные глаза «графа» Анджея Штопаньского. Мальчишка почти совсем не подросток, только лицо стало морщинистым—от ветра, видно, здесь ветра продувные.

— Что, сменил профессию?—спросил Дзержинский и подвигал своему шепоту—он был свистящим; так в спектаклях, которые разыгрывали у них в Дзержинове, говорили злые волшебники.

— Да. Банду разогнал—дармоеды. Теперь революции служу: вашего брата через границу таскаю, дурю пограничников, сучьи их хари!

— Не смей ругаться.

— Тише ты!

— Прости...

— Прости, прости... Палить начнут, тогда узнаешь, как прощения просить.

— Вернешься на тот берег, пойдешь в Краков. Найдешь улицу Стащицу, дом три. Спросишь товарища Мечислава. Скажешь, что от меня. Передашь, что я просил устроить тебя в рабочую школу на Ляшковской. Они знают. Жить будешь в моей комнате—кровать там есть.

— А жрать что буду?

— Тебя пристроят к работе.

— Нет. Не хочу перед мастером шапку ломать. Здесь я себе хозяин, меня просят—не я.

— В переделки больше не попадал?

— Бог миловал.

— Попадешь—да еще с тем хвостом—на каторге погубишь.

— А ты?

— Мне двадцать восемь лет, а не тысяча девятьсот два.

— Нет, Дзержинский. Спасибо тебе. Здесь я сам. Понимаешь? Я не верю людям. Особенно тем, которые дают работу.

Лодка мягко вошла в камыши—русский берег.

— Все. Можешь идти, Дзержинский.

41

...Гремит «Варшавянка» на Маршалковской...

Громадную колонну рабочих и студенческих демонстрантов вел Юзеф, ставший от недосыпания последних недель худеньким, громадноглазым, будто в лице его было то внутреннее освобождение, которое лишь и дает человеку ощущение своей нужности и принадлежности тому обществу, в котором твое «я» дышит полной грудью и выражает себя всего, до донышка, без остатка.

Из-за плотной шторы, пропахшей проклятым поли-

цейско-тюремным, карболово-пыльным запахом, Глазов видел счастливое лицо Юзефа.

Обойдя канцелярский, потому особо угластый стол, с тремя регистрационными бирками, подполковник остановился за спиной своего помощника, поручика Турчанинова, и, лениво размяв холодными пальцами с красиво подрезанными ногтями длинную папироску, закурил, вернулся к окну, сказал задумчиво:

— Хорошо поют. Все-таки славянское пение несет в себе неизбывность церковного. Послушайте, какой лад у них и гармония какая, Андрей Егорыч...

— Я дивлюсь вам,—подняв оплывшее лицо, ответил Турчанинов.—Я дивиться не устаю, Глеб Витальевич. Все трещит по швам и рушится, а мы занимаемся писаниной вместо того, чтобы действовать.

— Ничего, ничего, Андрей Егорыч.—Глазов поникающе кивнул на окна.—Поют, ежели пьяны или радость просится наружу. Попоют—перестанут и писать начнут. Нам с вами будут писать, Андрей Егорыч. Друг о друге. Ибо главная черта людей—переваливать вину. Полковник Заварзин—на меня, я—на вас, вы—на подпоручика фон Минаса. Если мы сможем сделать жандармерию формой светской исповедальни—государь вправе уже ныне назначить день празднования тысячелетия монархии.

Турчанинов отошел от окна, потер глаза—слезились от странного напряжения, будто гнал коня по ночному полю, незнакомому, ноябрьскому, бесснежному еще.

— Оптимизм ваш доказателен, Глеб Витальевич, логичен, изящен, но вы на лица-то их подольше посмотрите.

— Разумный довод,—согласился Глазов.—Более того, их лица наиболее устрашающе действуют на меня в тюремных камерах, когда беседуешь один на один. И тем не менее идея, объединяющая Россию, идея помазанника, дарованного народу от Господа, дорога миллионам, а социалистические утопии—лишь тысячам.

— Вы сказали «идея»? Идея—это когда на новое накладывается еще одно новое. Если же идея подобна надгробию, бессловесна и призвана быть силой сдерживания вместо того, чтобы стать силой подталкивания, тогда идея эта и не идея совсем, Глеб Витальевич...

— А что же это, по-вашему?

— Тогда это окопная линия, оборона, в то время как на нас идет наступление—страшнее и привлекательнее в силу своего атакующего идейного смысла.

— Умно,—сказал Глазов.—И главное, честно, до сердечной боли честно. Давайте-ка сверим часы: на ваших сколько?

— Десять.

— Уже? Пошли к окошку—сейчас начнется.

Началось позже—из переулков вырвались конные жандармы и казаки: патронов было приказано не жалеть и в воздух не стрелять.

42

Дзержинский—с лихорадочным румянцем на щеках—диктовал наборщику и Винценты, который помогал складывать шрифт: «Братство и единство всех рабочих, борьба объединенного пролетариата России и Польши, вплоть до окончательного свержения преступного самодержавия—наш лозунг. Дни Романовых сочтены, к борьбе, товарищи—и жертвы не усташат нас...» Теперь второй материал набирайте—статью Красовского о расстреле демонстрации. Печатать будем под рубрикой «Глазами очевидца»... Старик написал прекрасно...

Дзержинский обернулся к Винценты.

— Что с тобой? Отчего ты так глядишь на меня? Что случилось?

Винценты отошел к окну. Дзержинский в недоумении пошел за ним следом.

— Юзеф, мы в Варшаве нащупали одного человека в охранке поручика Турчанинова... Словом, он дал мне переснятые им рапорты агентов полковника Глазова... Юзеф, твой Красовский—агент охраны...

— Ты поверил этому? Ты смел в это верить?!

— Юзеф, вспомни Гуровскую...

— То Гуровская, а здесь старик, который, рискуя, пишет нам статьи, зовущие в революцию и приведшие к революции тысячи сознательных пролетариев! Литератора, каким является Красовский, можно судить только по его слову!—Дзержинский был гневен.—Красовский в опасности—вот что это значит. Это провокация. Я должен немедленно ехать к нему.

— Ты не вправе рисковать, Юзеф. Ты отвечаешь за судьбы многих людей.

— «Люди» начинаются с «человека», Винценты...

Через час Дзержинский был арестован жандармской засадой на квартире Красовского. Старика увезли в тюрьму—сработала старая задумка Глазова, та еще, которую он начал разыгрывать, вербуя Ноттена.

43

Глазов долго рассматривал лицо Дзержинского, медленно курил, со вкусом затягиваясь папиросой.

Дзержинского эти жандармские штучки не волновали.

— Феликс Эдмундович, как с легкими?—спросил наконец Глазов.—По-прежнему страдаете?

— Ян Эдмундович,—поправил его Дзержинский.—Вы спутали мое имя.

— Да будет вам... Но если хотите поиграться, извольте: Ян Эдмундович.

Глазов затушил папиросу, достал из стола газеты—«Биржевые ведомости», «Русь», «Искру», «Червоны Штандар», «Вперед». Подвинул их Дзержинскому и предложил:

— Изголодались без новостей, верно? Почитайте, я пока спрошу нам чая.

Он выглянул в коридор, крикнул унтера:

— Два богдановских чая и сухек.

Вернувшись к столу, он снова уютно устроился в кресле и медленно вытянул длинные ноги.

— А «Освобождения» у вас нет?—спросил Дзержинский.

— «Освобождения»?—Полковник оторвал глаза от ногтей, мельком глянул на арестанта, полез в ящик, перебрал все газеты.—Увы, нет. Но я спрошу, чтоб доставили.

Пришел унтер, щелкнул каблуками, замер у порога с подносом в руке.

— Да, да, прошу,—сказал Глазов.—И лимон принес? Ну, молодец, Шарашников, ну, умница.

— Рады стараться, ваш высокородь...

Когда унтер вышел, полковник продолжал:

— И обязательно обвалите лимон в сахарной пудре... Говорят, лимон крайне важен для тех, кто занят интеллигентным трудом...

Дзержинский отложил газеты, осторожно прижал их к столу.

— Какие-нибудь вопросы ко мне будут?

— Вопросы?—переспросил Глазов.—Да их тьма. Но вы, видимо, откажетесь отвечать.

— Конечно.

— Я так и думал. Нет, нет, я понимаю вашу позицию: с жандармами говорить, что воду в ступе толочь. Я сам пришел из армии, из пехоты.

— Не воевали?

— Не довелось. Я из дворян, отец умер рано. Поместье рушилось, семье надо было помогать, в армии содержание—восемьдесят пять, а здесь—сто двадцать золотом. Как-никак, семь коров в месяц,—усмехнулся Глазов.—Ну, и перешел.

— Вы же ничего не производите и получаете семь коров в месяц,—усмехнулся Дзержинский.—А мужику-трудяге, чтоб собрать на одну корову, надо год корпеть кровавым потом.

— Корпеть кровавым потом—не по-русски, господин Дзержинский.

— Так я поляк...

— Но подданный Российской империи?

— Пока что.

— Всегда будете.

— Революция в России даст Польше свободу.

— На ближайшее обозримое столетие в России будет то, что есть.

— Испрашиваете у Санкт-Петербурга позволения на подобные вольности в разговоре с арестантом? Или на свой страх и риск?

— Сам. Я всегда полагаю на себя—как говорит-ся, волк среди волков. Какие-нибудь просьбы у вас есть?

— Нет.

— Жалобы?

— Нет.

— Письмо хотите через меня передать сестре Альдоне Эдмундовне?

— Я отправлю письмо в установленном порядке.

— Склонять вас к сотрудничеству глупо, я отдаю себе в этом отчет, Феликс Эдмундович...

— Очень хорошо.

— Склонять вас глупо, но хочу вас спросить: зачем же вы невинного Ноттена уконтролючили, а? Ну, Гуровская, ну, Шевяков—все понимаю, а Ноттена зачем?

Дзержинский усмехнулся:

— Зря вы это плодите...

— Что мы плодим?—поинтересовался Глазов.

— Вы плодите провокацию, а это в конечном счете процесс неуправляемый. Те листовки, которые вы позволяли печатать Гуровской в ее типографии, сохранились в домах тысяч рабочих. Ликвидировали вы десять наших товарищей, а сотни остались. Они-то не знают, что листовки под вашим контролем печатались: текст был наш. Как бы вы нас ни казнили, процесс необратим, слово нашей правды уже пошло по стране, а слово не остановишь, это вам не террорист с бомбой...

— Тоже верно... Но я вашу убежденность буду изнутри разрушать, Феликс Эдмундович. Вы посте-

пенно перестанете верить окружающим, потому что время от времени будет открываться вам: тот—с нами, другой—с нами, и третий—тоже. Вы совершенно правы, процесс необратим, но ведь и мы тоже о будущем думаем.

— С помощью провокации?

— Напрасно иронизируете. Франция—страна отнюдь не монархическая, но и там в борьбе с анархией пользует агентурой.

— Мы не анархисты. Мы социал-демократы, а во Франции социалисты входят в правительство.

— Оп!—обрадовался Глазов.—А сколько времени я вас к этой мысли вел, Феликс Эдмундович! Я ведь вам говорил, что о будущем думаю. И хочу, чтобы в этом скором будущем люди к государственному институтам отнеслись разумно...

— К ним так историки отнесутся, после того как ваши государственные институты будут разрушены народом. Неужели вы серьезно думаете, что новое общество можно строить руками старых государственных институтов? Или помогайте нам рушить старую формацию, или...

— Помогать вам?—перебил Глазов.—Значит, к сотрудничеству меня склоняете? Не я вас, а вы меня? — Именно.

— Побойтесь бога, Феликс Эдмундович! Сколько вам осталось по земле ходить, бедный вы мой?! Месяцы от силы. Таких, как вы, мы станем уничтожать, ибо горбатых исправляют могилы. Умные-то к нам идут, тот же Красовский, коли хотите правду...

— Красовский сидит на третьем этаже, в камере сто сорок, я опоздал, я не успел увести его за границу, в Краков, и себе этого не прощу. Но я открыл вашу гнусность—более вы не опасны нам.

— Опасен, Феликс Эдмундович, ох, как опасен.

— Слушайте,—тихо спросил Дзержинский,—неужели вы не понимаете, что все кончено? Неужели вы не понимаете: у вас один путь к спасению—помогать нам, а не здешиим тупоголовым кретинам? Неужели в вас убито все живое—даже инстинкт самовывживания? Я даю вам срок для принятия решения. Сутки я вам даю.

Глазов вызвал Турчанинова и сказал ему устало:

— Подумайте, как можно помочь Дзержинскому уйти на волю. Пусть бежит. Пусть... Или вам не понятно, как такое делается? Или он обыграет стражников, или они его подстрелят: «на войне, как на войне»...

Дзержинский миску протянул, Анджей, тоже схваченный людьми Турчанинова, плеснул ему баланды и незаметно подтолкнул половником. Дзержинский понял: парень что-то хочет сказать ему. Миска со звоном упала на кафель.

— Вытирай теперь!—сказал Анджей.—Я не нанимался.

— Плохо наливал! Вместе вытирать будем.

Охранник лающе, со стоном, зевнул, откашлялся, прохрипел посаженным голосом:

— Бери тряпку, поможь...

— В других камерах арестанты галду подымут, еду надо разносить, вашбродь.

Охранник выглянул в коридор, лениво крикнул:

— Майзус, помоги миску перенести!—и отошел к соседней камере.

Анджей взял тряпку, опустился на колени—голова к голове с Дзержинским:

— Бежать можно сегодня, мне стражник Валя помощь сулит.

— Не надо. Не верь стражнику, Анджей, нельзя так легко верить!

Анджей поднялся, отжал тряпку в ящик для мусора, посмотрел на Дзержинского сожалеюще и молча вышел из камеры.

...Вечером, попросившись в уборную, Анджей потянул на себя подпленную решетку в маленьком оконце, которое выходило на крышу административного флигеля. Решетка подалась легко, без скрипа. Анджей действовал быстро, опасаясь, что охранник, который по-прежнему зевал, начнет торопить его. Подтянувшись, Анджей пролез в окно.

В это время, как и было уговорено, в камере, что находилась в дальнем углу коридора, закричал Евсейка-дурак, отвлекая охранника. Услышав, как затопали сапожники охранника, Анджей опустился на крышу флигеля, сорвал с себя бушлат, развернул тонкую шелковую сутану, которую ему передали сегодня утром, черную ксендзовскую шапочку надел на себя стремительно, опустился по пожарной лестнице в неохраемый дворик, пересек его, вошел в коридор, откуда вела дорога к свободе, остался лишь один охранник, старикашка придурочный, носом клюет, а на пенсию не хочет: поди проживи на пятнадцать рублей.

Когда осталось до старика пять шагов, Анджей услышал крик: жандарм, который пас его возле уборной, видно, обнаружил побег.

Анджей распахнул дверь, прошел мимо дремавшего

охранника, который вскопчил, увидав сутану (рассчитано все было точно: ксендз входил сегодня днем через эту дверь, а выводили его главным подъездом, придурочный соображал туго, но то, что туда входил, должен был помнить).

Когда дверь за Анджаем захлопнулась, заныли колокола тревоги. Анджей побегал по набережной Вислы. Бабахнул выстрел со сторожевой вышки.

— Стой!—закричал сзади.—Стой, черный!

С третьего выстрела его прошили.

Анджей бежал по набережной навстречу людям, чувствуя, как соленая кровь обжигает горло.

С пятого выстрела ему перебили руку.

— Ну что же вы?!—закричал он.—Что же вы, люди?! Что ж стоите?! Убивают ведь! Эх, вы, люди...

Если остановить движение (что само по себе невозможно, ибо движение есть форма жизнедеятельности мироздания), или, точнее, если представить себе эту невозможную, резкую, как монтажный стык кинематографа, остановку, то незримый объектив кинокамеры должен был увидеть, запечатлеть и сохранить навечно стылый январский день 1905 года: и трупы на Марсовом поле, и военное гулянье на Кони-Айленде, и расстрел первомайской демонстрации в Варшаве, и тифозных солдат в Хабаровске, и парад победы в Токио, и стачку в Москве, и канкан в Париже, и голодного Пикассо в Барселоне, и повешенных революционеров в Харькове, Лодзи, Чите, и громадину Зимнего дворца, и тихую залу, в которой сидел великий князь Николай Николаевич, внимавший взлохмаченному и трясущемуся Филиппу-провидцу, который говорил жарко, мешая французские и русские слова:

— Деяние—рьян, ничто, пусто; ожидание—боюсь, боюсь, чую копыта! Величие—каково? Колонна рушится, величие—вечно. Ум—где он? Чей? Умишко—умище—ум...

Руки провидца месье Филиппа трогали черное сукно спиритуалистического стола осторожно, как хлеб,—а как иначе трогать ему святое, ежели он, булочник из Бордо, он к хлебу, как к святыне, прикасался, он святость эту на мысль перенос, доходную мысль: когда царит страх—глупость растет во сто крат и надежду в другом ищет, коли в себе пусто.

— Чужой ум—в свое русло, русло сетью, рыба—твоя; чешуя тре вожюр, держи, держи, бойся, уйдет—пропало...

— Кто это, Трепов?—спросил Николай Николаевич тихо, не обернувшись даже к сидевшему подле генералу.

Тот, с хитрованской усталостью в раскосых, татарских глазах, ответил, не веря самому себе, а уповав лишь на умение угадывать:

— Граф Витте, ваше высочество. Либералы начинали—им управлять. Не управятся, будут ответ держать: за прошлое и за настоящее...

— Кто дальше?—спросил Николай Николаевич месье Филиппа, который беседе святейшей особы не прервал, европеец, сукин сын, хоть и булочник: у них любой, даже бабенка с панели деликатна от розог в детстве, это только россияне детишек тюрей кормят, зубешки им берегут, европеец сразу ему химический целлулоид в хавало: жуй и молчи, а орать будешь—по заднице!

Однако таинственность вида месье Филипп сохранял и пальцами сукно продолжал трогать во время беседы августейшей особы с приближенным другом и на вопрос Николая Николаевича отвечал быстро, стараясь вести себя так, как это угодно жителям северной столицы, чтобы слышали то, что хотят слышать, но чтоб и в пальцах дрожь, в теле—озноб, а главное—в глазах уголья.

— Велик—не велик, кровь чужая—другой земле служить будет криван, сильней, истовой, страх потеря, потеря страха. Все рядом, вижу мягкое, под мягким—сила, а под силой мощь, не все видно—видно, а чувствовать—пальцами, кончиками, тре воли, слабо, еще слабее, а нажать! А если нажимать круасон! Больно, больно, гной ушел, рана спала, желтая кожица пор ля скальпель, авек, авек, вон! Прочь!

Николай Николаевич поднялся, отошел к маленькому зеркальному серванту, долго смотрел на лицо свое, которое было сейчас красно-голубым, пятнистым, потому что ломалось и рвалось в хрустале, подаренном Вильгельмом на крестины Анне, племяннице: стекло, за стеклом хрусталь, в хрустале куски лица, ох, ужас-то, будто бомбой порвало...

Великий князь крепко взял лицо большой мясистой пятерней, словно собирая со стола апельсиновые корки, сжал, ощутил себя, закрыл глаза, обернулся резко, сказал ясновидцу:

— Иди. Спасибо.

Трепов повелел остаться.

Царь слушал Николая Николаевича, казалось, внимательно, но взгляд его то и дело замирал. Трепов

заметил, где,—там небо сливалось с серой сталью Финского залива.

— Петербург я удержу,—продолжал Трепов.—Петербург будет цитаделью, ваше величество, патронов жалеть не стану...

— А Москву?—спросил царь.—В Москве стреляют. В Москве Кремль.

— Киев—матер городов русских,—сердито обмолвился Николай Николаевич,—а Варшава—европейское предместье: там тоже баррикады строят...

— Хорошо,—сказал царь,—пусть войдет Витте.

Граф был лицом устал, под умными и все примечательными глазами залегли дряблые мешки, рот сжат в жесткую и требовательную щель—варяг, сволочь, пригласили когда-то на свою голову, а как теперь без них?!

— Мне кажется,—неожиданно для всех улыбнувшись, мягко сказал государь,—что на том свете, где сливаются небеса и хлеба, сидят белые лебеди, хотя время их полета отошло. Чайки. Обычные чайки. Свидетельство постоянного человеческого желания мечтать. Итак, граф, я с радостью вижу вас в Царском селе и жду доклада.

— Ваше величество,—ответил Витте,—я благодарен за ту любезную милость, которой вы удостоили меня, но, право, не время сейчас искать иной путь, кроме как путь немедленной и безусловной военной диктатуры, иначе не удержат Россию.

— Мы не вправе позволять себе непоследовательность,—возразил царь.—Булыгин работал над проектом Думы, и мы дадим избранному сословию те свободы, которые целесообразны и допустимы.

— Государь,—твердо сказал Витте.—Россия возблагодарила бы вас за этот акт, полный глубочайшего прозрения, коли б у меня была армия. Но армия в Маньчжурии, на Дальнем Востоке, в Сибири, и движение ее к столицам затруднено выступлением революционеров. Даровать свободу без штыка в России нельзя: чернь не готова к парламентаризму. Лишь военная диктатура может спасти трон.

— Трон в спасении не нуждается,—резко возразил великий князь,—трон в России незыблем был, есть и будет. В спасении нуждается спокойствие подданных.

— Значит, надо ввести военное положение в столицах,—повторил Витте, и чуть заметная улыбка тронула его синева, сухие губы, ибо он понимал, какова будет реакция великого князя. Он не ошибся—тот отреагировал сразу же:

— Не военное, а чрезвычайное. За военное—мне отвечать, да? Нет уж, пусть за военное положение отвечают те, кто подталкивает Россию к анархии.

— А кто подталкивал Россию к анархии?—осведомился Витте.

Великий князь заметил молящий взгляд Трепова, полицейский, простованский, преданный, далекого смысла, и ответил примирительно:

— Безответственные смутьяны, мешающие нам с вами помогать несчастному народу.

— За военное положение,—скрипуче ответил Витте,—прими я предложение его величества возглавить кабинет министров, отвечать придется мне. Именно потому я и прошу освободить меня от милостивого и столь лестного предложения возглавить правительство.

— Так ведь,—подал голос Трепов,—вместо диктатуры прошу манифест объявить народу, царское слово до него донест, глаза ему раскрыть!

— Он потребует тогда гарантий,—так же сухо ответил Витте.—То есть конституции и амнистии.

— Что ж,—сказал царь,—вот вы и подготовьте мне проект, а мы его позже обсудим. Миром-то лучше, чем штыком, не так ли, граф? Мы даруем амнистию и провозгласим ряд свобод. А за скорейшим передвижением войск из Маньчжурии в центр России, в Малороссию и Королевство Польское правительство, возглавляемое вами, пригласит особо внимательно—мысль ваша точна и скальпелю подобна. Вернем армию—раздадим смуту до конца. Оружием раздавим.—Царь прищурился, обернулся к Трепову:—А все-таки вроде б последние лебеди тянут, не кажется тебе?

Трепов чуть веко оттянул—близорук:

— Оно вроде б и верно—лебедя...

— Чайки, ваше величество, чайки,—сказал Витте,—лебрус калидис, что значит, как помните, «кричащие в непогоду».

Рабочие Варшавы выломали ворота тюрьмы, ворвались во двор, загремел «Интернационал»—великий гимн революции...

Дзержинский вошел в освещенный ярко зал, протолкался сквозь толпу: люди с красными бантами—вот чудо-то!

Пошел к сцене.

Винченцы увидели Дзержинского—перекричал зал: — Товарищ Юзеф!

Дзержинский легко вспрыгнул на трибуну:

— За оружие, товарищи!

Под ножом гильотины — права народа

— Наконец-то мы нашли дом, в котором вы живете зимой...

«Вельтхокс», Цюрих.

— Сердечно поздравляю вас, Шелфи, вы пятисотый сотрудник, которому я в этом году отказываюсь повысить заработную плату! «Швайцер иллюстрирте», Цюрих.

— Долго вы будете путаться под ногами? У нас и без вас хватает работ... «Вельт дер арбайт», Кельн

— Сначала нужно узнать, какой фирме он платил страховку.

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ Под редакцией заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

В МЕКСИКЕ — ЗОЛОТЫЕ МЕДАЛИ!

И в нынешнем году сборная молодежная команда СССР поддержала добрую традицию — завоевала золотые медали на XXII Всемирной студенческой шахматной олимпиаде в Мексике. Наша команда опередила шахматистов семнадцати стран, набрав солидную сумму очков — 43 из 52 возможных. Серебряные медали достались кубинцам, бронзовые — англичанам.

Вот имена тех, кто добыл победу в этом ответственном соревновании: гроссмейстеры Олег Романишин, Рафаэль Ваганян, Александр Белявский, Сергей Макарычев, мастера Иосиф Дорфман, Адриан Михальчишин. О том, насколько уверенно они провели чемпионат, свидетельствуют сыгранные ими на турнире в Мексике партии. Приводим несколько запоминающихся фрагментов.

Такое положение создалось после 15-го хода черных во встрече лидера нашей сборной с западногерманским чемпионом К. Вонкефусом в матче СССР — ФРГ.

О. Романишин, игравший белыми, искусно «спровоцировал» противника на контратаку, которая лишь привела к ощутимому ослаблению в лагере черных ряда пунктов.

16. c3—c4 Сс6:d5 17. e4:d5 b7—b5?

Конечно, в данный момент брать пешку на поле «a2» черные не могут ввиду того, что ферзь окажется там в ловушке. Но и это решение к добру привести не может.

18. f2—f4 Ke5—d7 19. Ke2—d4! b5:c4 20. Kd4—c6 Фа5:a2 21. Лс1:c4 Фа2—a6 22. Лс4—a4 Фа6—b7 23. Ла4:a7 Фb7—b5 24. g3—g4!

В результате белые не только восстановили материальное равновесие, но и добились большого позиционного преимущества. Не случайно черные решают попытаться счастья в игре без качества, однако белые четкими действиями не выпускают из рук инициативы.

24. ...Kd7—c5? 25. Kc6:e7+ Le8:e7 26. Ла7:e7 Kc5:b3 27. g4—g5 Kf6—h5 28. f4—f5 Cg7—e5 29. f5:g6 h7:g6 30. Фd1—f3!, и черные сдались.

На этой диаграмме изображена кажущаяся равной позиция после 32-го хода белых в партии Р. Ваганяна с П. Барагаром в матче СССР—Канада. Красивой комбинацией с двукратной жертвой ладьи советский шахматист (у него были черные) склоняет чашу весов на свою сторону.

32. ...Лb8:b2! 33. Фс1:b2 c4—c3 34. Фb2—c1

К быстрому краху белых повел бы ферзевый эндшпиль после 34. Фb4 c4 35. Ф:a4 Лс1+ 36. Cd1 Л:d1+ 37. Ф:d1 Ф:d4 и т. д.

34. ...c3:d2 35. Фс1:d2 Лс8—c2 36. Фd2—e3 Лс2:a2 37. g2—g3 Ca4—b5 38. Лd4—d1 a6—a5 39. Фе3—b3 Ла2—b2 40. Фb3—a3 Фе5—f6!

Оригинальный вариант задумали черные, но соперник, повидимому, уловил их идею: 41. Kpg2 Cc4! 42. Ф:a5 Лb3 43. Cg4 h5 44. e5 Фе7 45. Cf3 Л:f3! 46. Кр:f3 Фb7+ 47. Kpf4 Ce2!!, и король белых оказывается в матовой сети.

41. e4—e5 Фf6:e5 42. Фа3:a5 Лb2:f2! 43. Kpg1:f2 Фе5—c5+ 44. Лd1—d4.

Белые вынуждены идти на

окончание без двух пешек, ибо в ином случае они получали бы мат или теряли бы ферзя.

44. ...Фс5:d4+ 45. Kpf2—g2 Cb5—c4 46. Фа5—e1 Cc4—d5 47. g3—g4 h7—h5!, и белые капитулировали.

Перед вами положение, создавшееся после 24-го хода черных в поединке А. Белявского (у него были белые) с американцем А. Копеком. У белых лучше расположены пешки, и их фигуры выглядят активнее.

25. Kd3—e5! Фе7—f6 26. Ke5—f3 Фf6—d6 27. h2—h4! h7—h6 28. Cg2—h3 Cb7—a6 29. h4:g5 h6:g5 30. Kpg1—g2 f7—f6 31. Ch3—f5 Лd8—e8 32. Лс1—h1!

Буквально за считанное число ходов белые успели искусно перебазировать свои силы и подготовить почву для штурма королевских бастионов соперника. Энергично и находчиво маневрируя, они вскоре проникают в неприятельский тыл, и угрозы черному королю становятся неотразимыми.

32. ...Ca6—c8 33. Cf5—h7+! Kpg8—g7 34. Ch7:e4 Le8:e4 35. Фd4—c3 Ле4—c4 36. Фс3—d3! f6—f5 37. Kf3:g5 Kpg7—g6 38. Kg5—f3 Лс4:b4 39. Фd3—c3 Cc8—e6 40. Фс3—h8! Черные прекратили сопротивление.

АТАКУЕТ ДЕБЮТАНТ

Среди гроссмейстеров и мастеров — победителей всеоюзного отборочного турнира, проведенного в нынешнем году в молдавском городе Бельцы, оказался молодой шахматист из Саратова Александр Петрушин. Он не только добился

права дебютировать в первой лиге чемпионата СССР, но и талантливо сыграл ряд партий. О его творческих удачах говорит, например, финал поединка с В. Карасевым — одним из лучших и опытных ленинградских мастеров.

Так выглядела позиция после 19-го хода черных. Неожиданной передислокацией коня А. Петрушин, игравший белыми, организует атаку на своем правом фланге.

20. Kc6—d4! Фс7—b7 21. Kd4—e6 Лf8—f6 22. f2—f3 Kpg8—h8 23. Cd3—e4! Cd5—c6 24. Ke6—g5! h7—h6 25. Ce4:c6 Фb7:c6 26. Kg5—e4 Ла8—f8 27. Ke4:f6 Лf8:f6.

Ценою качества черные парировали угрозы их королю, но белые серией умелых маневров усиливают давление в центре и успешно отражают отчаянные попытки партнера получить какие-нибудь контршансы.

28. Ла1—d1! a5—a4 29. a2—a3 Kph8—h7 30. Лf1—e1 Cg7—f8 31. Kpg1—h1 Фс6—c4 32. Лd1—d2 d6—d5 33. Фh5—e8! Cf8—d6 34. Ле1—d1 b5—b4 35. a3:b4 d5—d4 36. c3:d4 Лf6:f5 37. Фе8—d7+, и черные сдались.

Наш адрес: 101457, ГСП, 09284. А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 4/Х 1977 г. А 02137. Подписано к печати 18/Х 1977 г. Формат 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1200000 экз. Изд. № 2478. Заказ № 1206. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

НАША БИОГРАФИЯ

Слова Ольги ПИСАРЖЕВСКОЙ
и Анатолия МОНАСТЫРЕВА
Музыка Алексея МАЖУКОВА

*Мокрый ветер в лицо хлестал
На исходе октябрьской ночи,
Новый день на рассвете встал
Над землею светло и прочно.*

Припев:

*Мне не думать об этом нельзя,
И не помнить об этом не вправе я,
Это наша с тобою земля,
Это наша с тобой биография.*

*Новый день над землею встал,
Под копытами пыль клубится,
Где-то всадник с коня упал,
Где-то красная конница мчится.*

Припев.

*Ураганной эпохи шквал
Нас сегодня зовет за собою,
Новый день над землею встал,
Но трубач не расстался с трубою.*

Припев.

КРОССВОРД

Составил М. АНТОНЮК,
Москва

По горизонтали:

9. Работник типографии.
10. Русский ученый-энциклопедист.
12. Пьеса У. Шекспира.
13. Роман Г. Николаевой.
14. Молочный продукт.
15. Герой книги А. Твардовского.
16. Музыкальный интервал.
17. Персонаж рассказа А. Чехова «Человек в футляре».
19. Лабораторный сосуд.
21. Затишье, безветрие.
23. Роман А. Чаковского.
24. Химический элемент.
28. Река в Белоруссии, Литве и РСФСР.
29. Спортивное состязание на скорость.
30. Выпуклое ребро свода.
31. Русский мореплаватель XVIII века.
34. Балтийская сельдь.
38. Помещение для овец.
39. Металл.
40. Официальный доклад, донесение.
41. Специалист в системе торговли.
42. Автор повести «Синяя тетрадь».

По вертикали:

1. Рассказ М. Шолохова.
2. Место разработки полезных ископаемых.
3. Жидкость для производства красителей, лекарств.
4. Грузовое судно.
5. Паста из помидоров.
6. Советский космический корабль.
7. Столица государства в Южной Америке.
8. Перелетная птица.
11. Центральная часть колеса.
17. Озеро в Венгрии.
18. Летняя пристройка к дому.
20. Строительная конструкция, брус.
22. Бальный танец.
25. Советский летчик-космонавт.
26. Командир кавалерийского корпуса, герой Великой Отечественной войны.
27. Коллективное посещение достопримечательных мест.
32. Город в Нигерии.
33. Часть речи.
34. Город в Горьковской области.
35. Певец, народный артист СССР.
36. Портовый грузчик.
37. Минерал, драгоценный камень.

**ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 21**

По горизонтали:

5. Федерация.
9. Гильен.
10. «Наташа».
11. Кодекс.
12. «Гудок».
14. Винтер.
15. Андронов.
16. Ирландка.
17. Наливкин.
19. Студийка.
22. Мускал.
23. Асеев.
24. Капрон.
27. Климук.
28. Капиев.
29. Субботник.

По вертикали:

1. Резец.
2. «Гренада».
3. Финал.
4. Погодин.
6. Пластик.
7. Электрификация.
8. Рационализация.
12. Гвоздика.
13. Курчатова.
18. Аксакал.
20. «Кировец».
21. Чемпион.
25. Нукус.
26. Радин.

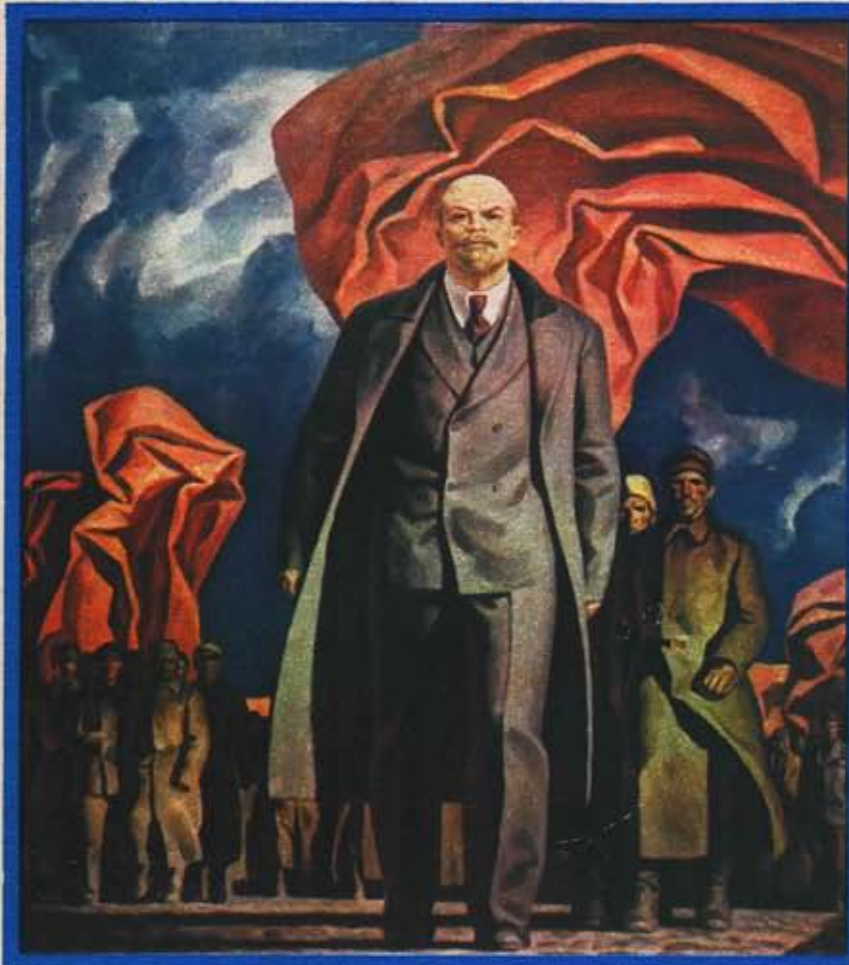
ОКТАБРЬСКИЙ СВЕТ

Накануне праздника в Москве открылась всероссийская художественная выставка «60 лет Великого Октября». Центральный выставочный зал заполнили сотни картин, скульптур, графических листов, произведений художников монументального и декоративно-прикладного искусства, театра и кино.

Четвертая часть экспонатов выставки принадлежит молодым мастерам. Ежегодно по путевкам ЦК ВЛКСМ и Союза художников молодые живописцы, ваятели, рисовальщики отправля-

ются бороться за народное счастье. В числе удачных работ, представленных на выставке, следует отметить полотна горьковчанина В. Жемерикина «В. Ульянов в Нижнем Новгороде» и И. Симонова из Свердловска «Вождь», картины московского живописца А. Жабского «Живое слово Ильича» и ленинградца Э. Козлова «Первый Ленинский декрет», скульптуру москвича Л. Баранова «Серго Орджоникидзе».

Как драгоценная память, как светлый завет новым поколениям запечат-

И. СИМОНОВ. ВОЖДЬ.

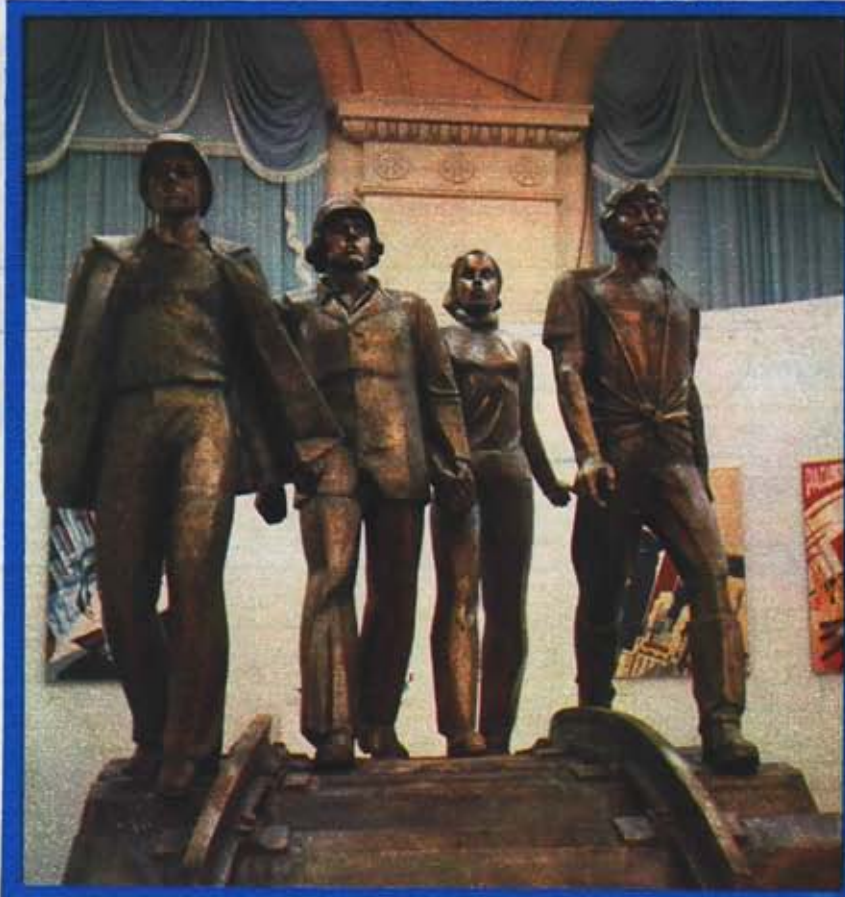
А. ПАНТЕЛЕЕВ. ПРАЗДНИЧНЫЙ ДЕНЬ.

ются в поездки по стране, чтобы лучше узнать современность, вместе с ровесниками пройти по шпалам будущей магистрали, испытать напряжение и радость хлебной страды, выйти в море на сейнере.

Многие вчерашние выпускники Суриковского и Репинского институтов стали известными художниками, и их творчество, представленное в Манеже, заслуженно обращает на себя внимание и запоминается свежей, глубокой образностью.

Все, что достигнуто нами, выросло на почве октябрьских завоеваний, и наша мысль вновь и вновь обращается к тем героическим дням, к образам

О. КИРЮХИН. БАМ-77.

Э. КОЗЛОВ. ПЕРВЫЙ ЛЕНИНСКИЙ ДЕКРЕТ.

Н. БАБИН, И. ОВАСАПОВ, А. ЯКУШИН. ИЗ СЕРИИ ПЛАКАТОВ «ПО ЛЕНИНСКОМУ ПУТИ».

лена истории Родины в акварелях В. Курдова из Ленинграда «Песни гражданской войны», в картине Е. Моисеенко (Ленинград) «Из детства», в иллюстрациях москвича А. Зыкова к повести Э. Казакевича «Звезда», в скульптуре москвича О. Кириухина «БАМ-77», в графических сериях Г. Стопы (Москва) «Земля — космос» и в рисунках В. Кубарева (Минск) «БАМ».

Лауреат премии Ленинского комсомола москвич А. Рукавишников создал интересную скульптурную композицию, посвященную трудовой юности Нечерноземья. Ш. Бедоев из Орджоникидзе поэтично запечатлел девушку-горнячку, а саратовец А. Учайев — победителя-хлебороба.

Картина москвича В. Грызлова передает атмосферу праздничного майского дня в Салехарде, где трудятся нефтяники и газовщики, а натюрморт лауреата премии Ленинского комсомола Я. Крыжевского, живущего в Вологде, раскрывает поэзию изделий рабочих рук («Металлические предметы»).

Эпопея борьбы и созидания, радость мирной жизни запечатлены в искусстве плакатистов А. и Е. Курманаевских из Ростова-на-Дону, в цветных линогравюрах С. Косенкова из Белгорода.

В каждом виде творчества молодые художники, участники выставки «60 лет Великого Октября», показали интересные работы, передав в них дыхание времени, красоту нашей эпохи.

Иван КУПЦОВ